

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт Африки Российской академии наук

На правах рукописи

Андреев Николай Дмитриевич

Африканская миграция в КНР в конце XX – начале XXI века

Специальность 5.6.2 – Всеобщая история

Диссертация

на соискание ученой степени

кандидата исторических наук

Научный руководитель:

доктор исторических наук,

ведущий научный сотрудник

Центра изучения

росийско-африканских отношений

и внешней политики стран Африки

ФГБУН Институт Африки Российской

академии наук

Дейч Татьяна Лазаревна

Москва

2024

Содержание

Введение	3
Глава 1. Африканцы в Китае с древнейших времен до начала 2020-х годов	32
1.1. Сведения об африканцах на территории Китая с древности до эпохи империи Цин	32
1.2. Африканское студенчество в КНР в конце 1950-х – 1990-х годах	37
1.3. Миграционное законодательство КНР и проблемы выходцев из Африки	46
1.4. Пандемия COVID-19 и ограничения для африканцев	76
Глава 2. Африканская торговая площадка в Гуанчжоу: экономическое и социокультурное пространства	81
2.1. Складывание анклава и этнический состав африканского сообщества Гуанчжоу	81
2.2. Африканское бизнес-сообщество Гуанчжоу	98
Глава 3. Восприятие африканских мигрантов гражданами КНР	132
3.1. Антиафриканские настроения в китайском обществе	132
3.2. Восприятие африканских мигрантов в блогосфере и социальных сетях КНР	144
3.3. Опыт позитивного сотрудничества китайских властей и общественных организаций с африканскими мигрантами	178
Заключение	188
Список использованных источников и литературы	194

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что важнейшей характеристикой современного глобального мира стали миграции значительного числа жителей развивающихся стран в страны развитые. В таких переселениях заинтересованы как сами мигранты, так и принимающие их государства: первые получают возможность существенно повысить свой уровень жизни, а вторые – закрыть те сегменты рынка труда, которые не представляют интереса для собственных граждан. Помимо такой мотивации, развитые страны впускают мигрантов и для того, чтобы усилить свое влияние на страны, откуда те прибывают. Это влияние может быть как экономическим, так и политическим.

Однако несмотря на выгоды миграции для самих мигрантов и для принимающих их стран, этот процесс имеет и обратную сторону. Во взаимоотношениях между мигрантами и принимающими обществами возникает напряженность, вызванная несколькими причинами. Сказываются социокультурные – а, следовательно, и поведенческие отличия коренных жителей от новоприбывших. Принимающим обществам как гораздо более развитым и сложно организованным присущи жесткая дисциплина и неприменный самоконтроль любых индивидуальных и коллективных поступков, высокий уровень правосознания (если не подлинного, то имитируемого), а также приверженность ценностям модернизации и, прежде всего, – незыблемости индивидуального пространства личности. Мигранты, как правило, изначально, еще до приезда в страну своего нового пребывания, в гораздо меньшей степени, нежели ее граждане, укоренены в модернизационной реальности. Попадая в инокультурное и иноязычное окружение, они оказываются вынуждены сохранять и укреплять связи друг с другом с помощью практик, аналогичных тем, которые присущи преимущественно традиционным и криминальным сообществам, поскольку подобные практики позволяют оперативно и эффективно защищать их интересы. У автохтонных граждан вызывает недовольство и приверженность мигрантов к более раскрепощенным формам поведения, диссонирующим с нормами поведения в развитых государствах.

Коренное население расценивает подобную социализацию и публично демонстрируемую непосредственность как вызовы. Проблема усугубляется и вследствие неизбежно возникающего в принимающих странах напряжения между большинством граждан (их задевает поведение иностранцев) и элитами, заинтересованными в сохранении в стране мигрантов из-за выгоды их труда, а также из геоэкономических или геополитических соображений. Местные жители в массе своей в повседневных практиках, индивидуальных и групповых жизненных стратегиях не ощущают выгоды от труда мигрантов, они также далеки от доводов геоэкономики или геополитики. В действиях властей по привлечению мигрантов они усматривают лоббизм, идущий вразрез с интересами коренного большинства. На этом фоне растет популярность радикальной антииммигрантской риторики, что отражается на электоральных предпочтениях избирателей.

Указанные негативные проявления миграции далеко не везде одинаковы. При культурной близости переселяющихся и принимающего общества (как, например, в случае с мигрантами из европейской части постсоветского пространства и восточными европейцами, а также когда сами восточные европейцы переезжают в Центральную и Западную Европу или Северную Америку) трения между ними возникают главным образом на экономической почве. По мере усиления социокультурных различий «доноров» и «реципиентов» именно этот фактор становится наиболее дестабилизирующим и тяжело поддающимся купированию, несмотря на очевидную экономическую выгоду труда мигрантов.

Таким образом, тема исследования, связанная с деятельностью и адаптацией в Китае африканских мигрантов, актуальна по нескольким причинам. Во-первых, КНР является высокоразвитым государством, но достигшим такого положения в результате реализации собственной – незападной – модели модернизации, в значительной мере апеллирующей к традиционным китайским ценностям и социокультурным нормам. Во-вторых, как успешная модернизированная страна Китай является привлекательным местом для

миграции из развивающихся африканских стран. В-третьих, экономическая рентабельность африканского предпринимательства в КНР в конце XX – начале XXI в. явилась результатом особенностей глобализации китайской экономики (превращения страны в «мировую фабрику», в том числе контрафактной продукции). В-четвертых, между африканскими иммигрантами и гражданами КНР возникают во многом такие же противоречия, какие имеют место между выходцами из развивающихся государств и жителями стран коллективного Запада. В данном случае особенность Китая не стала фактором, облегчившим адаптацию переселенцев с Африканского континента и позволившим избежать трений между ними и гражданами КНР. В-пятых, несмотря на это, в Китае постепенно аккумулируется и собственный уникальный опыт адаптации культурно далеких африканских мигрантов.

Научная проблема исследования заключается в том, что и граждане Китая, и проживающие в КНР африканские мигранты обладают в значительной мере традиционной социальностью. Из обоих субъектов более вестернизированным оказывается именно сообщество африканцев в силу его укоренения в колониальной европейской культуре, что объясняет их в целом успешное встраивание в глобальные торговые цепочки, связанные с Китаем. В настоящем исследовании предпринята попытка представить динамическую картину становления и развития африканского предпринимательства в КНР, восприятия его государственными структурами и обществом Китая, а также объяснить особенности протекания данных процессов.

Объект исследования – африканская миграция в КНР в конце XX – начале XXI в. и ее восприятие в этой стране.

Предметом исследования является сообщество африканских мигрантов в КНР в конце XX – начале XXI в. в его взаимоотношениях с местными властями и гражданами Китая.

Хронологические рамки работы соответствуют периоду с появления в КНР первых студентов из Африки в конце 1950-х гг. по 2020–2021 гг., когда в

связи с пандемией COVID-19 в Китае были введены ограничения для иностранцев, осложнившие жизнедеятельность африканского сообщества.

Территориальные рамки исследования определяются его объектом и предметом, они связаны с изучаемым сообществом африканских мигрантов и с городом Гуанчжоу как центром пребывания переселенцев с Африканского континента.

Целью исследования является изучение эволюции сообщества африканских мигрантов в КНР в конце XX – начале XXI в. и отношения к нему местных властей и населения.

Для достижения этой цели предполагается выполнить следующие **задачи**:

- систематизировать имеющиеся на сегодняшний день сведения о пребывании африканцев в Китае с древности и до начала фундаментальных комплексных реформ в контексте провозглашения в 1978 г. «политики реформ и открытости», исследовать следующий этап африканской миграции в Китай с 1978 г. до начала 2020-х гг.;

- рассмотреть миграционное законодательство Китая с середины XX в. и до начала 2020-х гг., показать логику его развития, рассмотреть содержащиеся в нем оценочные установки в отношении постоянно проживающих в КНР иностранцев;

- проследить процесс складывания африканского анклава в Гуанчжоу, оценить его этнический состав, механизмы и способы самоорганизации общин этого анклава, взаимоотношения между ними, а также сферы занятости переселенцев;

- изучить структуры африканского бизнес-сообщества Гуанчжоу, принципы его функционирования и воспроизводства, взаимосвязи со странами прибытия, динамику предпринимательской активности, причины нарастания в нем кризисных явлений;

- проанализировать практически малозаметное в публичной сфере отношение граждан КНР к африканским переселенцам, систематизировать содержащиеся в китайских блогосфере и социальных сетях оценки мигрантов из

Африки, представить опыт государственных и негосударственных инициатив их поддержки.

Научная гипотеза исследования. Взаимное соотношение предпринимательской заинтересованности переселенцев с Африканского континента и готовности властей КНР извлекать из нее выгоду как непосредственно в своей стране, так и с помощью ответного встраивания в деловую активность в Африке привело к тому, что мигранты смогли создать в Китае успешно функционирующий бизнес. Этот бизнес стал испытывать трудности после структурных изменений в экономике КНР, корректировки приоритетов миграционной политики страны и ограничений, вызванных пандемией COVID-19.

Методологическую основу диссертации составляет принцип историзма. Африканская миграция и реакция на нее властей и общества Китая изучаются со времени появления в КНР этих переселенцев с учетом конкретно-исторических условий. При работе над диссертацией использованы методы исторических наук. Разделение текста на главы и параграфы осуществлено в соответствии с проблемно-хронологическим методом. Поэтому составные части диссертации посвящены определенным аспектам миграции и действий официальных структур и общества Китая. Применен также историко-сравнительный метод: при анализе традиций деловой активности и семейного бизнеса африканцев учитывается их традиционный опыт, а при рассмотрении политики в отношении этнических локаций в Гуанчжоу принимаются в расчет китайские традиции управления инокультурными элементами. При подготовке исследования применялся историко-типологический метод для изучения восприятия китайцами африканских мигрантов, а также при оценке изменений, произошедших в подходах к этническим сообществам в государственных учреждениях Китая в последние годы.

Источниковая база диссертации. При написании диссертации использованы разнообразные источники, которые можно систематизировать по следующим группам: законодательные акты и нормативные документы КНР,

современная китайская публицистика, документы личного происхождения – интервью африканских мигрантов (опубликованные в работах современных зарубежных исследователей) и материалы китайской блогосферы и социальных сетей.

Использованные законодательные акты и нормативные документы КНР относятся к регулированию миграционного процесса. Это, в частности, «Временные правила въезда, выезда и проживания иностранных граждан» 1951 г., «Положение об управлении въездом, выездом, транзитом, проживанием и поездками иностранцев» в редакциях 1964 г. и 2013 г., Закон о гражданстве 1980 г., «Положение о паспортах и визах Китайской Народной Республики» 1980 г., «Временное положение о привлечении иностранных талантов» 1983 г., Закон о контроле за въездом в страну и выездом из страны иностранцев в редакциях 1985 г. и 2012 г., «Правила исполнения Закона о контроле за въездом в страну и выездом из страны иностранцев» 1986 г., «Положения об управлении трудоустройством иностранцев в Китае» 1996 г., «Программа разработки и создания системы подготовки национальных кадров на 2002–2005 годы» 2002 г., «Положение о получении вида на постоянное жительство иностранцев» 2004 г., «Правила применения “Административных правил по разрешению и управлению вопросами предоставления иностранцам права на постоянное жительство в Китае”» 2005 г., «Отчет о работе правительства за 2007 год», «План тысячи талантов» 2008 г., «Меры по обращению с иностранцами, постоянно проживающими в Китае» 2012 г., «Положение Китайской Народной Республики об управлении въездом и выездом иностранцев» 2013 г., «Заключение об усилении администрирования услуг для постоянно проживающих иностранцев и их обслуживании» 2016 г., «Уведомление по вопросам, касающимся разрешения на работу в Китае выдающимся выпускникам иностранных вузов» 2017 г. Данные положения размещены на официальных государственных сетевых ресурсах КНР, снабжены удобной поисковой системой, позволяющей быстро находить ответы на интересующие вопросы. Из сложностей работы с этими источниками можно назвать специфическую китайскую законодательно-

правовую терминологию, для адекватного перевода и понимания которой требуется вспомогательная информация. Данные источники дают представление о том, как менялось законодательство, что собой представляет сегодняшняя (с прихода к власти Си Цзиньпина в 2012 г.) миграционная политика КНР, какие имеются приоритеты по приглашению в страну иностранцев, насколько сопоставимы в правовом отношении национальные меньшинства КНР и мигранты.

Публицистические источники разнообразны. В основном это материалы китайской периодики, в которых рассматриваются проблемы адаптации африканских мигрантов и их восприятия местным населением. Очевидна оценочная гомогенность этих материалов: в них последовательно проводится официальная китайская точка зрения, сводящаяся к тому, что страна расположена к приему мигрантов из государств Африки, создает для них все условия для работы и бизнеса, но, вместе с тем, рассчитывает на правовую лояльность и дисциплинированность. В публицистических материалах косвенно поднимается проблема расовых противоречий между гражданами КНР и приехавшими африканцами. Она, как правило, обозначается как находящаяся в процессе успешного разрешения. Естественно, в силу цензурного контроля в Китае издаваемые и распространяемые в стране публицистические материалы дают приукрашенную картину жизни африканских мигрантов. Но, вместе с тем, такие материалы предельно четко обозначают официальную позицию руководства КНР по этому вопросу – не допускать расового противостояния, создавать впечатление благополучной адаптации приехавших из африканских стран бизнесменов, представлять их работу в местах компактного проживания как взаимовыгодную и для государств, откуда они прибыли, и для Китая.

Документы личного происхождения представлены материалами интервью мигрантов африканского происхождения, которые у них брали западные исследователи. В этой группе источников преобладает противоположный официальной точке зрения взгляд. Общий настрой, транслируемый в интервью, сводится к описанию трудностей адаптации приехавших из Африки

переселенцев из-за жесткого визового законодательства и строгих правил натурализации, по причине негативного отношения к приехавшим со стороны местного населения. Безусловно, данные интервью представляют субъективную картину, но именно такая субъективность является наиболее оптимальным маркером социально-психологического состояния мигрантов. Интервью разнятся по своему объему (от отдельных высказываний до целых «историй жизни» – в последнем случае как успешных, так и неуспешных), по охвату представляемых в них проблем (от концентрации на отдельных частных вопросах до ответов на целую линейку анкетных пунктов). К этой же группе источников личного происхождения следует отнести воспоминания Джона Эммануэля Хеви «Африканский студент в Китае», вышедшие в 1966 г. Лондоне. Автор – гражданин Ганы, приехавший в КНР в начале 1960-х гг. и оставивший негативные в отношении Китая мемуары о годах своей учебы в этой стране.

Материалы китайской блогосферы и социальных сетей позволяют реконструировать те настроения, которые бытуют среди граждан КНР в отношении мигрантов из Африки. В ситуации режимности китайского общества и контроля за публично высказываемыми суждениями сетевое пространство становится фактически единственной площадкой свободных и неподконтрольных властям мнений пользователей, выступающих под псевдонимами. Эти источники показывают преимущественно негативное отношение китайцев к мигрантам, которых резко критикуют за вызывающее поведение, не соответствующее нормам местной этики и многовековым традициям китайского общества. В таких сетевых ресурсах ощущаются даже панические настроения пользователей, опасаящихся, что приток мигрантов из Африки существенно деформирует социокультурное пространство городов, в которых оседают новоприбывшие. Непропорционально меньшую часть мнений составляют суждения, в которых содержится позитив в отношении мигрантов. Такой позитив проявляется в участливом отношении к ним и стремлении содействовать их адаптации в чуждом для них обществе.

Степень научной разработанности темы¹. Положение африканских мигрантов в современном Китае – тема сравнительно новая как в отечественной, так и в зарубежной историографии. Между тем уже сложился круг исследователей, которые ее изучают.

В российской историографии данной темой занимается Т.Л. Дейч². Автор анализирует причины этой миграции и ее динамику, обозначает основные локации сосредоточения выходцев из Африки, разбирает стратификацию внутри сообщества африканских мигрантов (имущественную и социокультурную) и специфику занятости этого контингента. Исследовательница уделяет специальное внимание проблемам адаптации переселенцев и особенно – возникающим на этой почве сложностям, как формально-правовым, так и связанным с глубинными различиями в индивидуальной и общественной идентичностях африканцев (уроженцев как Центральной и Южной Африки, так и арабской «северной трети» континента) и китайцев.

¹ При подготовке данного раздела введения использованы следующие работы автора: *Андреев Н.Д.* Африканская диаспора в Китае: меняющаяся идентичность в меняющемся мире // *Азия и Африка сегодня*. 2020. № 10. С. 78–80; *Андреев Н.Д.* Мигрантский дискурс в современной гуманитарной мысли как методологический подход исторического исследования // *Вопросы истории*. 2020. № 12 (1). С. 71–83.

² *Дейч Т.Л.* Африканцы в Китае: проблемы миграции // *Африканская миграция в контексте современных международных отношений: сборник статей / Отв. ред. Т.Л. Дейч, Е.Н. Корендясов*. М., 2015. С. 108–121; *Дейч Т.Л., Усов В.А.* Азиатские африканцы: как им живется в Китае и Индии? // *Азия и Африка сегодня*. 2016. № 3 (704). С. 33–40; *Дейч Т.Л.* Китай и африканская молодежь // *Молодежь в политической и социокультурной жизни Африки*. М., 2019. С. 253–259; *Дейч Т.Л.* Африканские мигранты в Китае в условиях коронавируса // *Африка в глобальном миграционном потоке: история и современность: сборник тезисов и докладов*. Москва, 23 сентября 2020 г. М., 2020. С. 9–10; *Дейч Т.Л.* Африканская диаспора в Китае // *Африка в глобальных миграционных потоках: история и современность: коллективная монография / Отв. ред. С.В. Костелянец*. М., 2022. С. 262–270.

Из других российских авторов данной темой занимаются Т.М. Гавристова³, А.А. Забелла⁴, Р.А. Балданова⁵. Российских авторов также привлекает тематика миграционной политики КНР, которая непосредственно связана с вопросами адаптации африканских мигрантов в Китае⁶. С темой настоящей диссертации непосредственно связаны работы И.В. Ставров по китайской этнополитике⁷. В

³ Гавристова Т.М. «Черные дьяволы» на студенческой скамье // Азия и Африка сегодня. 1997. № 10. С. 13–19. Для анализа интервью африканских мигрантов в Китае полезны работы исследовательницы, посвященные сторителлингу и дискурсивным практикам жителей Африканского континента. См., например: Гавристова Т.М. Африканская автобиография: аккумуляция памяти или история от первого лица // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2017. № 2. С. 117–129; Гавристова Т.М. Литература африканской диаспоры как объект изучения истории: актуализация сторителлинга // Россия – Африка: от устной истории к постколониальному нарративу. Сборник материалов Всероссийской конференции с международным участием / Отв. ред. Т.М. Гавристова. Ярославль, 2022. С. 26–32; Гавристова Т.М. Мигритюд как презентация идентичности // Гендерный аспект африканской культуры. Между архаикой и современностью / Серия «Гендерные исследования Института Африки РАН». М., 2022. С. 194–204; Гавристова Т.М. Постколониальные нарративы: литература мигритюда // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2022. Т. 13. № 3 (113).

⁴ Забелла А.А. Африканцы в Китае и их влияние на развитие китайско-африканских отношений // Вестник РУДН. Серия «Всеобщая история». 2019. Т. 11. № 1. С. 65–75.

⁵ Балданова Р.А. Миграция из Африки в Китай (на примере провинции Гуандун, г. Гуанчжоу) // Азиатско-Тихоокеанский регион: история и современность – VII: материалы международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Серия 8. Улан-Удэ, 2014. С. 70–74; Балданова Р.А. Китайская африканофобия // Политика и общество. 2017. № 4. С. 31–38; Балданова Р.А. Африканофобия в КНР и синофобия в Африке во время пандемии COVID-19 как следствие проблемы адаптации в принимающих сообществах // Сегодня и завтра российской экономики. 2020. № 101–102. С. 28–35; Балданова Р.А. Либерализация иммиграционного законодательства КНР сквозь призму африканофобии // Научное обозрение. Серия 1. Экономика и право. 2021. № 3. С. 145–152; Рязанцев С.В., Балданова Р.А. Основные тенденции африканской миграции на юг Китая // ЦИТИСЭ. 2021. № 3 (29). С. 372–379.

⁶ Вишневский А.Г., Дмитриев Р.В. Глобальные демографические процессы в XX – начале XXI веков // География мирового развития. Вып. 3. М., 2016. С. 197–229; Балданова Р.А. Основные принципы закона КНР «О гражданстве» 1980 г. // Миграционное право. 2018. № 2. С. 27–30; Балданова Р.А. Основные тенденции современной иммиграционной политики Китая // Вестник Московского государственного областного университета. 2018. № 2. С. 20–28; Балданова Р.А. Политически и правовые особенности въезда и выезда в КНР // Социально-гуманитарные знания. 2018. № 4. С. 245–251; Балданова Р.А. Проблема законодательного регулирования нелегальной миграции в КНР // Общество и государство в Китае. 2018. Т. 48. № 1. С. 398–402; Балданова Р.А. Система социального кредита в КНР как метод борьбы с нелегальной миграцией // Социально-гуманитарные знания. 2020. № 2. С. 287–294; Кулешова Н.С., Балданова Р.А. Особенности регулирования нелегальной миграции в КНР // Русская политология – Russian Political Science. 2017. № 4. С. 80–83.

⁷ Ставров И.В. Роль институтов по «делам национальностей» в формировании и реализации этнополитики КНР // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. Религиоведение». 2020. Т. 33. С. 101–107; Ставров И.В. Этнополитика КНР в

контексте российской историографии имеет смысл рассматривать и работы китайских авторов, изданные в России⁸. Автор настоящей диссертации издал ряд статей по историографической и методологической проблематике, по отражению восприятия африканских переселенцев в блогосфере и социальных сетях КНР, по вопросам истории китайской миграционной политики и положения африканцев в Китае после пандемии COVID-19⁹.

С методологической точки зрения для настоящей работы исключительную ценность представляют труды ряда современных западных ученых.

Так, Б. Андерсон в своем известном труде «Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма»¹⁰ подчеркивает неустойчивость национальной привязки мигрантов. Вместе с тем, автор не может отрицать мощную, хотя и воображаемую, по его мнению, силу

зеркале источников // Труды Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. 2020. Т. 29. С. 91–102; *Ставров И.В.* Эволюция позиции КПК по национальному вопросу (1921–2021 гг.) // Россия и АТР. 2021. № 2 (112). С. 83–101; *Ставров И.В.* Законодательная реализация этнополитики и районной национальной автономии в КНР // Труды Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. 2022. Т. 38. С. 108–124; *Ставров И.В.* «Мы – единый народ»: «белые книги» как инструмент пропаганды национального единства в КНР // Российско-китайские исследования. 2022. Т. 6. № 4. С. 231–240.

⁸ *Лун Чанхай, Коробеев А.И.* Особенности миграционной политики современного Китая // Журнал российского права. 2010. № 9. С. 77–82; *Лян Минь Янь.* Правовой статус иностранцев в Китае и России: сравнительный анализ // Сибирский юридический вестник. 2011. № 4 (55). С. 124–129; *Юань Сюнь.* Китайский опыт совершенствования миграционной политики: основные этапы и нерешенные проблемы // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «История и политические науки». 2018. № 5. С. 131–142.

⁹ *Андреев Н.Д.* Африканская диаспора в Китае: меняющаяся идентичность в меняющемся мире; *Андреев Н.Д.* Мигрантский дискурс в современной гуманитарной мысли как методологический подход исторического исследования; *Андреев Н.Д.* Восприятие африканских мигрантов в китайских блогах на фоне пандемии коронавируса // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2021. № 2. С. 140–156; *Андреев Н.Д.* Образы африканских мигрантов в современных китайских социальных сетях // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2022. № 4. С. 107–123; *Андреев Н.Д.* Иммиграционная политика КНР в прошлом и настоящем (обзор современной китайской историографии) // Вестник ПСТГУ. Серия II. История. История Русской Православной Церкви. 2023. Вып. 115. С. 142–157; *Андреев Н.Д.* Африканская диаспора в Гуанчжоу: проблемы постковидной реальности // Научные исследования современных проблем развития России: тенденции развития в условиях неопределенности: сборник научных трудов по итогам Международной научно-практической конференции молодых ученых Санкт-Петербургского государственного экономического университета. Санкт-Петербург, 16 мая 2023 года. СПб., 2024. С. 142–145.

¹⁰ *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2016.

«патриотизма». В пространстве этого противоречия, как он считает, и существует любая диаспора мигрантов. И чем менее охотно принимающая страна запускает механизмы интеграции, тем больший соблазн сохранять или конструировать собственную идентичность, отличную от идентичности принимающей стороны, возникает у мигрантов.

Чрезвычайно значимый для настоящей работы вывод о принципиально разных подходах к адаптации мигрантов на Западе и в Китае вытекает из работ ряда других исследователей. Например, Р. Патнэм в статье «*E Pluribus Unum: разнообразие и сообщество в XXI веке*» (2007) напрямую связывает регулирование иммиграции с «воспитанием чувства общего гражданства»¹¹. Т. ван дер Меер и Й. Толсма в статье «Этническое разнообразие и его влияние на социальную сплоченность» (2014) приходят к выводу, что гетерогенность общества положительно сказывается на межэтнических контактах и, следовательно, на межэтническом доверии¹². Такой вывод демонстрирует несостоятельность моделей, в той или иной степени функционирующих в Европе и Америке, применительно к Китаю: общество КНР остается неготовым к основательной адаптации мигрантов. Р. Брубейкер в статье «Этничность без групп» (2002) приходит к парадоксальному выводу: он утверждает, что этничность является категорией более широкой, нежели понятие этнической принадлежности¹³. Это замечание фактически подтверждает содержащиеся в настоящей работе выводы, что африканские мигранты в Китае представляют собой не только инородный в этническом и культурном отношениях субъект, но и общность, существующую в совершенно иной системе основополагающих жизненных координат, не определяемых напрямую национальной принадлежностью. Раскрытию темы настоящей диссертации помогают

¹¹ Putnam R. *E Pluribus Unum: Diversity and Community in the Twenty-First Century* // Scandinavian Political Studies. 2007. Vol. 30. No. 2. P. 164.

¹² Meer van der T., Tolsma J. Ethnic Diversity and Its Effects on Social Cohesion // Annual Review of Sociology. 2014. Vol. 40. P. 459–478.

¹³ Brubaker R. Ethnicity without Groups // European Journal of Sociology. 2002. Vol. XLIII. No. 2. P. 186.

исследования С. Вертовица по проблематике мультикультурализма и адаптации мигрантов в инокультурных обществах¹⁴.

Тема африканских мигрантов в КНР широко представлена в зарубежной историографии на западных языках. В рамках нее можно выделить несколько проблемных узлов, интересующих исследователей. Прежде всего это торговые сообщества африканских мигрантов в Китае¹⁵, их предпринимательские проекты в Гуанчжоу, где проживает самое большое число африканских переселенцев¹⁶, и

¹⁴ *Vertovec S. Migrant Transnationalism and Modes of Transformation // International Migration Review. 2006. February. Vol. 38. No. 3. P. 970–1001; Vertovec S. Mooring, Migration Milieus and Complex Explanations // Ethnic and Racial Studies. 2017. July. Vol. 40. No. 9. P. 1574–1581.*

¹⁵ *Bertoncello B., Bredeloup S. China-Africa, or the Waltz of Entrepreneur Migrants // Revue européenne des migrations internationales. 2009. January. Vol. 25. Issue 1. P. 45–70; Bertoncello B., Bredeloup S., Pliez O. Hong Kong, Guangzhou, Yiwu: de nouveaux comptoirs africains en Chine // Critique international. 2009/3. No. 44. P. 105–121; Bodomo A. The African Presence in Contemporary China // The China Monitor. 2009. No. 36. P. 4–6; Bodomo A. Africans in China: A Sociocultural Study and Its Implications for Africa-China Relations. Amherst, New York, 2012; Bodomo A. An Emerging African-Chinese Community in Hong Kong: The Case of Tsim Sha Tsui's Chungking Mansions // Afro-Chinese Relations: Past, Present and Future / Ed. by Kwesi Kwaa Prah. Cape Town: The Centre for Advanced Studies in African Society, 2007. P. 367–389; Bredeloup S., Bertoncello B. La migration chinoise en Afrique: accélérateur du développement ou “sanglot de l’homme noir” // Afrique contemporaine. 2006/2. No. 218. P. 199–224; Cissé D. South–South Migration and Trade: African Traders in China // The Centre for Chinese Studies. Policy Briefing. 2013. June. P. 1–4.*

¹⁶ *Bertoncello B., Bredeloup S. De Hong Kong à Guangzhou, de nouveaux “comptoirs” africains s’organisent // Perspectives chinoises. 2007. No. 1. P. 98–110; Bertoncello B., Bredeloup S., Oates N. The Emergence of New African “Trading Posts” in Hong Kong and Guangzhou // China Perspectives. 2007. No. 1 (69). P. 94–105; Bodomo A. The African Trading Community in Guangzhou: An Emerging Bridge for Africa-China Relations // The China Quarterly. 2010. September. Vol. 203. P. 693–707; Lyons M., Brown A., Li Zhigang. The “Third Tier” of Globalization: African Traders in Guangzhou // City. 2008. July. Vol. 12. No. 2. P. 196–206; Lyons M., Brown A., Li Zhigang. In the Dragon’s Den: African Traders in Guangzhou // Journal of Ethnic and Migration Studies. 2012. May. Vol. 38. No. 5. P. 869–888; Lyons M., Brown A., Li Zhigang. The China-Africa Value Chain: Can Africa’s Small-Scale Entrepreneurs Engage Successfully in Global Trade? // African Studies Review. 2013. December. Vol. 56. No. 3. P. 77–100; Li Zhigang, Desheng Xue, Lyons M., Brown A. The African Enclave of Guangzhou: A Case Study of Xiaobeilu // Acta Geographica Sinica. 2008. February. Vol. 63. No. 2. P. 207–218; Li Zhigang, Desheng Xue, Feng Du, Ying Zhu. The Local Response of Transnational Social Space under Globalization in Urban China: A Case Study of African Enclave in Guangzhou // Geographical Research. 2009. Vol. 28. No. 4. P. 920–932; Li Zhigang, Ma L., Desheng Xue. An African Enclave in China: The Making of a New Transnational Urban Space // Eurasian Geography and Economics. 2009. November. Vol. 50. No. 6. P. 699–719; Li Zhigang, Lyons M., Brown A. China’s “Chocolate City”: An Ethnic Enclave in a Changing Landscape // African Diaspora. 2012. January. Vol. 5. No. 1. P. 51–72; Osnos E. The Promised Land // The New Yorker. 2009. February 1; Li Zhigang, Du Feng. Production of China’s New Social Space in the City under “Transnational Entrepreneurialism”: A Case Study on African Economic Zone in Guangzhou // Urban Space Studies. 2012. Vol. 36. No. 8. P. 25–31; Li Zhigang, Du Feng. The Transnational Making of “Chocolate City” in Guangzhou // Renwen Dili. 2012. Vol. 27. No. 6. P. 1–*

Иу, крупнейшем в Китае оптово-розничном сырьевом рынке¹⁷, а также их деловые коммуникации и совершаемые ими сделки в Гонконге¹⁸ и Макао¹⁹. Наконец, исследуются социальные и социокультурные проблемы африканской диаспоры, проживающей в КНР²⁰, взаимоотношения между переселенцами из

6; *Bodomo A., Ma G.* From Guangzhou to Yiwu: Emerging Facets of the African Diaspora in China // *International Journal of African Renaissance Studies*. 2010. Vol. 5. No. 2. P. 283–289; *Bork-Hüffer T., Rafflenbeul B., Kraas F., Li Zhigang.* Global Change, National Development Goals, Urbanisation and International Migration in China: African Migrants in Guangzhou and Foshan // *Megacities: Our Global Urban Future* / Ed. by F. Kraas, S. Aggarwal, M. Coy, G. Mertins. New York; London, 2014. P. 135–150; *Müller A., Wehrhahn R.* New Migration Processes in Contemporary China – The Constitution of African Trader Networks in Guangzhou // *Geographische Zeitschrift*. 2011. Bd. 99. H. 2/3. P. 104–122; *Haugen H.Ø.* Nigerians in China: A Second State of Immobility // *International Migration*. 2012. Vol. 50. No. 2. P. 65–80; *Bredeloup S.* African Trading Post in Guangzhou: Emergent or Recurrent Commercial Form? // *African Diaspora*. 2012. No. 5. P. 27–50; *Yang Yang.* African Traders in Guangzhou: Routes, Reasons, Profits, Dreams // *Globalization from Below: The World's Other Economy* / Ed. by G. Mathews, G.L. Ribeiro, C.A. Vega. London, 2012. P. 154–170.

¹⁷ *Bertoncello B., Bredeloup S., Pliez O.* Op. cit.; *Pliez O.* Toutes les routes (de la soie) mènent in Yiwu (Chine). Entrepreneurs et migrants musulmans dans un comptoir économique chinois // *L'Espace Géographique*. 2010. No. 39. P. 132–145; *Bodomo A., Ma G.* Op. cit.; *Bodomo A., Ma E.* We Are What We Eat: Food in the Process of Community Formation and Identity Shaping among African Traders in Guangzhou and Yiwu // *African Diaspora*. 2012. No. 5. P. 3–26; *Ma E.* Yiwu Mode and Sino-African Relations // *Journal of Cambridge Studies*. 2012. Vol. 7. No. 3. P. 93–108.

¹⁸ *Bodomo A.* An Emerging African-Chinese Community in Hong Kong: The Case of Tsim Sha Tsui's Chungking Mansions; *Bodomo A.* Africans in China: A Sociocultural Study and Its Implications for Africa-China Relations; *Mathews G.* Les Traders Africains à Hong Kong et en Chine: L'abondance (du faux) à domicile // *Les Temps Modernes*. 2010. Janvier–Mars. No. 657. P. 110–124; *Mathews G., Yang Y.* How Africans Pursue Low-End Globalization in Hong Kong and Mainland China // *Journal of Current Chinese Affairs*. 2012. Vol. 41. No. 2. P. 95–120.

¹⁹ *Morais I.* “China Wahala”: The Tribulations of Nigerian “Bushfallers” in a Chinese Territory // *Transtext(e)s. Transcultures. Journal of Global Cultural Studies*. 2009. No. 5. P. 1–22; *Bodomo A., Teixeira-E-Silva R.* Language Matters: The Role of Linguistic Identity in the Establishment of the Lusophone African Community in Macau // *African Studies*. 2012. Vol. 71. No. 1. P. 71–90.

²⁰ *Li Zhigang, Desheng Xue, Lyons M., Brown A.* Op. cit.; *Li Zhigang, Desheng Xue, Feng Du, Ying Zhu.* Op. cit.; *Li Zhigang, Ma L., Desheng Xue.* Op. cit.; *Li Zhigang, Du Feng.* Production of China's New Social Space in the City under “Transnational Entrepreneurialism”: A Case Study on African Economic Zone in Guangzhou; *Li Zhigang, Du Feng.* The Transnational Making of “Chocolate City” in Guangzhou; *Bertoncello B., Bredeloup S.* China-Africa, or the Waltz of Entrepreneur Migrants; *Bodomo A.* Africa-China Relations in an Era of Globalization: The Role of African Trading Communities in China // *West Asia and Africa*. 2009. Vol. 8. P. 62–67; *Bodomo A.* The African Trading Community in Guangzhou: An Emerging Bridge for Africa-China Relations; *Xu Tao.* An Analysis on Africans' Social Relations and Interaction Logics in Guangzhou // *Youth Research*. 2009. No. 5. P. 71–86; *Xu Tao.* African's Social Support in Guangzhou: Weakening, Fracture and Reconstruction // *South China Population*. 2009. Vol. 24. No. 4. P. 34–44; *Yang Yang.* New Silk Roads: African and Chinese Traders in South China and South Africa // *The China Monitor*. 2011. No. 61. P. 4–8; *Müller A., Wehrhahn R.* Op. cit.; *Haugen H.Ø.* African Pentecostal Migrants in China: Marginalization and the Alternative Geography of a Mission Theology // *African Studies Review*. 2013. April. Vol. 56. No. 1. P. 81–102.

Африки и местными жителями, управление африканской диаспорой со стороны китайских властей и восприятие китайцами новой этнической ситуации в их стране²¹.

Среди исследователей африканской диаспоры в Китае следует особо выделить Адамса Бодомо и Ли Чжигана.

А. Бодомо в настоящее время является профессором Венского университета. Несколько лет он преподавал в Университете Гонконга и поэтому хорошо представляет себе данную проблематику, причем применительно не только к этому относительно недавно вошедшему в состав КНР мегаполису, но и в Китае в целом, особенно в местах компактного проживания мигрантов из Африки. Исследователь родился в Гане, благодаря этому он сумел наладить контакты с африканскими диаспорами в местах их распространения в КНР. Важное методологическое замечание А. Бодомо – концепция мигрантского сообщества как своего рода моста: переселенцы соединяют страну, откуда они прибыли, с принимающим их социумом²².

Профессор Университета Уханя Ли Чжиган известен в качестве эксперта по урбанистике и социальному пространству города. Он изучает живущих в

²¹ *Li Zhigang, Du Feng*. Production of China's New Social Space in the City under "Transnational Entrepreneurialism": A Case Study on African Economic Zone in Guangzhou; *Li Zhigang, Du Feng*. The Transnational Making of "Chocolate City" in Guangzhou; *Xu Tao*. An Analysis on Africans' Social Relations and Interaction Logics in Guangzhou; *Xu Tao*. African's Social Support in Guangzhou: Weakening, Fracture and Reconstruction; *Xu Tao*. Re-Analysis of the Relations of Social Contact of African Merchants in Guangzhou // *Journal of Zhejiang Normal University*. 2011. No. 4. P. 10–15; *Xu Tao*. Analysis of Characteristics of the Behavior of African Merchants in Guangzhou // *Journal of Zhejiang Normal University*. 2012. No. 4. P. 55–63; *Osno E*. Op. cit.; *Morais I*. Op. cit.; *Bodomo A*. Africans in China: A Sociocultural Study and Its Implications for Africa-China Relations; *Bodomo A*. Historical and Contemporary Perspectives on Inequalities and Well-Being of Africans in China // *Asian Ethnicity*. 2020. Vol. 21. Issue 4. P. 526–541; *Bodomo A*. The African Traveller and the Chinese Customs Official: Ethnic Minority Profiling at Border Check Points in Hong Kong and China? // *Journal of African American Studies*. 2015. Vol. 19. P. 52–64; *Bodomo A., Dewei Che, Hongjie Dong*. Calculator Communication in the Markets of Guangzhou and beyond // *Journal of Multilingual and Multicultural Development*. 2022. Vol. 43. No. 10. P. 981–992.

²² *Bodomo A*. The African Trading Community in Guangzhou: An Emerging Bridge for Africa-China Relations; *Bodomo A*. Africans in China: A Sociocultural Study and Its Implications for Africa-China Relations; *Bodomo A*. Historical and Contemporary Perspectives on Inequalities and Well-Being of Africans in China; *Bodomo A*. Linguistic Pan-Africanism as a Global Future: Reflections on the Language Question in Africa. Glienicke, 2022; *Bodomo A., Dewei Che, Hongjie Dong*. Op. cit.

Гуанчжоу выходцев из Африки в рамках миграционных трендов современного мира. В основе его методологической установки – концепт анклава. Автор рассматривает диаспору африканских мигрантов, проживающих в Гуанчжоу, в качестве динамичного этнического и предпринимательского анклава, состоящего из трех концентрических кругов. В центре находятся ведущие бизнесмены. Их оболочку составляют торговцы более низкого уровня. А третий слой – это смешанное сообщество африканских мигрантов, а также задействованных в их проектах граждан КНР²³.

Доктор философии из Чжэцзянского педагогического университета Сюй Тао занимается социальной адаптацией мигрантов из Африки в Гуанчжоу. По его мнению, адаптация бывает двух видов – индивидуальной (каждый переселенец самостоятельно привыкает к новому месту жительства) и сетевой (сообщество мигрантов помогает новоприбывшим встроиться в китайские реалии и начать работать)²⁴.

Сотрудник Чжэцзянского педагогического университета Ма Эньюй изучает сообщество африканских мигрантов в другом городе КНР – Иу, расположенном севернее Гуанчжоу, также неподалеку от побережья, только уже Восточно-Китайского моря. Исследователь рассматривает, как этот город превратился в крупнейшую международную торговую площадку и одно из мест сосредоточения африканских переселенцев²⁵.

Отдельно изучается складывание образа мигрантов из Африки, преимущественно в Гуанчжоу, оцениваются возможные способы трансформации этого образа для трансляции в общественное мнение КНР

²³ *Li Zhigang, Desheng Xue, Lyons M., Brown A.* Op. cit.; *Li Zhigang, Desheng Xue, Feng Du, Ying Zhu.* Op. cit.; *Li Zhigang, Ma L., Desheng Xue.* Op. cit.; *Li Zhigang, Du Feng.* Production of China's New Social Space in the City under "Transnational Entrepreneurialism": A Case Study on African Economic Zone in Guangzhou.

²⁴ *Xu Tao.* An Analysis on Africans' Social Relations and Interaction Logics in Guangzhou; *Xu Tao.* Re-Analysis of the Relations of Social Contact of African Merchants in Guangzhou; *Xu Tao.* Analysis of Characteristics of the Behavior of African Merchants in Guangzhou.

²⁵ *Ma Enyu.* Walking into the Yiwu Muslim Community // *China Religion.* 2010. No. 6. P. 56–57; *Ma Enyu.* Yiwu Mode and Sino-African Relations; *Bodomo A., Ma G.* From Guangzhou to Yiwu: Emerging Facets of the African Diaspora in China.

именно позитивных характеристик переселенцев²⁶. Дан Фанли подходит к вопросу о медийном образе африканских переселенцев в КНР со своего рода дидактической стороны, сравнивая британский опыт освещения проблем мигрантских сообществ в Соединенном Королевстве и то, как это делают китайские СМИ, – с явным наставлением в адрес последних²⁷.

У большинства названных работ имеются общие черты. Во-первых, они основаны на полевых исследованиях – анкетировании различных фокус-групп из числа африканских мигрантов в Гуанчжоу, Иу или Гонконге. Во-вторых, многие из них являются коллективными исследованиями, написанными в соавторстве китайскими, западными и африканскими экспертами. В-третьих, все авторы едины в общем выводе: если включенность мигрантов из Африки в экономическую жизнь указанных китайских городов является очень основательной, то социокультурная интеграция приехавших в общество КНР оставляет желать лучшего – местные жители сторонятся африканцев, общество не проявляет к ним толерантности, а иммиграционная политика чрезмерно жесткая. Вместе с тем не существует единого мнения по поводу того, есть ли в Китае расизм в отношении африканских мигрантов.

В рамках общей темы пребывания африканских мигрантов в Китае исследуется проблематика, связанная со студентами из государств этого континента, которые обучаются в КНР. Профессор Пекинского университета Ли Аньшань со ссылкой на А. Бодомо вообще полагает, что возникновение африканской диаспоры в КНР в конце XX в. было вызвано тем, что бывшие студенты из Африки не стали возвращаться обратно в свои страны, а осели в

²⁶ Li Zhigang, *Desheng Xue, Feng Du, Ying Zhu*. Op. cit.; Li Zhigang, *Ma L., Desheng Xue*. Op. cit.; Liu Tingting, *Deng Zhuoyun*. “They’ve Made Our Blood Ties Black”: On the Burst of Online Racism Towards the African in China’s Social Media // *Critical Arts*. 2020. February. Vol. 34. Issue 2. P. 1–4; Liu Tingting, *Xu Mingliang, Chen Xu*. Social Media, Gendered Anxiety and Disease-Related Misinformation: Discourses in Contemporary China’s Online Anti-African Sentiments // *Asian Journal of Communication*. 2021. November. Vol. 31. Issue 6. P. 485–501.

²⁷ *Dang Fangli*. British Media’s Coverage of Immigrants and Its Enlightenment to Chinese Media: Basing on the Event of Africans’ Protest in Guangzhou // *Tangdu Journal*. 2013. Vol. 29. No. 5. P. 82–86.

Китае и начали заниматься бизнесом²⁸. Данная точка зрения справедлива применительно к последним десятилетиям – времени после провозглашения «политики реформ и открытости», причем не с самых первых ее лет, а примерно с конца 1990-х гг., когда китайское руководство принялось системно заниматься привлечением африканской молодежи на учебу в вузы КНР²⁹. В последнее время внимание исследователей привлекают такие темы, как культурная адаптация африканских студентов³⁰, влияние культурных отличий между африканской и китайской молодежью на взаимоотношения между ними³¹, их расхождения во взглядах на семейные отношения и на восприятие времени³². Делается вывод о важной роли китайских университетов в развитии сотрудничества КНР со странами Африки³³. Рассматривается политика Китая по привлечению к себе на учебу молодых людей из африканских университетов как проявление «мягкой силы»³⁴. Стимулируемый Китаем приток студентов из Африки оценивается как важный инструмент выстраиваемого Пекином сотрудничества со странами этого континента³⁵. Специальное внимание уделяется вопросам управления

²⁸ *Li Anshan*. African Students in China: Research, Reality, and Reflection // *African Studies Quarterly*. 2018. February. Issue 4. P. 25.

²⁹ *Li Baoping, Luo Jianbo*. Dissecting Soft Power and Sino-Africa Relations in Education and Exchanges Cooperation // *Forum on China-Africa Cooperation: The Politics of Human Resource Development* / Ed. by Li Anshan, Funeka Yazini April. Pretoria, 2013. P. 28–42.

³⁰ *Yi Pei, Xiong Lijun*. An Empirical Study of Intercultural Adaptation of African Students in China // *Journal of Shenyang University (Social Science)*. 2013. Vol. 15. No. 3. P. 364–368.

³¹ *Long Xia, Xiong Lijun*. The Influence of Sino-African Cultural Difference on the Education of African Students in China: Taking Angola Students as the Example // *Journal of Chongqing University of Education*. 2014. Vol. 27. No. 1. P. 133–136.

³² *Ye Shuai*. A Comparative Analysis of the Cross-Cultural Communication Based on the Somali Students and the Chinese Students on Time and Family Concepts // *Kexue Wenhui*. 2011. No. 11. P. 30–31.

³³ *Ketema Meskela Daddi, Hong Zhu*. The Research on Educational Cooperation between China and Africa: An African Perspective // *Studies in Foreign Education*. 2009. Vol. 36. No. 1. P. 50–53.

³⁴ *Haugen H.Ø*. China's Recruitment of African University Students: Policy Efficacy and Unintended Outcomes // *Globalisation, Societies and Education*. 2013. Vol. 11. Issue 3. P. 315–334.

³⁵ *Li Baoping, Luo Jianbo*. Op. cit.; *Xu Hui*. Sino-Africa Educational Cooperation under the FOCAC Framework // *Educational Development Research*. 2007. No. 9. P. 1–7; *He Wenping*. A Summary Analysis of China-Africa Educational Exchanges and Cooperation: Development Phases and Challenges // *West Asia and Africa*. 2007. No. 3. P. 13–18; *Lou Shizhou, Xu Hui*. The Development and Transition of China-Africa Educational Cooperation in the New Period // *Educational Research*. 2012. No. 10. P. 28–33.

сообществом африканских студентов в Китае – как в университетах КНР, так и в их повседневной жизни³⁶.

Целый комплекс проблем поднимается в новой монографии К.Дж. Адамса. В ней рассматриваются психосоциальный опыт мигрантов из Африки, работающих в Китае, и их диаспоры в контексте современных глобальных социально-экономических процессов. Автор анализирует проблемы, с которыми сталкиваются мигранты, пытаясь развиваться и сохранять свою идентичность. К.Дж. Адамс, в данном случае на примере африканских переселенцев в Китае, доказывает, что для психологического благополучия тех, кто живет и работает в непривычных географических и культурных условиях, решающее значение имеют способность к саморефлексии, психологическая устойчивость, а также мощная и разветвленная сеть поддержки³⁷.

Исследования китайских ученых на китайском языке об африканских сообществах в КНР в основном сосредоточены на четырех проблемах. Во-первых, разбираются применяемые к ним управленческие практики – выясняются их слабые стороны, сложности, возникающие из-за недостаточной информированности китайских властей о предпринимательской деятельности мигрантов, меры по обеспечению прав работающих в Китае иностранцев. Во-вторых, рассматривается географическое распределение африканских диаспор в КНР. В-третьих, изучается сложная тема интеграции переселенцев из Африки в китайское общество: систематизируются сведения о практической деятельности в этом направлении государственных структур и общественных организаций КНР, приводятся конкретные примеры содействия укреплению взаимопонимания и обеспечения бесконфликтного сосуществования

³⁶ *Zheng Jianghua*. Research on Safety Management of African Students on University Campus // Journal of Tianjin University of Technology and Education. 2012. Vol. 22. No. 4. P. 72–74; *Zheng Jianghua*. Construction of Community Management System for Foreign Students in Universities // Vocational and Technical Education. 2013. No. 34 (23). P. 66–68; *Zheng Jianghua*. Exploration of Compound Applied Talents Training Mode on African Students // Journal of Tianjin University of Technology and Education. 2013. Vol. 23. No. 4. P. 64–70.

³⁷ *Adams C.J.* *Africana Peoples in China: Psychoanalytic Perspectives on Migration Experiences, Identity, and Precarious Employment*. New York, 2019.

африканских мигрантов и местных жителей. В-четвертых, анализируются социальное пространство африканских сообществ в Китае и происходящие в нем изменения, вызванные трансформациями экономики КНР³⁸.

Хотя подходы исследователей разные, между ними все же сложился определенный консенсус: концепт пространственной агломерации является отправной точкой изучения сообщества африканцев в Китае. Еще одна исходная посылка, относящаяся, скорее, не к исследовательскому подходу, а к конъюнктуре, – это получение сведений об африканских мигрантах ради поддержания социальной стабильности в обществе, преодоления возникающих межкультурных конфликтов между гражданами КНР и приезжими. С одной стороны, исходя из общей установки содействовать укреплению позиций Китая в Африке, авторы стремятся к поиску механизмов позитивного преодоления таких конфликтов. С другой стороны, они все же отдают себе отчет в том, что сколько-либо значимых успехов на этом поприще ждать не следует и в лучшем случае можно надеяться на нейтрализацию тех или иных социокультурных «аллергенов» до тех пор, пока на их месте не появятся новые «аллергены». Отсюда, помимо тематической классификации китайских исследований, можно выделить еще классификацию, определяемую указанной конъюнктурной

³⁸ См., например: 周波 [Чжоу Бо]. 非洲人在华管理新模式:广州外国人协调服务办公室 [Новая модель управления африканцами, живущими в Китае: рабочий пункт по координации и обслуживанию иностранцев в Гуанчжоу] // 广西民族大学学报(哲学社会科学版) [Вестник Университета национальностей Гуанси. Философия и общественные науки] / Journal of Guangxi University for Nationalities (Philosophy and Social Science Edition). 2016. No. 4. P. 129–134; 赵聚军,安园园 [Чжао Цзюцзюнь, Ань Юаньюань]. 广州黑人聚居区的形成与族裔居住隔离现象的萌发 [Формирование районов компактного проживания выходцев из Африки в Гуанчжоу и появление феномена их изоляции на расовой почве] // 行政论坛 [Административный форум]. 2017. No. 4 (142). P. 53–59; 林月坚 [Линь Юэцзянь]. 在穗本地居民对中非移民二代的态度调查研究 [Изучение отношения местных жителей Гуанчжоу ко второму поколению иммигрантов китайско-африканского происхождения] // 评价分析 [Оценка и анализ] / Evaluation and Analysis. 2017. Vol. 34. No. 3. P. 47–54; 吕红艳,郭定平 [Лю Хуньянь, Го Динпин]. 排斥性互动:广州非洲人聚集区治理过程考察 [Отталкивающее взаимодействие: исследование процесса управления африканскими районами Гуанчжоу] // 岭南学刊 [Линнаньский академический журнал]. 2020. No. 1. P. 64–85 и др.

установкой. И тогда намечаются три направления изучения африканских мигрантов в Китае.

Первое направление – рассмотрение собственных характеристик сообществ мигрантов. Анализируются такие показатели, как размер и этнический состав сообщества, а также его идентичность (коллективная и свойственная отдельным членам). Эти показатели оцениваются в динамике и в привязке к конкретным местам расселения. Большинство африканцев в Гуанчжоу до прибытия в Китай проживали в развивающихся странах Африки, поэтому их мотивации, образовательный и культурный уровень, социальный статус заметно отличаются от аналогичных характеристик иностранцев в Пекине и Шанхае³⁹.

Второе направление – анализ поведения африканцев, их повседневного образа жизни. В работах в рамках данного направления проводится мысль, что через участие разного рода организаций социальной поддержки должно постепенно складываться взаимное приятие коренных жителей и иностранцев, что эти две группы придут к гармоничному сосуществованию⁴⁰.

³⁹ 李明欢 [Ли Минхуань]. 中国大陆的外侨社群 [Сообщества экспатриантов в материковом Китае] // 侨务工作研究 [Обзор исследований по проблемам иммиграции в Китай]. 2012. No. 1 // [Электронный ресурс]: <http://qwgzzyj.gqb.gov.cn/yjyt/164/1964.shtml> (дата обращения: 15.01.2024); 陶短房 [Тао Дуаньфан]. 非洲观察. 广州三元里登记非洲人数量下降是喜还是忧陶短房 [Африканское обозрение. Снижение числа африканцев, зарегистрированных в Саньюаньли, Гуанчжоу: повод для радости или беспокойства?] // 澎湃新闻 [Пэнпай синьвэнь]. 2017. March 23; 欧昌梅, 刘吉武 [Оу Чанмэй, Лю Цзюу]. 非洲人正在离开广州, 中国不再具有低成本优势? 澎湃新闻记者欧昌梅实习生刘吉武 [Африканцы уезжают из Гуанчжоу, и у Китая больше нет преимущества низких цен?] // 澎湃新闻 [Пэнпай синьвэнь]. 2016. July 4 // [Электронный ресурс]: https://m.thepaper.cn/newsDetail_forward_1493466 (дата обращения: 17.01.2024); 广州越秀有 30 万非洲人真相是? [Правда ли, что в районе Гуанчжоу Юэсю проживают 300 тысяч африканцев?] // 新浪财经 [Синьлан цайцзин]. 2020. April 7; 苏浩浩 [Су Хаохао]. 中国会成为“黑色世界”的一部分吗? 从欧洲移民问题看中国 [Станет ли Китай частью «черного мира»? Взгляд на Китай с точки зрения европейских иммиграционных проблем] // 百科新说 [Новая энциклопедия]. 2009. No. 12. P. 4–7 и др.

⁴⁰ 非洲人的中国工厂 [Китайская фабрика африканцев] // 工人日报 [Гунжэн жибао]. 2022. August 20 // [Электронный ресурс]:

Третье направление – изучение адаптации мигрантов из Африки к условиям жизни и работы в КНР⁴¹.

http://www.tibet.cn/cn/instant/domestic/202208/t20220820_7261646.html (дата обращения: 25.01.2024); 于潇清 [Юй Сяоцин]. 非洲留学生载歌载舞来中企求职:希望找到一份在家乡的好工作 澎湃新闻记者于潇清 [В надежде найти хорошую работу в своем родном городе: африканские студенты поют и танцуют, чтобы трудоустроиться в китайских компаниях] // 澎湃新闻新闻 [Пэнпай синьвэнь]. 2017. November 17 // [Электронный ресурс]: https://m.thepaper.cn/newsDetail_forward_1868151 (дата обращения: 27.01.2024); 编织中非故事的影像语言:专访“波比的工厂”导演张勇采访/施东来(上海交通大学比较文学学者,目前主要从事中非文化研究) [Сплетая язык китайско-африканских видеоисторий: интервью с Чжан Юном, режиссером «Фабрики Бобби»] // 澎湃新闻新闻 [Пэнпай синьвэнь]. 2022. June 9 // [Электронный ресурс]: https://m.thepaper.cn/newsDetail_forward_18478125 (дата обращения: 11.01.2024); 李霓 [Ли Ни]. 那些在广州的非洲人,他们如何做生意,如何生活.“低端全球化” [Африканцы в Гуанчжоу: как они ведут свой бизнес и живут. «Глобализация низкого уровня»] // 数英 DIGITALING [Шуин дигиталинг]. 2018. May 22 // [Электронный ресурс]: <https://www.digitaling.com/articles/46311.html> (дата обращения: 13.01.2024); 牛冬,张振江 [Ню Дун, Чжан Чжэньцзян]. 牛冬,张振江:非洲人在广州的现状研究 [Исследование положения африканцев в Гуанчжоу] // 全球化智库 [Аналитический центр по изучению проблем глобализации]. 2018. September 6 // [Электронный ресурс]: <https://www.ccg.org.cn/archives/35792> (дата обращения: 22.01.2024); 吕红艳,郭定平 [Лю Хуньянь, Го Динпин]. Op. cit.; 赵聚军,安园园 [Чжао Цзюцзюнь, Ань Юаньюань]. Op. cit.; 周波 [Чжоу Бо]. Op. cit.; 李安山 [Ли Аньшань]. 非洲留学生在 中国:历史、现实与思考 [Африканские студенты в Китае: история, реальность и размышления] // 西亚非洲 [Западная Азия и Африка]. 2018. No. 5. P. 61–89.

⁴¹ 牛冬 [Ню Дун]. 移民还是过客?—广漂非洲人的现状观察 [Иммигрант или гость? Наблюдение за текущим положением африканцев, находящихся в Гуанчжоу] // 文化纵横 [Культурный аспект]. 2018. July 20 // [Электронный ресурс]: <http://www.21bcr.com/yiminhuanshiguokeguangpiaofeizhourendexianzhuangguancha/> (дата обращения: 20.02.2024); 李安山 [Ли Аньшань]. 对于非洲的偏见何时休 澎湃新闻记者王芊霓实习生严月茹? [Когда прекратятся предубеждения против Африки?] // 澎湃新闻新闻 [Пэнпай синьвэнь]. 2020. June 9 // [Электронный ресурс]: https://m.thepaper.cn/newsDetail_forward_7765421 (дата обращения: 18.01.2024); 黄琨 [Хуан Кунь]. 中国舆论场的“反黑”民族主义:性/别,生育与疾病隐喻 [«Античерный» национализм в общественном мнении Китая: метафоры пола/гендера, рождаемости и болезней] // 搜狐 [Соху]. 2020. June 20 // [Электронный ресурс]: https://www.sohu.com/a/403177228_617382 (дата обращения: 23.01.2024); 林月坚 [Линь Юэцзянь]. Op. cit.; 周洋,李志刚 [Чжоу Ян, Ли Чжиган]. 孤立环境中的影响:中非婚姻的社会文化适应:以广州为例 [Влияние в среде изоляции:

Таким образом, особого внимания в силу недостаточной изученности заслуживают такие вопросы, как собственно восприятие мигрантов из Африки в китайском общественном мнении. Перспективным представляется установление взаимосвязи между оценками мигрантов и социальным и культурным статусами оценивающих. Показательным будет и прослеживание динамики подобных оценок начиная с самых первых лет, когда только начался миграционный поток африканцев, и до настоящего времени. Это направление привлекательно и возможностью использования таких массовых и «фотографирующих» общественные настроения источников, какими являются блогосфера и социальные сети (правда, неформальный язык этих ресурсов потребует серьезных усилий для его понимания). Специального внимания заслуживает уникальный опыт выстраивания торговых предприятий в местах компактного проживания африканцев (на примере Гуанчжоу). Наконец, недостаточно изучен имеющийся на сегодняшний день опыт по адаптации африканских мигрантов. Из указанных работ становится понятно, что такой опыт насчитывает всего лишь несколько лет.

Научная новизна диссертации заключается в комплексном подходе к рассмотрению проблемы жизнедеятельности африканских мигрантов в современном Китае, а также в репрезентативных хронологических рамках исследования, охватывающих период в несколько десятилетий. Комплексность

социально-культурная адаптация китайско-африканских браков на примере Гуанчжоу] // 中央民族大学学报(哲学社会科学刊) [Вестник Центрального университета национальностей. Философия и общественные науки] / Journal of Minzu University of China (Philosophy and Social Sciences Edition). 2016. No. 1. P. 70–79; 梁玉成,刘和庆 [Лян Ючэн, Лю Хэцин]. 当地居民对外来移民的观念结构及其形成机制—以广州居民与非洲移民关系为例 [Структура представлений местных жителей об иностранных мигрантах и механизмы их формирования: исследование на примере взаимоотношений жителей Гуанчжоу и африканских мигрантов] // 社会科学 江苏 [Общественные науки Цзянсу]. 2016. No. 2. P. 116–126; 张晓文,毛国明 [Чжан Сяовэн, Мао Гуомин]. 社会组织在非洲移民社会融入过程中的作用—基于广州市越秀区登峰街道的案例研究 [Роль общественных организаций в процессе социальной интеграции африканских мигрантов: на основе анализа примеров улицы Дэнфэн в районе Юэсю города Гуанчжоу] // 行政管理研究 [Исследования в области административного управления]. 2017. No. 7. P. 49–51 и др.

исследования заключается в том, что в одной работе рассматриваются различные аспекты существования африканских мигрантов в КНР, предпринимаемых в отношении них действий со стороны китайских властей и реакции на присутствие переселенцев со стороны местного населения. В отечественной и зарубежной историографии имеются работы, посвященные проблемам присутствия в КНР африканских мигрантов. Однако в настоящей диссертации данная тема рассматривается одновременно изнутри самой диаспоры и извне – с позиций официальных структур и граждан Китая. Новизну исследованию придает и то, что при изучении реакции принимающей стороны особое внимание уделяется анализу такого массового источника, как блогосфера и социальные сети. Благодаря этому источнику появляется возможность реконструировать диапазон действительных настроений китайского общества в отношении африканских мигрантов.

Структура диссертации организована в соответствии с проблемно-хронологическим принципом. Работа состоит из введения, трех глав, разделенных на параграфы, заключения, списка использованных источников и литературы.

Положения, выносимые на защиту:

1. Исторический Китай был знаком с выходцами из Африки, но это знакомство являлось спорадическим и происходило в основном в прибрежных районах страны, соприкасавшихся с португальской колонией Макао. Однако количество прибывших из Африки лиц вплоть до начала XX в., то есть до конца имперского периода, было крайне незначительным. Первое массовое появление африканцев в КНР относится ко второй половине XX в., когда в конце 1950-х гг. в страну прибыли студенты из освободившихся от колониальной зависимости стран. Их нахождение в КНР продолжалось до начала культурной революции и оказалось непродуктивным: молодые африканцы попали под жесткий контроль со стороны административных органов вузов, в которых они обучались, и столкнулись с негативным к себе отношением со стороны местного населения. В результате многие из них покинули страну до истечения срока обучения. Вместе

с тем руководство КНР, заинтересованное в усилении своего влияния в Африке, в 1970-х гг. снова пригласило оттуда группу молодых людей для получения высшего образования. После провозглашения в 1978 г. в Китае курса на «политику реформ и открытости» такая студенческая миграция превратилась в регулярную, и ее численность стала поступательно нарастать.

2. На протяжении всего периода существования КНР миграционное законодательство этой страны и сопровождающие его правила претерпели несколько трансформаций. Сначала и фактически до смерти Мао Цзэдуна въезд иностранцев в Китай был сильно затруднен. С наступлением эпохи «политики реформ и открытости» стали меняться и миграционные правила. Были облегчены выезд из страны граждан КНР и въезд в нее иностранцев. На волне такой либерализации в Гуанчжоу, Иу и других городах на востоке страны начали возникать анклавные африканских переселенцев, занимающихся посреднической торговлей. С конца 2000-х гг. китайское руководство приступило к реформированию действующего миграционного законодательства и регулированию состава переселенцев. Был взят курс на создание режима наибольшего благоприятствования для профессионалов, в которых нуждается страна. Одновременно заметно усложнились правила въезда в страну малообеспеченных предпринимателей, занимавшихся посреднической торговлей и распространявших дешевую китайскую продукцию в своих странах. Тогда же стали ужесточаться меры в отношении нарушителей миграционных правил, прежде всего «принципа “трех не”» (незаконный въезд, незаконное пребывание и незаконное трудоустройство).

3. Африканская диаспора в КНР стала интенсивно складываться после начала активного экономического проникновения Китая в Африку и вступления страны в ВТО. Основным занятием этой диаспоры явилась посредническая торговля, а города дельты Жемчужной реки превратились в площадки такой деловой активности. Самая крупная из них сложилась в городе Гуанчжоу. Африканская диаспора в нем сформировалась из сообществ граждан нескольких стран. Наиболее значительное по численности сообщество – нигерийское. В

истории африканской диаспоры Гуанчжоу выделяются несколько этапов. Сначала, до второй половины 2000-х гг., шло активное формирование африканского бизнеса. Во второй половине 2000-х гг., в связи с подготовкой к Олимпиаде в Пекине в 2008 г. и отказом китайских производителей от выпуска контрафактной продукции, китайское руководство приступило к упорядочению африканского бизнеса в Гуанчжоу, что заметно осложнило функционирование посреднической торговли. С этого времени начался постепенный упадок африканского бизнеса – а значит, и африканского анклава в Гуанчжоу. К состоянию еще большего кризиса его привело создание интернет-площадок мелкорозничной торговли (Alibaba) и пандемия COVID-19.

4. Сообщество африканских мигрантов в Гуанчжоу на протяжении всего периода его существования с конца XX в. и до начала 2020-х гг. испытывало на себе действие двух противоположных тенденций. С одной стороны, создавались национальные (по странам) вертикально организованные бизнес-сообщества, участники которых образовывали цельные системы, функционировавшие по строго соблюдавшимся правилам и привязанные к определенным городским пространствам Гуанчжоу. Такие системы обеспечивали поставки продукции из КНР в страны прибытия африканских предпринимателей. Налаженное функционирование подобных транснациональных каналов делало их бизнес доходным. С другой стороны, даже на пике своего развития африканская площадка посреднической торговли в Гуанчжоу не превратилась в классическую – наподобие китайских чайнатаунов на Западе. Этого не произошло по двум причинам. Во-первых, из-за сегментации африканского бизнеса в Гуанчжоу по странам прибытия мигрантов и специализации их торговой деятельности. Во-вторых, по причине отсутствия у переселенцев из стран Африканского континента мотивации связывать перспективы с Китаем и восприятия этой страны как промежуточного этапа своего бизнеса.

5. Для китайского общества, остающегося во многих отношениях приверженным традиционным социокультурным установкам, массовый приток африканских мигрантов стал серьезным вызовом. В стране появились и начали

усиливаться антиафриканские настроения, которые наиболее явно обозначились в сетевом пространстве, в котором граждане КНР могут открыто, хотя и анонимно, высказывать свои мысли. Такие настроения противоречат официальной позиции китайского руководства, заинтересованного в усилении своего влияния в африканских странах, а значит – в создании благоприятных условий для африканских переселенцев и недопущении расистских настроений. Подобная установка, впрочем, не исключает усиления режимности в деле контроля за миграцией, в том числе африканской. Еще больше эта режимность возросла вследствие пандемии COVID-19, когда в стране были введены жесткие карантинные ограничения, воспринятые африканцами как проявления недружественных настроений и приведшие к осложнениям на международном уровне. Вместе с тем в КНР действуют как государственные, так и общественные структуры, которые занимаются оказанием разноплановой помощи африканским мигрантам по их адаптации к жизни в Китае.

Теоретическая значимость исследования состоит в том, что сформулированные в нем положения и выводы способствуют увеличению объема знаний, относящихся к области всеобщей истории и затрагивающих целый ряд проблем. Во-первых, феномен миграций в современном мире, их исторические корни и направления. Во-вторых, поведение представителей диаспор, структуры их внутреннего управления и способы сохранения собственной идентичности. В-третьих, поведение обществ-реципиентов переселенческих потоков, управление настроениями в них в отношении мигрантов и их диаспор. Результаты настоящего исследования могут быть использованы для изучения других примеров взаимоотношений мигрантов и принимающих сообществ.

Практическая значимость диссертации состоит в возможности применения ее результатов для планирования и реализации внешней политики Российской Федерации, при выстраивании двусторонних отношений с африканскими странами и КНР. Выявленные автором и введенные им в научный оборот данные источников, а также сделанные в работе выводы могут быть

использованы для подготовки учебных пособий, лекционных курсов и практических занятий в высшей школе, для подготовки научных исследований, в том числе по специальностям, имеющим междисциплинарный характер (в частности, по проблемам межкультурной коммуникации, конфликтологии, регионоведения, истории международных отношений, различным аспектам социологии и этнологии), и для культурно-просветительской работы.

Соответствие диссертации паспорту научной специальности.

Содержание диссертации соответствует паспорту научной специальности 5.6.2 – Всеобщая история ВАК Минобрнауки России, а именно пунктам: 6 «Новейшая история (XX–XXI вв.)», 8 «История цивилизаций, стран, народов, регионов», 9 «Исторические традиции и инновационные преобразования», 16 «Международные отношения. Историческая конфликтология. Становление и развитие системы цивилизаций», 24 «Историческая демография всеобщей истории», 25 «Историческая география всеобщей истории», 26 «История континентов. Регионы и страны в мировой истории».

В рамках **апробации результатов** диссертационного исследования автор принимал участие в конференциях и семинарах ИАфр РАН (в 2023 г. – научный семинар Совета молодых ученых Института Африки РАН, в 2022 г. – XXI Всероссийская Школа молодых африканистов, в 2021 г. – XX Всероссийская Школа молодых африканистов, в 2020 г. – «Новые глобальные и региональные вызовы в Африке»), Московского государственного лингвистического университета «Инязовские чтения – 2021» (в 2021 г.), Санкт-Петербургского государственного экономического университета «Научные исследования современных проблем развития России: тенденции развития в условиях неопределенности» (в 2023 г.). Кроме того, в журнале «Азия и Африка сегодня» опубликована статья автора «Африканская диаспора в Китае: меняющаяся идентичность в меняющемся мире», в журнале «Вопросы истории» – «Мигрантский дискурс в современной гуманитарной мысли как методологический подход исторического исследования», в журнале «Вестник Московского университета. Серия 8. История» – «Восприятие африканских

мигрантов в китайских блогах на фоне пандемии коронавируса», «Образы африканских мигрантов в современных китайских социальных сетях», в журнале «Вестник ПСТГУ. Серия II. История. История Русской Православной Церкви» – «Иммиграционная политика КНР в прошлом и настоящем (обзор современной китайской историографии)». Диссертация подготовлена при поддержке гранта Министерства науки и высшего образования РФ на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития № 075-15-2024-551 «Глобальные и региональные центры силы в формирующемся мироустройстве».

Глава 1. Африканцы в Китае с древнейших времен до начала 2020-х годов

1.1. Сведения об африканцах на территории Китая с древности до эпохи империи Цин

Согласно распространенной точке зрения, представители Африканского континента впервые появились на территории Китая во эпоху династии Тан (618–907 гг.). Но современные археологические находки позволяют значительно удревнить это время. Допускается возможность первых контактов африканцев и китайцев во время династии Шан (XVI–XI вв. до н.э.)⁴². Дж. Брансон утверждает: «...африканское присутствие существовало в Китае с самого древнего периода...»⁴³. Однако в данном случае апелляция к археологическим находкам антропоморфных фигурок с внешностью, напоминающей внешность африканцев, не может являться веским аргументом в пользу имевших место контактов представителей географически далеких друг от друга континентов в столь давнее время.

В период империи Тан Китай посещали иностранцы, некоторые из них даже оседали в стране. К этому времени относится появление двух терминов – *сэнчжи* и *куньлунь*, – которыми в литературе той эпохи предположительно обозначали африканцев. Так, в 724 г. несколько юношей и девушек *сэнчжи* были отправлены в качестве рабов императору Сянь Цзуну⁴⁴.

Что касается термина *куньлунь*, то он предположительно обозначает либо африканское население, либо обладающих сходными с ним внешними чертами представителей Юго-Восточной Азии⁴⁵. По мнению археологов, вьющиеся волосы фигурок из гробницы эпохи династии Тан – это, скорее всего, не

⁴² См.: *Chang Kwang-Chih*. The Archaeology of Ancient China. New Haven; London, 1963.

⁴³ См.: *Brunson J.* African Presence in Early China // *Journal of African Civilizations*. 1985. No. 1. P. 121–137.

⁴⁴ *Goodrich L.C.* Negroes in China // *Bulletin of the Catholic University of Peking*. 1931. No. 8. P. 137–139.

⁴⁵ *Li Anshan*. African Diaspora in China: Reality, Research and Reflection // *The Journal of Pan African Studies*. 2015. May. Vol. 7. No. 10. P. 14.

присущие африканцам вьющиеся волосы. Подчеркиваются расхождения между африканцами и фигурками в других антропологических деталях. Например, большие глаза, а также белый цвет белков глаз свидетельствуют о том, что эти фигурки могут изображать людей из Центральной или Западной Азии⁴⁶.

Поскольку в эпоху династии Тан, как и позже, в отношении *сэнчжи* и *куньлунь* употреблялся термин *нуби*, то есть раб, из этого с высокой долей вероятности следует, что они в основном являлись домашней прислугой⁴⁷. Как замечает Дж. Нидхэм, «китайцы и представители других азиатских стран использовали чернокожих рабов на протяжении многих столетий, однако их рабство было в основном домашним», вследствие чего их как правило не использовали на сельскохозяйственных работах⁴⁸. Вместе с тем А. Бодомо не только призывает не сводить контакты китайцев и африканцев сугубо к отношениям «господ и рабов», но даже утверждает, что те и другие никогда не владели друг другом как рабами⁴⁹.

Китайские источники подтверждают, что первые африканцы появились в Китае в эпоху династии Тан, причем в данном случае речь идет именно о рабах, которых доставляли по сухопутному Великому шелковому пути и по Морскому шелковому пути⁵⁰. Вообще же самое раннее верифицируемое упоминание африканцев в произведениях китайских авторов принадлежит чиновнику провинции Фуцзянь-Чжэцзян Чжу Ваню, который пытался противостоять португальской экспансии в прибрежные территории Китая. Он отмечал, что

⁴⁶ 卓文靜 [Чжо Венцзин]. 新疆阿斯塔那 336 号唐墓“黑人”俑及相关问题的再考察 [Повторная экспертиза «чернокожих» фигурок гробницы эпохи Тан № 336 в Астане, Синьцзян, и смежные вопросы] // 中国国家博物馆馆刊. 古代史与文物研究 [Журнал Национального музея Китая. Исследования древней истории и античности]. 2017. No. 4 (165). P. 100–110.

⁴⁷ Li Anshan. African Diaspora in China: Reality, Research and Reflection. P. 20.

⁴⁸ Цит. по: Ibidem.

⁴⁹ Bodo A. Africans in China: A Sociocultural Study and Its Implications for Africa-China Relations. P. 230.

⁵⁰ 景兆玺 [Цзин Чжаоси]. 唐代非洲黑人来华述论 [Исследование африканских чернокожих, прибывших в Китай во времена династии Тан] // 西北第二民族学院学报(哲学社会科学版) [Журнал Северо-Западного университета. Второй этнографический институт. Философия и общественные науки]. 1998. No. 4 (37). P. 51–54.

вместе с португальцами пришли «черные» люди⁵¹. Свидетельства Чжу Ваня фиксируют начало следующего этапа в истории африканцев в Китае – этапа, связанного с их появлением в Макао в XVI в. С момента аренды Макао португальцами у империи Мин в 1557 г. на эту территорию стали свозиться рабы из Африки, преимущественно ее юго-восточной части. В первое время их насчитывалось в Макао порядка 5 тыс. человек, но затем их численность стала постепенно снижаться, но несмотря на это они составляли третью по своему количеству (после китайцев и португальцев) часть населения. Эти рабы привозились в Макао из разных мест. Главным источником получения португальцами этой живой рабочей силы была Юго-Восточная Африка. Другим источником поступления рабов, идентифицируемых в качестве африканцев, стал Ормуз. В начале XVI в. португальцы основали несколько опорных пунктов – на острове Килва у восточного побережья Африки, в Гоа и Кэннаноре на западе Индостана, а также на острове Ормуз в акватории между Персидским и Оманским заливами. Некоторые люди, прибывшие в Макао вместе с португальцами и внешне похожие на африканцев, были с Ормуза. Другая часть таких же антропологически рабов была вывезена португальцами с Индостана, однако их идентификация как африканцев сомнительна. Скорее всего, в данном случае речь идет о представителях местных народностей из Португальской Индии. Наконец, еще одним источником поступления таких же рабов в Макао стали Бенгалия, Малакка и Тимор. Таким образом, с достаточно высокой степенью уверенности идентифицировать рабов с африканской внешностью в Макао XVI–XIX вв. именно как африканцев можно применительно лишь к тем из них, кого португальцы привезли непосредственно из Африки⁵².

⁵¹ 汤开建 [Тан Кайцзянь]. 明清时期中国东南沿海与澳门的“黑人” [«Чернокожие» на юго-восточном побережье Китая и в Макао во времена династий Мин и Цин] // 海洋史研究(第五辑) [Исследования морской истории. Часть пятая]. 2013. No. 10. P. 166–195.

⁵² 汤开建, 彭蕙 [Тан Кайцзянь, Пэн Хуэй]. 16–19 世纪澳门“黑人”来源考述 [О происхождении «чернокожих» в Макао в XVI–XIX веках] // 世界历史 [Всемирная история]. 2005. No. 5. P. 77–82.

Постепенно такие переселенцы стали не только значительной по своей численности частью колониального общества Макао, но и обрели в нем, несмотря на свой низкий социальный статус, различные социальные функции. Они становились воинами и охранниками, плавали на кораблях в составе их команд, некоторым удавалось заниматься торговлей или выполнять функции переводчиков. Но наиболее частым их занятием была работа в качестве домашней прислуги у европейских переселенцев, а женщины превращались в их наложниц⁵³.

Несмотря на свой низкий социальный статус в Макао, люди с африканской внешностью выполняли в этой португальской колонии различные функции, в том числе и наравне с португальцами участвовали в боевых действиях против внешних врагов. Спад экономической активности колонии, кризис работоторговли и сложности обустройства своей семейной жизни привели к уменьшению численности этой части населения Макао вследствие бегства и растворения в местном обществе⁵⁴.

В португальской колонии Макао, как и в более ранние периоды, упоминаемые в источниках люди с африканской внешностью не всегда могут быть точно идентифицированы в качестве именно выходцев из Африки. Известны многочисленные факты обозначения европейскими жителями колоний разных восточных народов – например, из Индии, Малайзии и Бангладеш – как африканцев. Вместе с тем нельзя исключать, что в составе зависимого населения колоний были в том числе и переселенцы из Африки.

⁵³ 彭蕙 [Пэн Хуэй]. 16–19 世纪澳门黑人的社会职能 [Социальные функции чернокожих в Макао в XVI–XIX вв.] // 广西民族学院学报(哲学社会科学版) [Журнал Университета народов Гуанси. Философия и общественные науки]. 2005. Vol. 27. No. 2. P. 143–147.

⁵⁴ 彭蕙 [Пэн Хуэй]. 16–19 世纪澳门黑人社群研究 [Исследование сообщества чернокожих в Макао в XVI–XIX веках] // 徐州师范大学学报(哲学社会科学版) [Вестник Суючжоуского педагогического университета. Философия и общественные науки]. 2007. Vol. 33. No. 2. P. 76–80.

После падения империи Мин китайский военачальник Чжэн Чэнгун, верный свергнутой династии, отбил у голландцев их колонию Формозу на Тайване. В войске Чжэн Чэнгуна были воины с африканской внешностью⁵⁵.

Таким образом, в эпоху империи Цин, примерно к концу XVIII в., из-за упадка колониальной экономики Макао и снижения объемов работорговли, а также вследствие учащавшихся побегов привезенных в колонию рабов и трудностей заключения браков между европейцами и африканками число лиц, идентифицируемых в качестве африканцев, стало в Макао уменьшаться. Та же их часть, которая осталась в колонии, постепенно ассимилировалась и интегрировалась в интернациональное колониальное общество, увеличился процент тех из них, кто улучшил свой социальный статус и материальное положение. Сведения о проживании африканцев на остальной части империи Цин вплоть до ее падения в начале XX в. отсутствуют.

В XVII – начале XX в. представления в Китае об Африке были уже достаточно продвинутыми, несмотря на все еще замкнутое и обособленное существование страны. Имелись сведения о географических особенностях всего Африканского континента и окружающих его островов, а также истории и социально-политической обстановке в Северной и Южной Африке. Однако знания об Африке основывались в основном на информации, полученной с Запада, что отразилось на оценочных суждениях китайцев⁵⁶.

Представители народов Африканского континента стали появляться в Китае еще в период его древней истории, однако это были отдельные единичные примеры, в основном представленные рабами. Более регулярное общение жителей Китая раннего Нового времени с африканцами началось с основания португальской колонии Макао. Представителей африканских народов в континентальном Китае стало больше, они выполняли разные функции – от

⁵⁵ 金点强 [Цзинь Дяньцянь]. 黑人士兵助郑成功收复台湾 [Как чернокожие солдаты помогли Чжэн Чэнгуну вернуть Тайвань] // Guoxue. 2012. No. 12. P. 36–38.

⁵⁶ 彭坤元 [Пэн Кунъюань]. 清代人眼中的非洲 [Африка глазами подданных династии Цин] // 西
亚非洲 [Западная Азия и Африка]. 2000. No. 1. P. 60–62.

воинской и флотской службы до обязанностей прислуги, – но и в данном случае их численность была небольшой. К тому же далеко не все «африканцы», упоминаемые в письменных и отображенные в вещественных источниках, являлись выходцами именно из Африки.

1.2. Африканское студенчество в КНР в конце 1950-х – 1990-х годах

Выше приводилось мнение А. Бодомо в передаче Ли Аньшаня, что африканская диаспора стала складываться в Китае в конце XX в. за счет бывших студентов-африканцев, которые после получения в КНР высшего образования не поехали домой, а остались в стране и занялись бизнесом⁵⁷. Между тем такое мнение справедливо и в отношении более раннего периода, так как именно молодые люди, приехавшие из Африки в КНР вскоре после ее создания учиться в китайских вузах, и составили первую, пока еще количественно незначительную, волну африканских мигрантов. К концу империи Цин и без того малочисленное африканское население Китая практически сошло на нет. Вскоре после Синьхайской революции началась долгая гражданская, а затем Вторая мировая война, и на протяжении этого периода никакой миграции из Африки в Китай не было. То есть именно африканская молодежь, приехавшая в социалистический Китай на учебу, стала первой миграцией представителей этого континента после длительного перерыва.

Ли Аньшань делит историю африканского студенчества в КНР на четыре этапа. Она началась в 1956 г., когда туда приехали четверо студентов из Египта. Это было начало первого этапа, который продолжался с 1956 г. до начала культурной революции в 1966 г. Вторым этапом представляет собой несколько лет в начале 1970-х гг., когда в КНР приехали студенты из Танзании и Замбии учиться на строителей железных дорог – Китай активно поддерживал строительство соединившей эти страны железной дороги, продолжавшееся первую половину 1970-х гг. Третий этап осуществлялся с конца 1970-х гг., с

⁵⁷ *Li Anshan. African Students in China: Research, Reality, and Reflection. P. 25.*

начала «политики реформ и открытости», и до середины 1990-х гг. Четвертый этап – это время с конца XX в. до настоящего времени (работа Ли Аньшаня вышла в 2018 г.), причем особый импульс он получил после создания в 2000 г. Форума китайско-африканского сотрудничества⁵⁸.

Если вернуться к первому этапу, то к 1960 г. в КНР находились уже 95 африканских студентов. Когда в 1966 г. началась культурная революция, их в Китае было 164 человека, приехавших из 14 стран Африки. А на 2016 г., то есть через 60 лет после начала первого этапа, в КНР учились более 61,5 тыс. студентов из Африки⁵⁹.

Иностранные студенты начали приезжать на учебу в Китай в 1950-х гг. Но до конца 1970-х гг. сотрудничество между КНР и африканскими странами в области высшего образования определялось идеологическими установками: Китай пытался сподвигнуть африканцев последовать его примеру – сначала противостоять капиталистическому лагерю, прежде всего в лице США, а затем – США и СССР одновременно. С провозглашением курса на «политику реформ и открытости» подход Китая к работе с иностранными учащимися изменился. На первое место вышли прагматические соображения – формировать, в соответствии с принципами народной дипломатии, из бывших студентов, получивших высшее образование в КНР, влиятельную силу, способствующую складыванию в своих странах притягательного образа Китая. Ли Аньшань считает, что положение африканских студентов в Китае характеризуется тремя тенденциями. Во-первых, на фоне общего роста числа иностранных студентов в стране число студентов, приехавших в КНР из африканских стран, также увеличивается. Во-вторых, число студентов-африканцев, самостоятельно оплачивающих свое обучение, растет быстрее, чем число их земляков, получающих стипендию правительства Китая. В-третьих, подавляющее

⁵⁸ Ibid. P. 8–9. См. также: *Liu Haifang. A Study on the Evolution and Effect of China's Scholarship Policy towards African Students // Annual Review of African Studies in China 2015 / Ed. by Li Anshan and Liu Haifang. Beijing, 2017. P. 141–192.*

⁵⁹ *Li Anshan. African Students in China: Research, Reality, and Reflection. P. 9, 8.*

большинство студентов из Африки в результате своего обучения в КНР получают ученые степени⁶⁰.

В последние годы перед пандемией COVID-19 интерес молодых людей из Африки к получению высшего образования в Китае стабильно возрастал. Согласно опросу, состоявшемуся в 2014 г., преимущественная часть студентов-африканцев изучают медицину, на втором месте (но со значительным отрывом – почти в два раза) – занимающиеся инженерным делом, на третьем – будущие экономисты и специалисты в области менеджмента. При выборе Китая в качестве места своей будущей учебы молодые африканцы руководствовались разными соображениями. Так, Ли Аньшань приводит любопытный пример о студенте, приехавшем в 2007 году из Республики Конго. Он сообщил автору, что решил приехать именно в КНР после того, как увидел в продаже у себя на родине телекоммуникационные изделия с пометкой «Сделано в Китае». Этот студент мечтал стать в Республике Конго министром по телекоммуникациям и впоследствии поступил в аспирантуру Пекинского университета почты и телекоммуникаций⁶¹.

Выходцы из Африки при выборе именно китайских высших учебных заведений принимают в расчет и вполне практические соображения, как, например, более низкую плату за обучение, нежели на Западе, и более доступная возможность получить студенческую визу в КНР, чем в высокоразвитые страны. Кроме того, если молодые люди из Африки освоили китайский язык и понимают китайскую культуру, то им потом, после возвращения на родину, легче найти достойную работу в представительствах крупных китайских компаний наподобие Huawei или ZTE Corporation⁶².

Первый этап истории африканского студенчества в КНР известен в основном по книге Джона Эммануэля Хеви «Африканский студент в Китае»,

⁶⁰ 李安山 [Ли Аньшань]. 非洲留学生在 中国: 历史、现实与思考 [Африканские студенты в Китае: история, реальность и размышления].

⁶¹ *Li Anshan. African Students in China: Research, Reality, and Reflection.* P. 21.

⁶² *Ibid.* P. 21–22.

вышедшей в 1966 г. Лондоне⁶³. Книга представляет собой воспоминания автора – уроженца Ганы, – который прибыл в Китай в конце 1960 г., вскоре после того, как первый президент Ганы Кваме Нкрума взял курс на развитие сотрудничества с КНР. Хеви описывает жесткие тоталитарные порядки коммунистического Китая, которые, по его словам, многократно усиливались в отношении находившихся в стране представителей другой расы: китайцы постоянно демонстрировали чувство собственного расового превосходства над африканцами. В конце книги описывается коллективная голодовка африканских студентов в связи с избиением китайцами студента из Занзибара весной 1962 г. и последующий отъезд из КНР большинства обучавшихся там молодых людей из Африки. Воспоминания Хеви по их выходе вызвали неоднозначные отклики на Западе. Ученые-синологи критиковали мемуариста за то, что он чрезмерно преувеличил незначительные проблемы, с которыми столкнулись в КНР молодые африканцы, приехавшие туда на учебу. Современный тайваньский исследователь Ф.С. Лю, работавший с рассекреченными документами Архива МИД КНР, придерживается противоположного мнения⁶⁴.

В начале 1960-х гг., после четко обозначившегося ухудшения отношений с СССР, Пекин стал пытаться заручиться симпатиями африканских государств на волне борьбы с колониализмом, причем старался обойти здесь аналогичные намерения Москвы. Поскольку материальных ресурсов для поддержки африканцев у Китая было неизмеримо меньше, чем у Советского Союза, Мао Цзэдун старался компенсировать это пропагандистской риторикой. В том числе он даже заявлял, что считает китайцев и африканцев абсолютно равными в расовом отношении: «[Жители Запада] утверждают, что мы, китайцы, бесполезны, что мы, цветные люди, бесполезны, что мы грязны и неэлегантны. Наша раса, кажется, одинаковая с вами, африканцами». Поэтому, заключал Мао, «я чувствую себя совершенно равным с африканскими друзьями»⁶⁵.

⁶³ *Hevi Emmanuel John. An African Student in China. London, 1966.*

⁶⁴ *Liu Ph.Hs. Petty Annoyances? Revisiting John Emmanuel Hevi's An African Student in China after 50 Years // China: An International Journal. 2013. April. Vol. 11. No. 1. P. 131–145.*

⁶⁵ Цит. по: *Ibid.* P. 135.

Несмотря на то, что на деле политические лозунги были не в состоянии преодолеть многовековое чувство собственной исключительности, свойственное китайской культуре, соображения политической целесообразности требовали от руководства КНР создания привлекательных условий для приглашаемых в страну переселенцев из стран – потенциальных союзниц Пекина. В составленном специально по этому поводу в 1960 г. документе китайского МИД «О приеме молодежи из Африки и Латинской Америки» говорилось буквально следующее: «Студенческая стипендия составляет в год около 1000 [юаней]. Для 100 студентов в год потребуется всего 100 000 [юаней]. Если половина из этих 100 студентов посвятит себя революции после возвращения в Африку, это окажет существенное влияние на [наши] революционные возможности в Африке»⁶⁶.

Образование, которое получали в КНР студенты из Африки, было предельно политизированным, оно, по сути, сводилось к изучению революционного опыта КПК. Более того, за настроениями молодых африканцев внимательно следили. В июне 1961 г. (Хеви на тот момент еще оставался в КНР), обучавшийся в Китае студент из Сомали Абукар Хаги вернулся к себе на родину и выступил в местных СМИ с заявлением. Он рассказал, что ему удалось сбежать из Китая, и поведал о крайне тяжелых в психологическом отношении условиях, в которых пребывают в КНР учащиеся из Африки: за ними следят, запрещают общаться друг с другом и заставляют постоянно публично выражать благодарность за китайское гостеприимство⁶⁷.

Африканцы в массе своей не испытывали особого интереса к изучению революционного опыта КПК, поэтому китайские преподаватели воспринимали их как «малокультурных, с плохой памятью и ленивых»⁶⁸. Культурные и поведенческие различия между гражданами КНР и африканцами приводили к тому, что приехавших студентов осуждали за «отсутствие семейного воспитания, отсталые мировоззренческие установки, распутный образ жизни и вызывающее

⁶⁶ Цит. по: Ibid. P. 136.

⁶⁷ Ibid. P. 137.

⁶⁸ Цит. по: Ibidem.

поведение», заключая при этом, что с ними невозможно найти общий язык⁶⁹. К тому же молодых людей в их странах отбирали для учебы в Китае совершенно бессистемно: у многих из них было только начальное образование, и получать высшее образование, к тому же в другом государстве, было для них непосильной задачей⁷⁰.

По словам Хеви, он постоянно пытался выходить за пределы жестких коммуникационных рамок, которые китайские власти устанавливали для африканских студентов. К тому же от его взгляда не скрылось и разное отношение к студентам из Европы и из Африки: стипендия европейцев составляла 150 юаней, в то время как студенты из Африки получали почти в два раза меньше – 80 юаней. К белым студентам в магазинах и других общественных местах относились гораздо вежливее, чем к африканцам⁷¹. Наблюдения Хеви подтверждались и заявлениями сомалийца Абукара Хаги. По его словам, африканские студенты ютились в маленьких общежитиях, в которых плохие санитарные условия, и получают 80 юаней в месяц, в то время как стипендия албанских и югославских студентов достигала 275 юаней в месяц, причем они жили в большом и комфортабельном отеле «Синьцяо»⁷².

Специфическое образование вкупе с откровенными проявлениями расизма привели к тому, что в марте 1962 г. африканские студенты провели демонстрацию, протестуя против тех условий, в которых они оказались. И это был не первый опыт проявления коллективного недовольства. До этого уже случались и сидячие забастовки, и предупредительные голодовки против недопустимого отношения к африканцам со стороны китайцев. Но демонстрация 1962 г. стала массовой – в ней приняли участие несколько десятков человек. Более половины из них, в том числе Хеви, затем отправили обратно домой⁷³.

⁶⁹ Цит. по: Ibid. P. 137–138.

⁷⁰ Ibid. P. 138.

⁷¹ Ibid. P. 138–139.

⁷² Ibid. P. 139.

⁷³ Ibid. P. 142.

Между тем следует отметить, что стипендия в размере 80 юаней в месяц в то время и для самих китайцев казалась очень большой суммой. Ежемесячный оклад большинства китайских рабочих в начале 1960-х гг. составлял порядка 50 юаней, местные же студенты вообще получали ежемесячно от 10 до 20 юаней. Во многом еще и поэтому образ жизни африканцев вкупе со свойственной им непосредственностью раздражали граждан КНР. И тем не менее стремление китайского руководства укрепить свое влияние на африканском континенте брало верх: стипендии для африканских учащихся были увеличены – студентам до 100 юаней, аспирантам до 120 юаней. При этом такие пособия часто превышали зарплаты их преподавателей из числа граждан КНР, причем даже занимавших партийные или административные должности в учебных заведениях. Поэтому недовольство молодых африканцев было спровоцировано все же не их материальным положением, а отношением со стороны граждан КНР, которых подобное демонстративное повышение размеров ежемесячных выплат иностранцам лишь еще больше настраивало против них⁷⁴.

С начала 1970-х гг. начинается новый этап в сотрудничестве КНР со странами Африки в деле обучения их студентов. Этому способствовали не прекращавшиеся и во второй половине 1960-х гг. поездки китайских специалистов на строительство железной дороги между Танзанией и Замбией. Для успешного продолжения такого сотрудничества в 1972 г. Китай начал подготовку 200 студентов из этих стран по техническим специальностям. Данное событие стало прецедентом, и в 1973 г. КНР возобновила прием африканской молодежи на учебу. К концу эпохи Мао Цзэдуна в Китае обучались более 350 студентов из 21 страны Африканского континента, возросло и число тех из них кто получал правительственную стипендию КНР⁷⁵.

Третий этап естественным образом совпадает с первыми двумя десятилетиями эпохи «политики реформ и открытости». В 1980-х гг. в ряде университетских городов Китая – таких, как Нанкин, Пекин, Тяньцзинь, Шанхай,

⁷⁴ Ibid. P. 143–144.

⁷⁵ *Li Anshan. African Students in China: Research, Reality, and Reflection.* P. 9–10.

– произошли студенческие столкновения между выходцами из Африки и гражданами КНР. Эти конфликты были во многом вызваны культурными нестыковками менталитетов и поведенческих норм открытых и раскованных африканцев и закрытых и предельно сдержанных китайцев. Сыграл свою роль и экономический фактор. В то время КНР переживала непростое время адаптации к рыночной экономике, и китайские студенты были задеты тем, что материальное обеспечение иностранцев из Африки было намного лучше, чем у граждан Китая⁷⁶.

Рубежный характер начала четвертого этапа – середины 1990-х гг. – объясняется тем, что в 1996 г. китайский лидер Цзян Цзэминь нанес визит в шесть стран Африки – Египет, Зимбабве, Кению, Мали, Намибию, Эфиопию. Это был первый в истории визит руководителя КНР в африканские страны, расположенные к югу от Сахары. По сути, с этой поездки началось активное проникновение Китая в Африку. Усилился и обратный процесс: в КНР поехали учиться молодые африканцы, в 1996 г. их насчитывалось уже около тысячи человек⁷⁷.

Еще одной значимой датой четвертого этапа стал 2005 г. – тогда число студентов-африканцев, самостоятельно оплачивавших свою учебу (около 1400 человек), впервые превысило число африканцев – стипендиатов китайских правительственных программ (около 1370 человек). Такой всплеск популярности китайского высшего образования был вызван активной рекламой стипендиальных программ КНР и выставок китайского высшего образования, проводившихся в начале XXI в. в ряде африканских стран. Реклама сделала свое дело: африканцы стали все активнее ориентироваться на получение образования в университетах КНР. Причем эта тенденция относилась не только к молодым людям из Африки: в это время более 90% иностранных студентов в КНР сами оплачивали свое обучение. С тех пор число приехавших из африканских стран и

⁷⁶ Ibid. P. 11–12. См. также: *Sautman B. Anti-Black Racism in Post-Mao China // The China Quarterly. 1994. No. 138. P. 413–437.*

⁷⁷ *Li Anshan. African Students in China: Research, Reality, and Reflection. P. 13.*

обучающихся за свои средства стабильно превышает число получающих китайские стипендии⁷⁸.

Естественно, самой сложной проблемой было преодоление культурных и поведенческих нестыковок африканцев и китайцев. Сразу после объявления «политики реформ и открытости» в 1978 г. Госсовет принял документ, содержащий требование к китайцам стать более дружелюбными в отношении иностранных студентов, а самим приехавшим разрешалось открыто посещать все общественные места и вступать в брак с гражданами КНР. В 1985 г. Госсовет утвердил еще один документ – «Меры по управлению иностранными студентами», которые были подготовлены Государственной комиссией по образованию и несколькими министерствами – иностранных дел, культуры, общественной безопасности, финансов. В этом документе «прием и обучение иностранных студентов» назывались «стратегической работой» китайской дипломатии⁷⁹. Эти положения относились к иностранным студентам в целом. Однако в 1980-х гг. на волне столкновений между африканскими и китайскими студентами был издан ряд документов, касавшихся сугубо африканских студентов⁸⁰.

Когда в середине 1990-х гг. обнаружилось, что некоторые африканцы – выпускники китайских вузов возвращаются не к себе домой, а трудоустраиваются в других странах, Министерство образования КНР обязало руководство учебных заведений вручать каждому оканчивающему свое обучение обратный билет прямо в посольстве той африканской страны, откуда он прибыл⁸¹.

Параллельно с увеличением численности африканцев, самостоятельно оплачивавших свое обучение, китайское правительство наращивать количество

⁷⁸ Ibid. P. 13–14.

⁷⁹ Ibid. P. 14.

⁸⁰ Ibid. P. 15. См. также: *Liu Haifang*. Op. cit. P. 167–171.

⁸¹ *Li Anshan*. *African Students in China: Research, Reality, and Reflection*. P. 15–16.

государственных стипендий. В середине второго десятилетия XXI в. таких стипендиатов стало в КНР около 8,5 тыс. человек⁸².

Первое – уже многочисленное – присутствие африканцев в Китае относится ко времени существования КНР. Чтобы поддержать молодые африканские государства, освободившиеся от колониального гнета, и укрепить в них свое влияние, маоистское руководство пригласило в китайские высшие учебные заведения несколько десятков молодых людей из этих стран на учебу. Однако африканцы столкнулись в КНР с расистскими настроениями, тотальным контролем и жесткой пропагандой. Это вызвало у них протесты, большинство недовольных были отправлены обратно. А с началом культурной революции вся группа африканских студентов покинула страну. Заинтересованность КНР в строительстве Танзанийско-Замбийской железной дороги обусловила приглашение некоторого количества африканцев на учебу в Китай в начале 1970-х гг., еще при жизни Мао Цзэдуна. Устойчивый приток африканских студентов в КНР возобновился с началом «политики реформ и открытости».

1.3. Миграционное законодательство КНР и проблемы выходцев из Африки⁸³

Проблемой, объективно сложной для преодоления, стало для африканских переселенцев миграционное законодательство КНР. Как будет показано ниже, оно вплоть до конца рассматриваемого в настоящей работе периода создавало трудности не только для иностранцев, в том числе из Африки, но и для граждан самого Китая, относящихся к национальным меньшинствам этой страны. Несмотря на то, что в период «политики реформ и открытости» в этом законодательстве все же произошли определенные либеральные изменения, оно по-прежнему продолжало существенно утяжелять адаптацию переселенцев, хотя Китай и стал ежегодно принимать значительное число иммигрантов. Эта

⁸² Ibid. P. 16.

⁸³ При подготовке данного параграфа использована следующая работа автора: *Андреев Н.Д.* Иммиграционная политика КНР в прошлом и настоящем (обзор современной китайской историографии).

проблематика рассматривалась в отечественной историографии (в том числе в работах, написанных гражданами КНР на русском языке), однако подобных работ немного, и они имеют обзорный характер⁸⁴. Поэтому для более всестороннего изучения данной темы необходимо обратиться к работам китайских авторов, систематизировать освещенные в них вопросы и проследить взаимосвязь изменений в исследованиях иммиграционной политики Китая с происходящими в нем политическими и идеологическими трансформациями.

Прежде всего китайские исследователи обращают внимание на периодизацию истории иммиграционной политики. Для них это вопрос не столько сугубо юридический, затрагивающий эволюцию законодательства в данной области, сколько именно политический, косвенным образом, но вместе с тем красноречиво свидетельствующий о прошлом КНР до начала стартовавших в 1978 г. преобразований в рамках «политики реформ и открытости», во время этой эпохи до Си Цзиньпина и в 2010-х гг.

Так, Лю Юнган и Чен Юэ из Университета Сунь Ятсена выделяют три указанных этапа, оговаривая при этом, что в современном Китае до сих пор не существует официально принятого ответа на вопрос: что считать иммиграцией? Нет и общего закона об иммиграции, вместо него действуют многочисленные разрозненные акты, а понятие «иммигрант» заменяется словом «иностранец», то есть тот, кто въезжает в страну. Поэтому иммиграционная политика, по сути, означает проводимую политику по управлению иностранцами, в том числе по вопросам въезда и выезда неграждан, трудоустройства, социальной поддержки и пр. (статья опубликована в 2015 г.)⁸⁵.

⁸⁴ Лун Чанхай, Коробеев А.И. Особенности миграционной политики современного Китая; Лян Минь Янь. Правовой статус иностранцев в Китае и России: сравнительный анализ; Кулешова Н.С., Балданова Р.А. Особенности регулирования нелегальной миграции в КНР; Балданова Р.А. Основные тенденции современной иммиграционной политики Китая; Юань Сюнь. Китайский опыт совершенствования миграционной политики: основные этапы и нерешенные проблемы.

⁸⁵ 刘云刚, 陈跃 [Лю Юнган, Чен Юэ]. 全球化背景下的中国移民政策: 评述与展望 [Иммиграционная политика Китая в условиях глобализации: обзор и перспективы] // 世界地理研究 [Мировые географические исследования] / World Regional Studies. 2015. March. Vol. 24. No. 1. P. 2, 6.

Следует отметить, что и после создания 2 апреля 2018 г. специальной структуры, своего рода межведомственного регулятора иммиграционной политики, – Государственного управления по вопросам иммиграции – терминологической и правовой четкости в идентификации лиц, подпадающих под такое определение, не прибавилось. По словам Чжун Ши, сотрудника пекинского Народного университета общественной безопасности Китая, появление нового органа не привело к формулированию четкого определения, что такое международная иммиграция. Не завершено и оформление китайского иммиграционного законодательства. Преимущественная часть правовых актов относится к регулированию въезда в страну и выезда из нее, в то время как давно уже назрела необходимость перенести центр тяжести в выстраивании иммиграционной политики из области трансграничных пересечений в сферу создания условий для новоприбывших в КНР. Автор считает, что подобная понятийная нечеткость осложняет экспертные оценки и приводит к статистическим неточностям. В статье Чжун Ши приводится определение международного мигранта, которое дает Департамент по экономическим и социальным вопросам ООН и с которым автор в целом согласен. Это «лицо, которое по какой-либо причине, добровольно или невольно и любыми средствами мигрирует и проживает в иностранном государстве более одного года»⁸⁶.

То есть прямой зависимости между периодизацией иммиграционной политики и ее понятийным оформлением не существует, что не мешает усматривать в предлагаемой периодизации прежде всего политическую доминанту.

⁸⁶ 钟实 [Чжун Ши]. 中国移民管理语境下“国际移民”的明晰与解读 [Уточнение и толкование понятия «международная миграция» в контексте управления миграцией в Китае] // 北京警察学院学报 [Журнал Пекинского колледжа народной полиции] / Journal of Beijing Police College. 2019. July. No. 4. P. 26–27.

Если обратиться к характеристике каждого из выделяемых периодов, то Лю Юнган и Чен Юэ руководствуются прежде всего именно политическими критериями.

Первый этап иммиграционной политики, 1949–1977 гг., исследователи называют временем «жесткого контроля и изгнания». В это время государство в основном занималось строгим надзором за находившимися на территории КНР иностранцами, уделяя приоритетное внимание тому, чтобы они не нарушали визовых правил. Китайские власти стремились минимизировать как численность иностранцев, так и время их пребывания в КНР. Ни о какой правовой инфраструктуре для трудоустройства иностранцев речи тогда не шло.

Второй этап, как указывают авторы, начался в 1978 г., с провозглашения Дэн Сяопином «политики реформ и открытости», и завершился в 2003 г. (авторы не объясняют эту верхнюю границу, но скорее всего она связана с переменой китайских лидеров – уходом Цзян Цзэминя и приходом на его место Ху Цзиньтао). На протяжении этой четверти века были существенно сокращены прежние ограничения на пребывание в стране иностранцев. Сообразно с целью посещения в КНР диверсифицировались въездные визы. Отменялись некоторые лимиты на время нахождения на территории Китая, однако официальная позиция в отношении иностранцев, как и раньше, сводилась к превентивным мерам по предотвращению тех или иных нежелательных действий с их стороны. Вместе с тем кардинально изменилась позиция руководства КНР по поводу возможности для иностранцев работать в Китае. Другое дело, что в данном случае имелись в виду необходимые для страны специалисты, инициатива приглашения которых принадлежала исключительно КНР. Это означало демонстративный отказ от изоляционизма эпохи культурной революции, выразившийся в призыве Дэн Сяопина «открывать, обучать и использовать повторно» зарубежных специалистов. Приобщение к делу развития страны «иностраннных талантов»

было объявлено «стратегической политикой» для «четырех модернизаций» (научно-технической, оборонной, промышленной, сельскохозяйственной)⁸⁷.

Эксперты называют две основные причины, вынуждавшие Китай создавать благоприятные условия для квалифицированных мигрантов. Первая причина – это старение рабочей силы, что отчасти стало следствием политики ограничения рождаемости, приведшей к низким темпам прироста населения и к нехватке молодых кадров⁸⁸. Вторая причина заключается в сохраняющихся последствиях культурной революции 1960-х гг., вызвавшей сохраняющийся (как минимум, до начала XXI в.) дефицит управленческих кадров высшего и среднего уровней⁸⁹.

О желательных и приоритетных для КНР иммигрантах ниже будет сказано отдельно, а пока применительно к периоду от создания КНР в 1949 г. и до начала XXI в. следует указать на тесную взаимосвязь иммиграционной политики в это время с развитием законодательства о гражданстве. Ван Цзяньчан обращает внимание на то, что Закон о гражданстве 1980 г. остается на сегодняшний день главным инструментом управления иммиграцией. Однако текущая ситуация насущно требует расширение возможностей для предоставления двойного гражданства. Особенно актуальной эта проблема стала в 2013 г. – после провозглашения Китаем инициативы «Одни пояс и один путь». Автор считает, что в настоящее время было бы проявлением ретроградства «настаивать на неизменности принципа “один человек – одно гражданство”». Вместе с тем Ван Цзяньчан сомневается в том, что в обозримом будущем откроется «политическое окно для признания Китаем двойного гражданства», но призывает всесторонне изучать возможные последствия такого шага. Если говорить об истории контроля иммиграции в КНР, то эксперт указывает на то, что сразу после

⁸⁷ 刘云刚,陈跃 [Лю Юнган, Чен Юэ]. *Op. cit.* P. 3.

⁸⁸ Wang Feng. China's Population Destiny: The Looming Crisis // *Current History*. 2010. September. Vol. 109. Issue 728. P. 244–251.

⁸⁹ Simon D.F., Cao Cong. China's Future: Have Talent, Will Thrive // *Issues in Science and Technology*. 2009. Fall. Vol. 26. No. 1 // [Электронный ресурс]: <https://issues.org/simon/> (дата обращения: 09.02.2024).

создания государства в 1949 г. вопроса о возможности въезда в Китай иностранцев не ставилось в принципе: руководство страны придерживалось принципа: «Сначала убрать дом, а потом приглашать гостей». Однако уже в 1950-х гг. был принят ряд актов (в формате «временных правил» и «временных мер»), регулировавших посещение иностранцами КНР. Эти акты получили дальнейшее развитие в принятом Госсоветом в 1964 г. «Положении об управлении въездом, выездом, транзитом, проживанием и поездками иностранцев», которое действовало до наступления «политики реформ и открытости». Следующее обращение к правовому обеспечению иммиграции началось в 1985 г. с издания Закона о контроле за въездом в страну и выездом из страны иностранцев, а в 2012 г. новый Закон о выезде и въезде фактически оформил действующую вплоть до сегодняшнего дня (работа вышла в 2021 г.) систему управления иммиграцией. Этот закон, принятые тогда же «Меры по обращению с иностранцами, постоянно проживающими в Китае», и изданное в 2016 г. «Заключение об усилении администрирования услуг для постоянно проживающих иностранцев и их обслуживании» были нацелены именно на совершенствование адаптации переселившихся в КНР⁹⁰.

Чжун Ши приводит важное уточнение по поводу восприятия второго поколения иммигрантов именно как иммигрантов. Согласно действующему в КНР Закону о гражданстве, когда «оба или один из родителей являются гражданами Китая, а сам человек родился в Китае, то он имеет китайское гражданство». Также, когда «родители являются лицами без гражданства или их гражданство неизвестно, при этом они проживают в Китае и человек родился в Китае, он имеет китайское гражданство». Поэтому второе поколение приехавших в КНР и юридически, и фактически (качественно иной уровень адаптации к китайской жизни) можно не рассматривать как представителей «международной иммиграции».

⁹⁰ 汪建昌 [Ван Цзяньчан]. 中国国际移民政策变迁研究:内在逻辑与未来走向 [Исследование изменений в международной миграционной политике Китая: внутренняя логика и будущие тенденции] // 江海学刊 [Цзяньхайский академический журнал]. 2021. No. 3. P. 132–133.

И напротив, если говорить об иммигрантах, то, исходя из международной практики и, главное, из собственно китайской конъюнктуры, представителями «международной иммиграции», по словам Чжун Ши, следует считать «физических лиц, покинувших место своего рождения, добровольно въехавших в Китай с целью проживания и проживающих в Китае не менее 180 дней». Вместе с тем автор подчеркивает, что понятие «международная иммиграция» никогда не становилось инструментом для регулирования въезда в Китай иностранцев. Гораздо более актуальными для китайских миграционных реалий остаются такие определения, как, например, «трансграничные переселенцы» (лица, которые въезжают в страну, чтобы из нее затем переехать в другую страну), а также «иностранцы, нарушающие “принцип ‘трех не’”» (при этом достаточно нарушения даже одного «не», чтобы считаться нарушителем в целом всего принципа)⁹¹.

Примерно параллельно с оформлением въездных и выездных правил, а также законодательства о гражданстве в КНР складывалась и система визовой поддержки иностранцев. Фу Сяокан и Чжан Янь называют началом визовой системы социалистического Китая «Временные правила въезда, выезда и проживания иностранных граждан» 1951 г. А стандартизироваться визовая политика стала с 1980 г. благодаря принятому в том же году «Положению о паспортах и визах Китайской Народной Республики». Наконец, важнейшими актами в этом вопросе стали Закон о порядке въезда в страну и выезда из страны иностранцев 1985 г. и принятые через год «Правила исполнения Закона о порядке въезда в страну и выезда из страны иностранцев»⁹².

Современный, или третий, этап складывания иммиграционной политики КНР относится к XXI в. Лю Юнган и Чен Юэ отсчитывают его от 2004 г. Они

⁹¹ 钟实 [Чжун Ши]. *Op. cit.* P. 31.

⁹² 付小康, 张燕 [Фу Сяокан, Чжан Янь]. 移民管理模式下中国签证法律制度完善研究 [Исследование совершенствования китайской визовой правовой системы в контексте управления иммиграцией] // 广西警察学院学报 [Журнал Полицейского колледжа Гуанси] / Journal of Guangxi Police College. 2020. Vol. 33. No. 4. P. 25.

полагают, что встраивание Китая в глобальный мир привело к необходимости либерализации иммиграционного законодательства – отказа от целого ряда сохранявшихся с эпохи Мао Цзэдуна ограничений и запретов, – а также защиты прав всех без исключения иностранцев, а не только приглашенных. Авторы метафорично называют произошедшие за время с 2004 г. и до выхода их статьи в 2015 г. перемены в этой области завершением «управления и контроля» и переходом к новой установке в отношении иммигрантов – «управлению и обслуживанию». При этом во многом непреодоленным остается важнейшее ограничение – четко отделяются друг от друга востребованные с точки зрения китайского руководства специалисты и просто иностранные работники, стремящиеся получить работу в Китае по собственной инициативе.

В отношении последних во введенных в 1996 г. «Положениях об управлении трудоустройством иностранцев в Китае» оставались определенные изъятия, например, ничего не говорилось об их социальном обеспечении. Такая двойственность отразилась и в действовавших тогда документах, даже в названиях которых присутствовала правовая сегрегация: приглашенным выдавался «Сертификат иностранного эксперта», а приехавшим самостоятельно – «Сертификат о приеме на работу иностранца». Однако, несмотря на то что стратификация иммигрантов сохранилась и разрыв в возможностях между желательными и простыми переселенцами велик, налицо постепенное распространение социальных (но не политических) прав граждан КНР на неграждан⁹³.

Ван Цзяньчан считает, что в настоящее время наиболее актуальными для КНР являются две проблемы, связанные с переселенцами: привлечение в страну высококлассных специалистов и предотвращение нелегальной иммиграции.

Что касается востребованных в Китае уникальных профессионалов из разных стран, то первые шаги по стимулированию их релокации были предприняты в 1983 г. Тогда Госсовет ввел в действие «Временное положение о

⁹³ 刘云刚,陈跃 [Лю Юнган, Чен Юэ]. Op. cit. P. 4.

привлечении иностранных талантов». Действуя в том же направлении, которое определил принятый в 2008 г. «План тысячи талантов» (проект по переселению в КНР такого числа выдающихся личностей), в 2017 г. некоторые государственные структуры КНР в рамках «Заключения об углублении реформы системы и механизма развития талантов» издали документ – «Уведомление по вопросам, касающимся разрешения на работу в Китае выдающимся выпускникам иностранных вузов». Действие этого документа распространилось и на иностранных студентов, обучающихся в КНР, и на иностранных выпускников китайских вузов⁹⁴.

Вообще создание в КНР максимально благоприятных условий для привлечения в страну высококлассных специалистов, ученых и деятелей культуры мирового уровня, которые даже в официальных документах именуется «талантами», являлось вплоть до конца рассматриваемого в настоящей работе периода важнейшим направлением китайской иммиграционной политики. Указанный «План тысячи талантов» стал не первым документов, предложившим действия в данном направлении. Фу Сяокан и Чжан Янь отмечают, что начало проведения целенаправленной политики по приглашению в КНР «талантов» было положено принятой в 2002 г. «Программой разработки и создания системы подготовки национальных кадров на 2002–2005 годы», в которой провозглашалась «стратегия укрепления страны талантами». Следующим шагом на этом пути стало «рождение системы “зеленой карты”» КНР – обнародование 15 августа 2004 г. приказом Министерства общественной безопасности и Министерства иностранных дел КНР «Положения о получении вида на постоянное жительство иностранцев»⁹⁵. В статье 6 этого «Положения» говорилось, что среди «иностранцев, претендующих на постоянное проживание», могут быть и те, кто способен «внести значительный

⁹⁴ 汪建昌 [Ван Цзяньчан]. *Op. cit.* P. 133.

⁹⁵ 付小康,张燕 [Фу Сяокан, Чжан Янь]. *Op. cit.* P. 25.

вклад в развитие Китая и поэтому иметь особую ценность для страны»⁹⁶. В изданных в развитие данного «Положения» разъяснениях приводилось уточнение, кого можно считать такими иммигрантами. Под ними подразумевались «лучшие в мире таланты, особенно квалифицированные специалисты и знаменитости, в том числе всемирно известные лауреаты научных премий, всемирно известные ученые, предприниматели, спортсмены, деятели литературы и искусства и т.д.»⁹⁷. Далее, как отмечают Фу Сяокан и Чжан Янь, в «Отчете о работе правительства за 2007 год» последовала запись о необходимости «дальнейшего привлечения и найма зарубежных специалистов высокого уровня»⁹⁸. Итогом всей этой многолетней работы и стал «План тысячи талантов» 2008 г. Наконец, уже при Си Цзиньпине, в 2013 г., вышло «Положение Китайской Народной Республики об управлении въездом и выездом иностранцев», в котором говорилось о введении специальных виз категории R, предназначенных для «иностранцев высокого уровня, в которых нуждается Китай, и высококвалифицированных специалистов, в которых имеется острая необходимость из-за их нехватки»⁹⁹. Фу Сяокан и Чжан Янь прямо называют эти визы «визами специалистов»¹⁰⁰.

Говоря о переезжающих в КНР в рамках «Плана тысячи талантов», Лю Юнган и Чен Юэ называют таких людей целевой группой приоритетного направления государственной иммиграционной политики. Между тем эксперты обращают внимание на одно из уточнений «Положения Китайской Народной Республики об управлении въездом и выездом иностранцев». В нем говорится, что «иностранцы высокого уровня и срочно необходимые специализированные эксперты» определяются «соответствующими

⁹⁶ [Электронный ресурс]: <https://www.nia.gov.cn/n741440/n741547/c1295837/content.html> (дата обращения: 21.10.2023).

⁹⁷ [Электронный ресурс]: <http://www.mofcom.gov.cn/article/b/g/200501/20050100329253.shtml> (дата обращения: 21.10.2023).

⁹⁸ 付小康,张燕 [Фу Сяокан, Чжан Янь]. Op. cit. P. 25.

⁹⁹ [Электронный ресурс]: http://www.gov.cn/zhengce/content/2013-07/22/content_1269.htm (дата обращения: 21.10.2023).

¹⁰⁰ 付小康,张燕 [Фу Сяокан, Чжан Янь]. Op. cit. P. 26.

компетентными органами правительства Китая». То есть критерии соответствия того или иного заявителя на визу в качестве приоритетного иммигранта основываются не на научной экспертизе, а на определяемых административным образом показателях¹⁰¹. Поэтому система привлечения в КНР «талантов» в рассматриваемый в настоящей диссертации период нуждалась в дальнейшем развитии с точки зрения усиления прозрачности и валидности при принятии решений о выдаче «зеленых карт».

Вместе с тем проблема управления иммиграцией сохраняла свою политизированность еще и потому, что, заявляя о смене установок в этом вопросе, руководство Китая по-прежнему осталось в поиске оптимального соответствия нужности прибывающих в страну переселенцев и предоставляемой им поддержки. Решение этой непростой проблемы продвигалось не слишком быстро.

Так, Ван Цзяньчан подчеркивает, что после начала «политики реформ и открытости» приоритеты развития сместились с политических вызовов и задач обеспечения безопасности на экономическую проблематику и вопросы модернизации. Соответственным образом стало меняться и отношение к иммиграции. Однако восприятие иностранцев, даже столь необходимых для страны и желаемых специалистов, оставалось сложным: на их помощь рассчитывали, но по-прежнему считали чужими. Перелом в этом вопросе наступил после начала реализации инициативы «Одни пояс и один путь», к которой впоследствии присоединилось около полутора сотен стран, и Китай в своей иммиграционной политике стал ориентироваться на «обслуживание талантов» и рассматривать приехавших в КНР в качестве друзей.

Ван Цзяньчан отмечает, что стремительное увеличение численности иммигрантов привело к необходимости систематизировать работу с переселяющимися в КНР с акцентом на определение их ценности для страны. Автор обобщенно выделяет три основные группы иммигрантов –

¹⁰¹ 刘云刚,陈跃 [Лю Юнган, Чен Юэ]. Op. cit. P. 4–6.

«высококласные таланты», далее идут «профессиональные таланты», а затем «общая рабочая сила». А уже на такую самую общую градацию накладывается государственный подход к работе с каждой из указанных групп. Причем если поначалу речь шла исключительно о рамочных правилах, определяющих наиболее принципиальные реалии жизнедеятельности иммигрантов, как в Законе о порядке въезда в страну и выезда из страны иностранцев 1985 г., то впоследствии стал делаться акцент именно на «обслуживающее управление» иммиграцией, ориентированное на предоставление услуг – в соответствии с полезностью того или иного лица для КНР. Так, в «Заключении об усилении администрирования услуг для постоянно проживающих иностранцев и их обслуживании» 2016 г. указывается на необходимость повышать качество предоставляемой иммигрантам (особенно «талантам высокого уровня») поддержки.

Обращает на себя внимание и приводимая экспертом новая китайская установка: проявлять ответственность в отношении международной иммиграции даже ценой рисков для национальной безопасности страны. То есть статус Китая как мировой державы обязывает расширять возможности для переселения в страну, несмотря на возникающую из-за этого потребность в дополнительных усилиях по поддержанию правопорядка и стабильности.

Как утверждает Ван Цзяньчан, еще одним свидетельством нового отношения к иностранцам, прибывающим в КНР для работы, стало уравнивание многих правил для граждан и для иммигрантов. Так, например, Закон о выезде и въезде 2012 г. применим к тем и к другим, подобное «равное обращение продемонстрировало образ большой страны»¹⁰². Впоследствии стал больше применяться не столько для урегулирования проблем пересечения границы, сколько именно при решении вопросов адаптации иммигрантов. Соответствовать мировым стандартам как по предоставлению услуг переселяющимся в КНР, так и по борьбе с нелегальной иммиграцией помогает

¹⁰² 汪建昌 [Ван Цзяньчан]. Op. cit. P. 135.

членство страны с 2016 г. в Международной организации по миграции, которая, в свою очередь, в том же году стала учреждением ООН. Участие в деятельности Международной организации по миграции, считает Ван Цзяньчан, предоставляет Китаю доступ к управлению миграцией в глобальном масштабе. В том числе облегчает задачу использования китайцев, проживающих за границей, для привлечения в КНР «иностранных высококлассных талантов».

Автор предлагает подходить к дальнейшему реформированию иммиграционной политики Китая с точки зрения базовой внешнеполитической доктрины КНР – построения «сообщества единой судьбы человечества», – которая была предложена Си Цзиньпином в 2012 г. на XVIII съезде КПК. Практическому воплощению в жизнь данной установки призвано всемерно содействовать созданное в 2018 г. на базе структурного подразделения Министерства общественной безопасности (Управления по въезду и выезду) и одновременно подчиненное этому министерству Государственное управление по вопросам иммиграции, которое выполняет функции межведомственного координатора иммиграционной политики. Перед этим органом и перед другими структурами, так или иначе занимающимися адаптацией приезжающих в КНР для трудовой деятельности, была поставлена задача окончательно преодолеть наследие прежнего отношения к таким людям как к иностранцам и сконцентрировать выстраиваемую иммиграционную политику на управлении данным процессом посредством предоставления соответствующих услуг¹⁰³.

Если Ван Цзяньчан свидетельствует о проблемах иммиграционной политики КНР обтекаемо – как о задачах, которые еще предстоит решить, – то Лю Юнган и Чен Юэ не обходят острых углов и фокусируются именно на трудностях адаптации переселенцев, особенно не входящих в число нужных Китаю «талантов». По их мнению, отсутствие должной социальной поддержки для простых иммигрантов привело к тому, что в своем большинстве они являются одиночками, отказываясь перевозить в КНР свои семьи. Семейная

¹⁰³ Ibid. P. 134–136.

иммиграция осложняется также реальным уровнем возможностей школьного образования для детей лиц, приезжающих на постоянное место жительства. Они могут учиться либо в международных отделениях государственных школ, либо в обычных школах. Но школ с международными отделениями немного, к тому же плата за обучение там высока. Что же касается обычных школ, то в соответствии с принятыми в 2012 г. «Мерами для иностранцев, имеющих право на соответствующий режим постоянного проживания в Китае», в них «никакие сборы, кроме тех, которые предусмотрены государством, не взимаются», однако для таких школ необходим хороший уровень китайского языка. Поэтому остаются дорогие частные школы, которые далеко не все иммигранты способны оплачивать.

Однако одна из острых проблем, о которых пишут Лю Юнган и Чен Юэ, все же была решена. Эксперты, издавшие свою статью в 2015 г., указывают на то, что адаптация иммигрантов в Китае осложняется еще тем, что в стране до сих пор нет единой структуры, занимающейся этой проблематикой, и вопросы въезжающих в КНР относятся к межведомственной компетенции Министерства иностранных дел, Министерства общественной безопасности, Министерства трудовых ресурсов и социального обеспечения, Министерства образования, различных отраслевых структур – в соответствии с профилем предполагаемой трудовой деятельности. Получение визы для устройства на работу является сложным и запутанным для иностранца, незнакомого с китайской делопроизводственной культурой, что мешает приглашению в КНР даже «талантов высокого уровня»¹⁰⁴. Такой межведомственной структурой стало созданное в 2018 г. Государственное управление по вопросам иммиграции.

Работе этого органа посвящена специальная работа, вышедшая через год после его создания. Ее авторы, Е Цин и Сун Хун, рассматривают преобразования в области иммиграционной политики в контексте общих переживаемых Китаем на протяжении последних десятилетий перемен. Они отмечают, что, следуя

¹⁰⁴ 刘云刚,陈跃 [Лю Юнган, Чен Юэ]. Op. cit. P. 7.

«путем модернизации, укрепления верховенства закона и социализации» и сталкиваясь при этом с противодействием со стороны западной идеологии, а также нарастанием внутренних противоречий в стране «в процессе реформирования внутренней экономической системы», власть КНР «вынуждена расширять полицейские полномочия для управления обществом». Вместе с тем на фоне растущего гражданского правосознания власти приходится наращивать «децентрализацию, регулирование и обслуживание», усиливая «централизацию управления гражданским обществом» посредством привлечения его к совместной деятельности по целому ряду направлений социально-экономической и культурной жизни.

Указанные перемены затронули и регулирование въездом в Китай и выездом из него. Это регулирование прошло в своем развитии три стадии – «жесткого контроля», «равного акцента на контроле и обслуживании», «ориентации на обслуживание». На момент написания статьи было время третьей стадии, когда, помимо «обслуживания», стало необходимым заниматься и «управлением иммиграцией», которое означает вместе с тем «управление населением в эпоху глобализации». Такое управление предполагает три уровня. Наиболее общий уровень включает в себя обеспечение «национальной политической безопасности», в его рамках также гарантируется «соблюдение конфиденциальности». На среднем уровне внимание сосредоточено на поддержании «национальной экономической безопасности», в том числе за счет «привлечения талантов» из других стран для усиления конкурентоспособности КНР. А на низовом уровне осуществляется управление общественным порядком и повышается уровень правосознания иммигрантов.

Авторы указывают, что, кроме «талантов», Китай нуждается в работниках среднего и низшего уровней квалификации из-за «изменений в структуре промышленности и стоимости рабочей силы в различных регионах», вызванных старением китайского общества. Поэтому необходимо оптимизировать «обслуживание» этой категории приезжих. Трудовые иммигранты должны иметь в наличии «три разрешения», а именно – рабочую визу, специальное

разрешение иностранцу на работу в Китае и разрешение на проживание в стране в связи с полученной работой. Эти разрешения относятся к сферам ведения соответственно Министерства иностранных дел, Министерства трудовых ресурсов и социального обеспечения и Министерства общественной безопасности. Необходимы упрощение межведомственного документооборота и «единая обработка» этих разрешений. Однако еще сохраняются региональные различия по работе с иммигрантами: в разных местностях КНР ими занимаются неодинаковые государственные и партийные структуры.

Важной вехой в деле централизации управления иммиграционной политикой явилось создание в соответствии с реформой Госсовета 2018 г. Государственного управления по вопросам иммиграции, в функции которого вошла координация деятельности по выработке и реализации иммиграционной политики, в том числе всего блока вопросов, связанных с нарушениями законодательства и международным сотрудничеством в этой области. Работа Государственного управления по вопросам иммиграции, считают Е Цин и Сун Хун, должна основываться на трех базовых принципах – уплощении, интеграции и детализации. В соответствии с первым принципом предлагается минимизировать вертикальные административные отношения: «В плоской организационной форме уменьшается количество промежуточных уровней, в результате чего повышается эффективность работы». Второй принцип предполагает укрупнение функционала имеющихся структур в целях минимизации дублирования их деятельности. В рамках третьего принципа планируется использование наукоемких технологий, цифровизации и Big Data¹⁰⁵.

Созданию системы управления иммиграционной политикой с помощью Big Data посвящена специальная статья. Ее автор, Ду Сун, видит проблему в том, что в настоящее время государственные структуры, в сферы компетенции

¹⁰⁵ 叶氢,宋红 [Е Цин, Сун Хун]. 中国国家移民管理机构设置与运行问题探讨 [Создание и функционирование Государственного управления по вопросам иммиграции Китая] // 北京警察学院学报 [Журнал Народного университета общественной безопасности Китая]. 2019. July. No. 4. P. 21–24.

которых входят разработка и реализация иммиграционной политики, занимаются информатизацией, как правило, лишь в собственных ведомственных интересах. Результатами такого распыления становятся «асимметричное распределение информации», а также разобщенность государственных органов. Поэтому, считает автор, необходима «национальная единая информационная платформа с использованием Big Data» для оптимизации иммиграционной политики, и на данный момент уже имеется определенная юридическая основа для ее функционирования¹⁰⁶.

Китайская исследовательница Шаньшань Лань работает в Университете Амстердама, поэтому она гораздо более свободна в своих оценках текущей ситуации с иммиграционной политикой в КНР. Исследовательница указывает на неправильность, с ее точки зрения, жестко разделять практики регистрации и отказа от регистрации иммигрантов, поскольку между этими двумя способами управления переселенцами существуют гораздо более сложные взаимодействия. Это видно, в частности, на примерах административных действий в отношении мигрантов из Африки. «Ограничительная визовая политика» КНР (в частности, ее ужесточение перед крупными международными событиями наподобие Олимпиады 2008 г. или государственных юбилеев) провоцирует незаконное проникновение африканцев в страну и пребывание в ней на нелегальном положении. Такая политика стала причиной различных «полулегальных или нелегальных услуг в этой области». Сложился черный рынок визовых услуг, что ощутимо ударило по доходам африканских предпринимателей, занимающихся бизнесом в КНР и при этом «желающих сохранить свой правовой статус». Ситуация усугубляется отсутствием четкой траектории обретения иностранцами китайского гражданства, а система предоставления «зеленой карты» адресована преимущественно немногим иммигрантам, обладающим «исключительной

¹⁰⁶ 杜松 [Ду Сун]. 基于大数据的中国移民及出入境管理信息应用制度建设 [Создание прикладной информационной системы управления миграционными процессами и вопросами въезда в Китай и выезда из него на основе Big Data] // 武警学院学报 [Журнал Академии народной вооруженной полиции]. 2019. May. Vol. 35. No. 5. P. 11–12.

квалификацией». «Положение Китайской Народной Республики об управлении въездом и выездом иностранцев» 2013 г., по ее мнению, стало жестким в отношении нарушителей «принципа “трех не”», однако оно мало дает для интеграции иммигрантов¹⁰⁷.

Сун Цюаньчэнь выделяет три европейские модели противостояния нелегальной иммиграции и проецирует их на Китай. Первая модель – «разрешительная», она действует в Великобритании. Функционирующая в стране система защиты данных об иммигрантах не позволяет направлять их в государственные органы. На фоне недискриминационной британской установки применительно к иммигрантам и усиливающимся «влияния и силы иммигрантских групп с политической окраской» британская модель остается толерантной. Вторая модель – модель «отказа» Германии. Ей присущ жесткий контроль за иммигрантами – как внешний, въездной, так и внутренний. Налицо и межведомственная координация, а также добровольное содействие граждан в «мониторинге нелегальной иммиграции». Все это позволяет четко идентифицировать легальную и нелегальную иммиграции. Третья модель свойственна для стран Южной Европы. Это модель «легализации», сводящаяся к амнистии нелегальных иммигрантов. Вместе с тем, когда в экономиках этих стран наступает рецессия и усиливается безработица, меры в отношении нелегальной иммиграции становятся жесткими. Поэтому иммиграционная политика государств Южной Европы отличается неустойчивостью.

Однако, как считает автор, ни одна из этих моделей неприменима полностью для КНР. Иммиграционная политика Китая гораздо более сложная, так как она определяется одновременным пребыванием в стране четырех основных групп нелегальных иммигрантов. (Появление этих групп вызвано феноменом, который А.Г. Вишнеvский и Р.В. Дмитриев называют «обменом населением» второй половины XX в. и рассматривают применительно к Южной

¹⁰⁷ *Shanshan Lan*. “China Gives and China Takes”: African Traders and the Nondocumenting States // *Focaal – Journal of Global and Historical Anthropology*. 2017. March. No. 77. P. 50–62.

Азии, Африке, а также Латинской Америке¹⁰⁸.) Первая группа – это около 300 тыс. беженцев из Индокитая, преимущественно этнических китайцев, которые нелегально прибыли в КНР в конце 1970-х – начале 1980-х гг. Вторую группу составили от 300 до 500 тыс. беженцев из Северной Кореи, спасавшихся от голода. В третью группу вошли женщины из стран, расположенных к югу от КНР (Мьянма, Вьетнам и др.), которые нелегально въехали в Китай и родили детей от китайских мужчин. Таких матерей с их детьми насчитывались на начало XXI в. сотни тысяч. Четвертая группа представлена нелегальными иммигрантами из других стран, нарушающими «принцип “трех не”».

Сун Цюаньчэнь показывает модель китайской политики в отношении беженцев, нелегально оказавшихся в стране: сначала провести добровольную репатриацию готовых вернуться на родину, после – натурализовать не желающих возвращаться и готовых остаться. Так, в 1990-х гг. была проведена добровольная репатриация беженцев из Лаоса и Камбоджи. Сложнее было с нелегальными переселенцами из Вьетнама из-за невнятной позиции руководства этой страны. Поэтому правительству КНР пришлось заниматься приемом и переселением беженцев оттуда. Беженцев из Индокитая расселили в основном в южных провинциях КНР в специальных лагерях. В отличие от них, северокорейские беженцы смогли адаптироваться в местах расселения корейцев на северо-востоке Китая. Но и их власти КНР обеспечивали продовольствием, а также помогали им с работой. Что касается женщин, нелегально въехавших в КНР и родивших здесь детей, то в конце XX в. их репатриировали, но с начала XXI в. правительство КНР стало относиться к ним более гуманно. Что же касается нарушителей «принципа “трех не”», то их депортируют, причем число таких вынужденных репатриантов постоянно увеличивается¹⁰⁹.

¹⁰⁸ Вишневецкий А.Г., Дмитриев Р.В. Указ. соч. С. 220.

¹⁰⁹ 宋全成 [Сун Цюаньчэнь]. 欧洲与中国:非法移民及其社会控制政策之比较 [Европа и Китай: сравнение ситуаций с нелегальной иммиграцией и политики социального контроля за ней] // 山东社会科学 [Шаньдунский журнал общественных наук] / Shandong Social Sciences. 2011. No. 8 (192). P. 24–27.

Как показано выше, в два первых десятилетия XXI в. иммиграционное законодательство КНР оставалось несовершенным. Тем более несовершенной была практика его применения. В XXI в. даже страны «золотого миллиарда» продемонстрировали свою неспособность абсорбировать всевозрастающее количество мигрантов, особенно неквалифицированных и малокультурных. У Китая же такого опыта в принципе не было. Подавляющее большинство мигрантов в Китае сосредотачивались в Гуанчжоу, но при этом они либо оказывались встроенными в цепочки посреднической торговли, либо сами принимались заниматься адаптацией своих соотечественников, которые не обладали должными навыками, чтобы заниматься предпринимательской деятельностью даже на низовых ролях. Выше отмечалось, что китайское миграционное законодательство на общегосударственном уровне больше ориентировано на селекцию прибывающих в страну переселенцев, нежели на их адаптацию. Эти пробелы в правовом обеспечении приезда в КНР, пребывания и работы в стране приводили к тому, что в регионах, где сосредоточено много иностранцев, местные власти оказывались вынужденными брать на себя обеспечение строгого иммиграционного контроля. Иногда такие действия заканчивались всплесками напряженности между африканскими мигрантами и китайскими властями. Так, в июле 2009 г. в Гуанчжоу африканец, у которого не было документов, чтобы скрыться от полиции, выпрыгнул со второго этажа одного из торговых центров города и получил серьезные травмы¹¹⁰. Через три года, 19 июня 2012 г., снова в Гуанчжоу произошли столкновения между предпринимателями из Африки и местной полицией. Их причиной стала кончина нигерийца, который был задержан полицией¹¹¹.

¹¹⁰ *Shanshan Lan*. State Regulation of Undocumented African Migrants in China: A Multi-Scalar Analysis // *Journal of Asian and African Studies*. 2015. Vol. 50. No. 3. P. 289.

¹¹¹ *Ibid.* P. 290. См. также: *Beach S.* Foreigners in Guangzhou Protest Death of Expat // *China Digital Times*. 2012. June 19 // [Электронный ресурс]: <https://chinadigitaltimes.net/2012/06/foreign-residents-guangzhou-protest-death-expat/> (дата обращения: 10.03.2024); *Beech H.* A Nigerian Dies in China – And Racial Tensions Heat Up // *Time*. 2012. June 20 // [Электронный ресурс]: <https://world.time.com/2012/06/20/a-nigerian-dies-in-china-and-racial-tensions-heat-up/> (дата обращения: 11.03.2024).

В африканской диаспоре Гуанчжоу представлено большинство стран континента. Наиболее многочисленные сообщества образовали выходцы из Западной Африки. По подсчетам А. Бодомо, на начало 2010-х гг. первую пятерку составляли (по убыванию) нигерийцы, малийцы, сенегальцы, ганцы, гвинейцы¹¹². Хотя нарушителями «принципа “трех не”» являлись переселенцы из самых разных стран, в Гуанчжоу они стали ассоциироваться прежде всего с африканцами. Вопреки официальной риторике о китайско-африканской дружбе, в этом городе КНР сложилось довольно тенденциозное отношение к приехавшим из Африки. Отсюда и закрепившееся за ними наименование со всеми своими коннотациями – *хэйжэнь*, что на китайском означает «черный человек». Это слово вошло в обиход не только в бытовом общении граждан КНР, но даже в некоторых популярных местных СМИ.

В соответствии с полученными визами основное разделение африканских мигрантов связано с продолжительностью разрешенного им пребывания в стране. Одна группа – обладатели краткосрочных виз, другая – те, кому удалось получить долгосрочные визы.

Предприниматели, получившие краткосрочные визы, въезжали преимущественно по двум типам виз – деловой (виза М) или туристической (виза L). Деловая виза выдавалась на срок от 3 месяцев до 1 года, а туристическая – обычно на неделю, но не больше, чем на месяц. На учебу африканцы приезжали по учебной визе (виза Х), обладателю которой запрещено заниматься предпринимательством и некоторыми видами деятельности, относящимися к сервису. В случае обнаружения такого нарушения учебная виза аннулировалась, а ее обладатель подлежал депортации. В этом смысле данная виза для некоторых неудачливых мигрантов также оказывалась по факту краткосрочной.

Долгосрочные визы – это виза, выдаваемая «для воссоединения семьи» (виза Q) в случае заключения брака с лицом, имеющим гражданство КНР, рабочая виза (виза Z), полагающаяся для предпринимательской деятельности,

¹¹² *Bodomo A. Africans in China: A Sociocultural Study and Its Implications for Africa-China Relations. P. 57.*

частная виза (виза S) (в основном получавшие эту визу являлись членами семей тех африканских мигрантов, у которых имелась рабочая виза). Те из обладателей визы Q («для воссоединения семьи»), кто находился в КНР без перерыва на протяжении 5 лет после вступления в брак, получали возможность обрести статус постоянно проживающего лица при условии пребывания в Китае на протяжении не менее 9 месяцев за год. Некоторые из мигрантов, имевших рабочую визу, создавали собственный бизнес, другие становились торговыми представителями у себя в стране или в других странах. Эта виза обычно выдавалась на срок от полугода до года, причем члены семьи держателя такой визы имели возможность получить частную визу на такой же период.

Имелась еще категория мигрантов из Африки, которые не подходили ни под одну из указанных виз, – это просители убежища (преимущественно из Сомали), но численность таковых в рассматриваемый период была ограниченной. Наконец, в Гуанчжоу и других городах дельты Жемчужной реки постоянно пребывало неопределенное (но при этом значительное) число лиц с истекшим сроком действия их визы.

Из-за того, что африканские мигранты в Китае много курсируют между торговыми площадками в разных странах, подсчитать их общую численность в период с конца 1990-х гг. до начала 2020-х гг. крайне трудно. По официальным данным Бюро общественной безопасности Гуанчжоу, в середине 2010-х гг. этот показатель по итогам нескольких проверок колебался между 15 и 20 тыс. человек. Но этот показатель относился исключительно к лицам, пребывавшим в КНР на легальной основе. При этом и среди самого африканского сообщества в Гуанчжоу, и в общественном мнении КНР стойко держалось мнение, что такой показатель составлял лишь 10% от реальной численности африканцев в этом городе. Остальные 90% являлись неучтенными «нелегалами». Но даже если данный показатель был сильно преувеличенным, все равно обладатели

«нелегалы» в течение двух первых десятилетий XXI в. составляли подавляющее большинство африканского сообщества Гуанчжоу¹¹³.

Поначалу на официальном уровне складывание африканских торговых площадок в Гуанчжоу рассматривалось как однозначно положительный фактор, способствующий развитию городской экономики¹¹⁴. Но с нарастанием в медийном поле сведений о преступлениях, которые совершались прибывшими из Африки предпринимателями, эти мигранты становились объектом подозрений со стороны правоохранительных органов, а против нарушителей «принципа “трех не”» разворачивалась целая кампания по их выявлению и депортации. К концу 2006 г. городские власти Гуанчжоу организовали специальную группу из представителей нескольких подразделений муниципалитета – Бюро общественной безопасности, Бюро промышленности и торговли, Налогового управления, Департамента труда, Департамента здравоохранения, Департамента городского управления – для выявления таких нарушителей¹¹⁵. В 2007 г., то есть за год до Олимпиады 2008 г. в Пекине, городская полиция стала раз в два месяца организовывать специальные проверочные рейды в районах, где были сконцентрированы африканцы¹¹⁶. В августе 2008 г. городское руководство Гуанчжоу отнесло всех иностранцев к «плавающему населению», как в Китае называют внутренних мигрантов – граждан КНР. Тогда же против внутреннего «плавающего населения» – как социально неустойчивого – по всему Китаю развернулась мощная пропагандистская кампания. Нарушителей «принципа “трех не”» стали обвинять в криминальном поведении и давлении на рынок труда в КНР. В Гуанчжоу проблема нарушителей «принципа “трех не”» поначалу хотя и акцентировалась в контексте борьбы с преступностью африканского сообщества, но тем не менее рассматривалась именно в контексте широкого круга проблем, связанных с

¹¹³ 牛冬 [Ню Дун]. *Op. cit.*

¹¹⁴ См.: *Li Zhigang, Lyons M., Brown A. Op. cit.*

¹¹⁵ *Shanshan Lan. State Regulation of Undocumented African Migrants in China: A Multi-Scalar Analysis. P. 294.*

¹¹⁶ См.: *Li Zhigang, Lyons M., Brown A. Op. cit.*

контролем за иностранцами на территории КНР. Но после упомянутого выше июльского события 2009 г. власти Гуанчжоу получили четкое распоряжение официального Пекина более строго контролировать соблюдение африканцами миграционных правил¹¹⁷.

С 1 мая 2011 г. стали функционировать «Временные правила провинции Гуандун об управлении иностранцами и оказании им услуг». Данный документ стал первым локальным законодательным актом, регулирующим пребывание иностранцев в КНР. По сравнению с Законом о порядке въезда в страну и выезда из страны иностранцев 1985 г. «Временные правила» Гуандуна содержали в себе новые меры, нацеленные на борьбу с нарушителями «принципа “трех не”». Лицам, сообщившим властям о таких нарушителях, обещалось вознаграждение. Такая мера естественным образом привела к усилению подозрительности и недоверия со стороны местных жителей к африканским мигрантам, а также способствовала внедрению в общественное мнение стереотипа о том, что любой мигрант из Африки – это потенциальный нарушитель миграционного законодательства. «Временные правила» также предписывали работодателям, арендодателям и в принципе все местным жителям не нанимать иностранцев и не предоставлять им услуг при отсутствии у них действующих документов. За игнорирование этих требований налагались штрафы. Расширились полномочия полиции. Если по закону 1985 г. проверять паспорта у иностранцев могло только специальное подразделение полиции, предназначенное для работы с иностранцами, то теперь такое право получила вся полиция. Такое решение не могло не привести к произволу отдельных сотрудников полиции, прежде всего в отношении мигрантов из Африки. Шаньшань Лань приводит слова молодого угандийца: «Виза здесь не является стопроцентной гарантией. Если полиция останавливает вас для проверки паспорта, и вы ей почему-то не понравитесь, они

¹¹⁷ *Shanshan Lan*. State Regulation of Undocumented African Migrants in China: A Multi-Scalar Analysis. P. 294–295.

могут провести черту на вашей визе и аннулировать ее, сказав при этом: “Китай дает, Китай берет”. И вы не сможете ничего возразить»¹¹⁸.

Шаньшань Лань называет «Временные правила» Гуандуна пробным шаром «китайской антииммиграционной кампании». Как только 15 мая 2012 г. китайские власти объявили о начале 100-дневной кампании по преследованию иностранцев, нарушающих «принцип “трех не”», один высокопоставленный чиновник из Департамента общественной безопасности Гуандуна участвовал в телепередаче на общенациональном канале, в которой «Временные правила» этой провинции представлялись как эффективный способ сокращения числа нарушителей «принципа “трех не”»¹¹⁹.

Новый Закон о выезде и въезде 2012 г. повторял три положения, которые были во «Временных правилах» Гуандуна. Во-первых, в законе 2012 г. зафиксировано требование к работодателям и учебным заведениям передавать сведения о приеме иностранцев на работу или учебу в полицейские органы на местах. Также всем гражданам КНР вменялось в обязанность сообщать в органы правопорядка о нарушителях «принципа “трех не”» (статья 45). Во-вторых, в законе говорилось о вознаграждении за информирование о таких нарушителях и о штрафах за предоставление им жилища и устройство на работу. В-третьих, как и во «Временных правилах», указывалось на особую ответственность гостиниц: те из них, которые не довели до сведения полиции данных о проживающих в них иностранцах, теперь сначала должны были получать предупреждение, а за вторичное нарушение – штрафоваться на 1000–5000 юаней (статья 76)¹²⁰.

Однако реализация как «Временных правил», так и закона 2012 г. в Гуанчжоу на практике сталкивалась с проблемами. Наиболее очевидная проблема заключалась в том, что городские власти в действительности оказывались вынужденными искать компромисс между ужесточением контроля за мигрантами и заботой об экономическом росте, который во многом зависел в

¹¹⁸ Ibid. P. 295.

¹¹⁹ Ibid. P. 296.

¹²⁰ Ibid. P. 296–297.

том числе и от активной торговой деятельности африканского сообщества. Сказывались и коррупционные связи администрации разных уровней и лидеров африканской диаспоры. Так, один из местных чиновников признался Шаньшань Лань: «Полиция производит аресты только перед какими-то важными событиями. А в большинстве случаев полицейские просто закрывают глаза на огромное число на улицах африканцев – нарушителей “принципа ‘трех не’”. Арестованных нарушителей держат под стражей несколько дней, а потом отпускают. Репатриация стоит денег, поэтому единственно возможное решение в данном случае – снова выпустить их на свободу»¹²¹.

Этот же чиновник указал на еще одну сложность в исполнении «Временных правил» и закона 2012 г., вызванную приравнением в 2008 г. иностранцев к своим внутренним мигрантам – «плавающему населению»: «Навести порядок в районе Сяобэй, – сказал он, – действительно сложно, поскольку там живут не только африканцы, но и китайские мигранты, в том числе представители национальных меньшинств. И хотя этот район известен как территория для разного рода незаконной деятельности, отношения с национальными меньшинствами – вопрос деликатный»¹²².

Мотивация китайцев информировать полицию о нарушителях также не проявлялась: сказывалась материальная заинтересованность горожан в мигрантах. Большинство местных жителей Сяобэя переехали в более престижные районы Гуанчжоу, а свои дома сдали африканцам и внутренним китайским мигрантам. Китайцы, задействованные в отельном бизнесе в районах Сяобэй и Саньюаньли, были заинтересованы в приезжих африканцах, как и местные держатели мелкого бизнеса, которые наладили тесное сотрудничество с переселенцами. Так, один продавец мобильных телефонов, прибывший в Гуанчжоу из Чаочжоу, другого города провинции Гуандун, в разговоре с Шаньшань Лань выразил сомнение в успехе кампании против нарушителей «принципа “трех не”» из числа африканцев: «В нашем бизнесе мы зависим от

¹²¹ Ibid. P. 297.

¹²² Ibidem.

африканцев. Если наше правительство не позволит им приезжать сюда, нам придется закрыть наши магазины и начать торговать чем-то другим»¹²³.

К тому же китайская полиция с разной степенью жесткости относилась к нарушителям даже в границах Гуандуна. Органы правопорядка проявляли наибольшую последовательность в провинциальной столице Гуанчжоу. В других же городах Гуандуна – таких, как Дунгуань, Фошань, Чжуншань, Шэньчжэнь, – полиция регулярно устраивала рейды в места компактного расселения африканцев только для проверки мигрантов на предмет их отношения к торговле наркотиками, а к нарушениям «принципа “трех не”» относится более снисходительно. Поэтому многие из африканцев, у кого не в порядке документы, предпочитали появляться в Гуанчжоу лишь в случае крайней необходимости.

Жесткие визовые ограничения косвенным образом стимулировали и более серьезные правонарушения африканцев, в частности, как раз встраивание в цепочки наркодилеров. По словам норвежской исследовательницы Х. Хауген, некоторые нигерийцы-игбо видели в наркоторговле «легкодоступный бизнес для тех, кто не может добиться успеха в других видах деятельности» из-за своего нелегального положения¹²⁴.

Естественно, затруднения с легализацией тут же создали рынок услуг по получению виз. Стали предлагаться самые разные варианты – от поддельных документов до настоящих виз, за которыми надо было съездить в соседние страны или во внутренние провинции КНР. Подобные услуги явились определенной возможностью для африканцев, которые стремились сохранить свое легальное положение в КНР, но по каким-то причинам были не в состоянии сделать это законным путем, но одновременно потребовали от них существенных финансовых затрат.

Наконец, главной причиной, мешавшей эффективному функционированию «Временных правил» Гуандуна и закона 2012 г., стала

¹²³ Ibidem.

¹²⁴ Haugen H.Ø. Nigerians in China: A Second State of Immobility. P. 70.

официальная позиция китайского руководства, сводившаяся к пропаганде китайско-африканской дружбы ради сохранения и развития режима благоприятствования для реализации интересов КНР в Африке. С этой точки зрения характерен материал, помещенный в 2015 г. на сайте официального информационного агентства китайского правительства «Синьхуа». Материал открывался высказываниями африканских мигрантов о КНР, например: «Китай – моя вторая родина». Или: «Китай помог мне осуществить мою мечту». В публикации приводились истории жизни конкретных африканцев, в судьбах которых ключевую роль сыграла КНР. Симптоматично, что в этих историях в основном рассказывается о том, как африканцы, получив образование в Китае или изучив китайский язык, обрели совершенно новый статус в своей стране и стали работать на очень выгодных условиях.

Например, 27-летний кениец Брайан Мубузер изучил китайский язык в Институте Конфуция в Университете Найроби, окончил там бакалавриат, а магистерское образование получил в КНР на правительственную стипендию. На момент выхода материала он управлял компанией, занимавшейся торговлей китайской женской одеждой. Благодаря хорошему знанию китайского языка Брайан Мубузер научился пользоваться распространенными в КНР мессенджерами WeChat и QQ, в том числе для своей работы. «У меня более 500 друзей на QQ, многие из которых являются китайскими бизнесменами. Мы используем эту платформу для обмена информацией и понимания бизнес-тенденций», – делился в интервью Брайан Мубузер. Кениец с оптимизмом смотрел в будущее: «Китайский рынок созрел, но кенийский рынок все еще молод и обладает неограниченными возможностями. Я надеюсь, что с моей помощью в Кению придет больше китайских технологий и практического опыта».

Еще один пример жизненного успеха – судьба гражданина Камеруна Вэй Кэ. В начале 1980-х гг. он поступил в Университет Яунде, но вскоре увидел объявление о китайских правительственных стипендиях для получения медицинского образования. Ему посчастливилось получить такую стипендию, и

он стал учиться в КНР. Вэй Кэ окончил бакалавриат и магистратуру, женился на жительнице Пекина и прожил в КНР 15 лет. На момент интервью он вместе со своей семьей, в которой уже трое детей, жил в Яунде, имел практику по акушерству и гинекологии в больнице Медицинского университета столицы Камеруна и преподавал в Медицинской школе в другом городе страны – Дуале.

К середине 2010-х гг. Китай создал в странах Африки более 100 тыс. новых рабочих мест, рассчитанных на местных жителей без знания китайского языка. В материале «Синьхуа» приводился пример успешной биографии одного из таких трудоустроенных – жителя Эфиопии Мосы, заместителя директора автомобильного завода китайской компании Lifan, который был построен в этой стране. Моса начинал на заводе простым механиком и вырос до руководящей должности¹²⁵.

Характерным примером официальной риторики КНР в отношении африканских мигрантов можно назвать и материал из китайского журнала «Африка», который в 2010 г. опубликовал специальный репортаж «Сто тысяч африканцев едут в Гуанчжоу со своими мечтами». На тот момент журнал не имел широкой аудитории и не размещался в Интернете. Выдержки из этой обширной публикации появились в Сети в 2019 г. (При этом важно понимать, что если официальная позиция китайского руководства за эти 9 лет не изменилась, то предпринимательская активность переселенцев из Африки претерпела определенные трансформации, о чем будет сказано далее.) Общий настрой данного материала выглядел оптимистичным и обосновывался взаимной выгодой от развития африканского бизнеса в Китае как для мигрантов-предпринимателей, так и для местного населения.

По словам автора репортажа, все опрошенные им африканцы на вопрос, почему они приехали именно в Гуанчжоу, отвечали: «Гуанчжоу – это бизнес-

¹²⁵ 张欣 [Чжан Синь]. 牵手中国共走发展路—听非洲人讲述他们的中国缘 [Идти рука об руку с Китаем по пути развития. Слушая африканцев об их отношениях с Китаем] // 新华社 [Синьхуа]. 2015. December 3 // [Электронный ресурс]: http://www.xinhuanet.com/world/2015-12/03/c_1117343656.htm (дата обращения: 11.01.2024).

центр, вот что я хочу». Этот эмоциональный ответ подкреплялся рациональным авторским комментарием, что в дельте Жемчужной реки хорошо развита мелкооптовая торговля, а африканским предпринимателям как раз нужны для реализации в своих странах качественные и в то же время недорогие товары. Для большей убедительности такой комментарий дополнительно обосновывался экспертной оценкой специалиста – младшего научного сотрудника Института городского управления Академии общественных наук Гуанчжоу Нин Чаоцяо. По его словам, выбор африканскими предпринимателями для ведения своего бизнеса в Китае именно дельты Жемчужной реки обусловлен тем, что здесь можно приобрести по выгодным ценам как раз ту продукцию, в которой нуждаются страны Африки. К тому же Гуанчжоу – это деловой центр, в нем живут толерантные люди, да и в целом в городе удобно жить. Эксперт назвал миграцию «нормальным явлением», которое «также приносит пользу экономическому процветанию Гуанчжоу и способствует экономическому обмену»¹²⁶.

Таким образом, форматы присутствия африканских переселенцев в КНР напрямую зависели от визового законодательства этой страны. Выезд из страны граждан КНР и въезд в нее иностранцев стал возможным только после 1978 г. Визовые правила постепенно смягчались, что делало поездку в Китай для иностранцев более доступной. Именно благодаря таким послаблениям африканские предприниматели получили доступ к китайским торговым площадкам. Однако впоследствии, особенно начиная с подготовки к Олимпиаде 2008 г. в Пекине, визовые правила вновь начали ужесточаться. Китайские власти принялись более внимательно контролировать миграцию и начали отдавать приоритет уникальным специалистам, требующимся для развития страны, в то

¹²⁶ 老木 [Lao Mu]. 正如你所看到的,越来越多的非洲人来到中国(怎么看越来越多非洲人来中国(之一)) [Как вы думаете, почему все больше и больше африканцев приезжают в Китай (часть 1)?] // 环球网 [Хуанью ван]. 2019. January 23 // [Электронный ресурс]: <https://m.huanqiu.com/article/9CaKrnKhl94> (дата обращения: 18.01.2024).

время как большинство переселенцев из Африки, занимавшихся бизнесом в КНР, не относились к этой группе.

Эти изменения визового законодательства привели к тому, что сообщества африканских мигрантов, уже образовавшиеся в КНР на рубеже XX–XXI вв., оказались вынужденными в значительных своих сегментах становиться теневыми, поскольку многие их представители не смогли продлить свои визы. Они остались в КНР и даже продолжили заниматься бизнесом, но делали это нелегально, до первой проверки полицейскими. При этом степень строгости визовых ограничений отличалась в разных городах КНР. В Гуанчжоу, где численность сообщества африканских мигрантов была самой значительной, они стали наиболее жесткие, но уже в соседнем с Гуанчжоу Фошане и расположенном неподалеку Иу и контроль, и меры к нарушителям оказались значительно мягче.

Вместе с тем несоответствие оптимистичной официальной риторики действиям правоохранителей не выглядело диссонансом. Если о дружбе с Африкой говорилось открыто, то распоряжения об ужесточении контроля за мигрантами было вполне достаточно транслировать через закрытые партийные и государственные каналы. Но на практике местным властям Гуанчжоу все равно приходилось балансировать на тонкой грани между одним и другим.

1.4. Пандемия COVID-19 и ограничения для африканцев¹²⁷

В 2014 г. на фоне распространения вируса Эбола на территории Западной Африке, а также для того, чтобы купировать опасения в связи с возможностью его распространения в КНР, администрация Гуанчжоу распространила информацию о численности законных мигрантов из Африки в городе. Их, по утверждению городских властей, было порядка 16 тыс. В апреле 2020 г. в связи с реакцией руководства африканских стран на ограничения, вводимые для их сограждан в КНР, официальные лица назвали актуальную численность

¹²⁷ При подготовке данного параграфа использована следующая работа автора: *Андреев Н.Д.* Африканская диаспора в Гуанчжоу: проблемы постковидной реальности.

переселенцев из Африки в городе – их на тот момент было примерно 4,5 тыс. человек. То есть численность африканской диаспоры в Гуанчжоу за 6 лет обвальным образом сократилась. Правда, приведенная статистика относится к легальным резидентам, в нее не входят те, у кого просрочена виза, но кто продолжает жить и работать в Гуанчжоу на полулегальном положении. Между тем известно, что осуществляемые мигрантами торговые коммуникации между Гуанчжоу и африканскими городами Аддис-Абеба, Лагос, Момбаса и др. организуются изнутри Китая именно лицами с просроченными визами¹²⁸.

Как отмечалось выше, с 2008 г. иностранцев в Гуанчжоу стали причислять к «плавающему населению» и распространили на них правила, регламентировавшие жизнь внутренних переселенцев. Такие внутренние мигранты, как правило, принадлежали к этническим меньшинствам КНР и также попадали под контроль правоохранителей в силу своего образа жизни. Из-за подобного смешения юридических статусов собственных граждан и внешних мигрантов с распространением пандемии COVID-19 в деле осуществления контроля за иностранцами возникли объективные трудности, которые, в свою очередь, и спровоцировали спонтанные ограничения в отношении африканцев.

Т.Л. Дейч приводит факты спровоцированных пандемией притеснений африканских переселенцев в КНР со стороны местных властей¹²⁹. Эти факты были остро восприняты в африканских странах и уже в самом начале пандемии послужили причиной беспокойства по поводу их соотечественников в Китае.

Так, МИД Сенегала уже в конце января 2020 г. выразило свою озабоченность по поводу условий жизни студентов из этой страны, обучавшихся в КНР. В сделанном по этому поводу заявлении МИД Сенегала говорилось, что «карантин в городе Ухань создал очереди в супермаркетах, что привело к нехватке и удорожанию некоторых предметов первой необходимости. Такая ситуация создает стрессовое состояние у наших соотечественников, почти все

¹²⁸ *Castillo R., Amoah P.A.* Africans in Post-COVID-19 Pandemic China: Is There a Future for China's "New Minority"? // *Asian Ethnicity*. 2020. Vol. 21. No. 4. P. 561.

¹²⁹ *Дейч Т.Л.* Африканские мигранты в Китае в условиях коронавируса; *Дейч Т.Л.* Африканская диаспора в Китае.

они являются студентами». Внешнеполитическое ведомство этой страны даже рассматривало способы предоставления в кратчайшие сроки материальной помощи студентам-сенегальцам и было готово в случае необходимости заняться репатриацией соотечественников¹³⁰.

Постепенно высказывания представителей африканских стран стали содержать в себе все больше недовольства в адрес китайских властей, которые явно злоупотребляли ограничительными мерами в отношении иностранцев. Весной 2020 г. переселенцы из Сенегала утверждали, что в ряде китайских городов выходцы из Африки подвергаются необоснованным притеснениям, которые можно рассматривать как проявления «острого и необъяснимого расизма». Приводились сведения, что некоторые сенегальцы в КНР даже опасаются покинуть свои дома, так как перед их дверями постоянно дежурят полицейские и всякого, кто пытается выти, тут же арестовывают и отправляют на карантин. Более того, пребывание на карантине в отеле оплачивается самими изолированными лицами. Один предприниматель из Сенегала свидетельствовал по этому поводу: «У нас больше нет никакой надежды. Более тридцати сенегальских семей, проживающих в городе Гуанчжоу, отправлены в изоляцию на карантин на 14 дней. Мы оплатили все расходы за проживание в гостинице. А когда выяснилось, что у нас нет коронавируса, китайские власти приняли решение продолжать держать нас в отелях. А тех, у кого больше нет средств платить, сажают в тюрьму». Естественно, притесняемые подобным образом усматривали в таких действиях правоохранителей проявления расизма¹³¹.

Весной 2020 г. сменилась тональность и заявлений в адрес КНР со стороны официальных представителей африканских стран. Африканские дипломаты в Китае стали протестовать против «стигматизации» своих соотечественников.

¹³⁰ Santé. Coronavirus: le plan d'actions initié par le Gouvernement pour les Sénégalais en Chine. 2020. Janvier 29 // [Электронный ресурс]: <https://diasporaenligne.net/sante-coronavirus-le-plan-dactions-initie-par-le-gouvernement-pour-les-senegalais-en-chine/> (дата обращения: 12.01.2024).

¹³¹ COVID-19. Racisme: le calvaire des migrants Sénégalais en Chine. 2020. Avril 16 // [Электронный ресурс]: <https://jeminformetv.com/2020/04/16/covid-19-racisme-le-calvaire-des-migrants-senegalais-en-chine/> (дата обращения: 12.01.2024).

Усилились антикитайские настроения в самой Африке. В частности, один из депутатов кенийского парламента выступил за возвращение на родину китайцев, находившихся в Кении, также в этой стране получил распространение хештег #DeportRacistChinese. На этом фоне в общественном мнении КНР усилилось недовольство присутствием в стране иностранцев, в частности, из Африки. Вместе с тем китайские официальные лица в своих заявлениях неизменно продолжали подчеркивать заинтересованность КНР в сотрудничестве с африканскими странами, китайская социальная сеть Weibo заблокировала 180 аккаунтов своих пользователей за высказывания, которые можно было расценить как расистские¹³².

Получилось так, что в 2020 г. в одной точке сошлись три события, которые вместе существенным образом повлияли на жизнь африканских кварталов Гуанчжоу.

Первым из таких событий следует назвать непосредственно саму пандемию. Из-за введенных карантинных ограничений застопорилась торговля за пределы Китая. Серьезно пострадали и рынки, ориентированные на потребителя внутри КНР. Пестуемое годами в сознании африканцев мнение о Гуанчжоу как исключительно благоприятном для предпринимательской инициативы месте заметно ослабло. Сложности с выездом из страны и обратным въездом в нее стали истолковываться как расистские запретительные меры, и дело дошло даже до дипломатических объяснений. Всё это, естественно, не способствовало налаживанию взаимопонимания между китайским обществом и иммигрантами.

Однако гораздо более значимыми явились два других события, которые из-за коронавирусной паники выпали из фокуса внимания.

Одно из них – фундаментальная перемена, произошедшая на глобальной «китайской фабрике». Эта «фабрика» постепенно переставала быть

¹³² Li H. Mistreatment of Africans in Guangzhou Threatens China's Coronavirus Diplomacy. 2020. April 17 // [Электронный ресурс]: <https://theconversation.com/mistreatment-of-africans-in-guangzhou-threatens-chinas-coronavirus-diplomacy-136348> (дата обращения: 23.01.2024).

производителем дешевых копий всемирно известных брендов и превращалась в высокотехнологичную индустрию собственных узнаваемых марок и моделей. Такая трансформация, в свою очередь, приводила к удорожанию китайской продукции, которую становилось невыгодно экспортировать в развивающиеся африканские страны. Осложнила ситуацию и санкционная война против КНР, начавшаяся ввремя президентства Дональда Трампа и продолженная при Джо Байдене. В результате африканский бизнес в Гуанчжоу, основанный не на производстве, а на посреднической торговле, стал терпеть значительные убытки и впадать в стагнацию.

Наконец, третьим событием, по времени совпавшим с пандемией и глубинными трансформациями «китайской фабрики», стало то, что рано или поздно должно было произойти в Гуанчжоу, а именно – насыщение потребности гигантской рыночной площадки, расположенной в этой части провинции Гуандун, в организаторах посреднической торговли. Такую нишу с начала XXI в. активно осваивали выходцы из Африки, и к концу 2010-х гг. все места оказались занятыми. Новым иммигрантам, прибывавшим в Китай, становилось уже значительно сложнее находить себе достойную работу.

Глава 2. Африканская торговая площадка в Гуанчжоу: экономическое и социокультурное пространства

2.1. Складывание анклава и этнический состав африканского сообщества Гуанчжоу

Азиатский финансовый кризис 1997–1998 гг. спровоцировал экономический спад в странах Юго-Восточной Азии. В КНР тем временем события развивались противоположным образом: экономические реформы привели к бурному развитию производства и торговли и создали условия для превращения регионов страны, расположенных поблизости от морских побережий (например, дельты Жемчужной реки) в крупные мировые рынки. Китайская продукция становилась всё более предпочтительной в африканских странах в силу своей ценовой доступности. Все эти факторы превратили Гуанчжоу в наиболее удобное место для оседания африканских предпринимателей, намеревавшихся поставлять в свои страны изделиями китайских производителей. Поначалу они занимались преимущественно челночной торговлей и курсировали между Гуанчжоу и своими странами в Африке либо как индивидуальные продавцы и покупатели, либо в качестве представителей компаний¹³³.

На протяжении всей истории Гуанчжоу выгодное географическое расположение обуславливало специфику его развития. Город являлся отправным пунктом исторического Морского Шелкового пути. После создания КНР и до начала в 1978 г. «политики реформ и открытости» он оставался фактически единственным окном страны во внешний мир. Гуанчжоу соседствует с Гонконгом и Макао, а также расположен в самом центре дельты Жемчужной реки – крупнейшей индустриальной площадки современной КНР. С 1957 г. здесь дважды в год, весной и осенью, проводится Китайская ярмарка импортных и экспортных товаров, привлекающая внимание зарубежных деловых кругов,

¹³³ 牛冬,张振江 [Ню Дун, Чжан Чжэньцзян]. Op. cit.

особенно после вступления Китая в ВТО в 2001 г. На рубеже XX–XXI вв. через Гуанчжоу в основном шла на экспорт продукция легкой промышленности. Для эффективного функционирования этой торговой площадки на ней требовалось присутствие на постоянной основе значительного числа зарубежных предпринимателей. Г. Мэтьюз, профессор-антрополог из Китайского университета в Гонконге, датирует появление африканцев в Гуанчжоу именно этим временем¹³⁴. Их численность возрастала стремительными темпами – примерно на 30–40% ежегодно. К концу 2000-х – началу 2010-х гг. из 50 тыс. иностранцев, постоянно проживавших в Гуанчжоу, африканцев было более 20 тыс. Причем в это число входили только те из них, кто находился в КНР на легальных основаниях. Если же считать всех африканцев, в том числе и нарушителей визового режима, то их в указанное время было порядка 200 тыс., правда, такая статистика является неофициальной¹³⁵.

Африканские мигранты в Гуанчжоу сосредотачивались в разных местах города. В исторической части – Саньюаньли – в начале 2000-х гг. поселились несколько сотен африканцев, которые стали заниматься преимущественно продажей швейных и обувных изделий. Выходцы из Африки также расселились в районе Хуаньшидун. Именно здесь вскоре после провозглашения «политики реформ и открытости» начали прежде всего обосновываться мигранты, в том числе африканские. Из нескольких локаций расселения мигрантов в Гуанчжоу лишь Хуаньшидун превратился в африканский анклав в полном смысле этого слова. Позже он стал частью более крупного ареала проживания переселенцев из Африки – Сяобэя, – получившего свое название по расположенной здесь станции метро¹³⁶.

¹³⁴ Iris Zhao. 疫情防控框架下广州“小非洲”华人移民现状–览 [Взгляд на текущую ситуацию с китайскими иммигрантами из «Маленькой Африки» Гуанчжоу в рамках профилактики и борьбы с эпидемиями]. 2020. April 20 // [Электронный ресурс]: <https://www.abc.net.au/chinese/2020-04-24/guangzhou-african-racial-discrimination-in-covid-19-outbreak/12178320> (дата обращения: 04.05.2023).

¹³⁵ 李明欢 [Ли Минхуань]. Op. cit.

¹³⁶ Li Zhigang, Desheng Xue, Lyons M., Brown A. Op. cit.

А. Бодомо считает, что в КНР на начало пандемии COVID-19 проживало около полумиллиона африканцев, из них порядка 100 тыс. находились в Гуанчжоу, остальные же располагались в Гонконге, Макао и таких городах континентального Китая, как Иу, Пекин и Шанхай. Исследователь делит проживающих в КНР африканцев на четыре группы: дипломаты и иные официальные лица, студенты, специалисты из Африки и африканских диаспор других континентов, предприниматели. Четвертая группа оказалась наиболее многочисленной. Она сформировалась из африканцев, учившихся в КНР, а затем оставшихся там и начавших заниматься бизнесом. Этот процесс протекал на протяжении первой половины – середины 1990-х гг. Затем азиатский финансовый кризис 1997–1998 гг. вызвал новую волну африканских переселенцев в Китай. Тогда многие африканские предприниматели из соседних с Китаем стран Юго-Восточной Азии – Индонезии, Малайзии, Таиланда, наиболее пострадавших от кризиса, – решили перебраться в КНР, чтобы сохранить свой торговый бизнес, основанный на поставках товаров из Азии в Африку.

Среди африканцев Гуанчжоу преобладают выходцы из стран Западной Африки, хотя в 2010-х гг. активизировалось переселение в этот город практически из всех государств континента, особенно из Восточной Африки – Кения, Танзании и Уганды.

В Иу расселились главным образом мигранты из Магриба, преимущественно из Алжира, Египта, Мавритания, Марокко, Судана и Туниса. Этот город китайские власти превратили в крупнейший в мире центр оптово-розничной торговли, которую в значительной мере контролируют магрибские африканцы, особенно учившиеся прежде в Китае и свободно говорящие на китайском языке. В 2010-х гг. в Иу стали переселяться и африканцы из стран южнее Сахары.

В Гонконге преобладают африканцы из ЮАР, особенно европейского происхождения.

Поскольку Макао – это бывшая португальская колония, расположенная в дельте Жемчужной реки, местные африканцы являются преимущественно выходцами из лузофонных стран Африки – Анголы, Гвинеи-Бисау, Кабо-Верде, Мозамбика. Африканское сообщество Макао тесно сотрудничает с находящимися там представителями других лузофонных стран – Восточного Тимора, Бразилии и самой Португалии¹³⁷.

Поскольку Гуанчжоу стал местом наибольшей концентрации африканских мигрантов в КНР, его стали называть в обиходе «Шоколадным городом».

Формирование африканской общины в Гуанчжоу стало результатом влияния со стороны Гонконга – своего рода торгового посредника в экономических связях Китая и Африки, находящегося неподалеку (примерно в 150 км). В Гонконге центром такой трансконтинентальной торговли является построенный в начале 1960-х гг. комплекс зданий Чунцин. Именно в тесно расположенных на этажах этого комплекса офисах в 1990-х гг. огромные партии товаров были проданы в Африку предпринимателями из стран этого континента, осевшими в Гонконге. До вхождения этой британской колонии в состав КНР в 1997 г. и даже в первое время после данного события они не рисковали работать непосредственно в Китае и предпочитали получать китайские товары в Гонконге и далее распространяли их по всему миру. Однако со временем они все же перебрались на материк и обосновались в дельте Жемчужной реки, чтобы выстраивать отношения непосредственно с расположенными там производителями и, соответственно, приобретать их продукцию по более низкой цене.

Поначалу их деловая активность складывалась не вполне благополучно: мешал языковой барьер, да и жизнь в КНР была гораздо менее комфортабельной, нежели в Гонконге. Такие сложности вынудили некоторых предпринимателей вернуться в Гонконг и нанять для работы своих соотечественников-студентов, которые учились в Китае. Однако другая часть африканских предпринимателей

¹³⁷ *Bodomo A. Historical and Contemporary Perspectives on Inequalities and Well-Being of Africans in China. P. 528–530.*

всё же предпочла работать непосредственно в Гуанчжоу. Вернувшиеся обратно в Гонконг убеждены: «В Китае можно заработать много денег, но там нет хорошего законодательства»¹³⁸. Разделению африканских предпринимателей на вернувшихся в Гонконг и оставшихся в Гуанчжоу способствовал и языковой фактор: Гонконг – в основном англоязычный город, поэтому франкофоны из Африки предпочли осесть в Гуанчжоу и нанять в качестве переводчиков студентов, обучавшихся в КНР. Такие студенты и после завершения учебы оставались в Китае, так как получали за свою работу намного больше того, на что могли рассчитывать в Африке.

Быстрому развитию посреднического бизнеса африканских предпринимателей в Гуанчжоу способствовал и невысокий уровень потребительской культуры их соотечественников. Жителей развивающихся африканских стран привлекали прежде всего низкие цены приобретаемых ими товаров и их внешний вид. Африканцев значительно меньше интересовало, являлся ли покупаемый ими товар оригинальным брендом или подделкой, а также насколько он качественный. Китайский контрафакт идеально соответствовал подобным потребительским запросам.

В скором времени в Гуанчжоу сложилась и соответствующая инфраструктура, обслуживающая африканскую общину, в том числе рестораны, ориентирующиеся на вкусы различных этносов этого континента, парикмахерские, туристические агентства, занимающиеся организацией перевозок между Китаем и Африкой. Возникли даже футбольные команды из представителей разных африканских стран, которые играют по выходным.

Ли Минхуань со ссылкой на данные газеты «Гуанчжоу жибао» указывает на четыре этно-территориальные локации, имевшиеся в этом городе на начало 2010-х гг. и населенные иностранцами. Эти данные частично совпадают с приведенными выше оценками Ли Чжигана и его соавторов. Ли Минхуань подчеркивает, что эти локации сформировались не только по этническому, но и

¹³⁸ 李明欢 [Ли Минхуань]. Op. cit.

во многом по социальному принципу (в соответствии с достатком их обитателей). Первая локация – это район Хуаньшидун. Здесь в основном сосредоточены африканские предприниматели, помимо них в этом районе обосновались также индийцы. Вторая локация – район Тяньхэ, населенный главным образом американцами, европейцами и японцами, которые занимаются торговлей. Третья локация – район Панью, в нем осели малайзийцы, тайцы и японцы. Четвертая локация – это Саньюаньли, здесь разместились преимущественно африканцы, продающие одежду и обувь, а также южные корейцы, поставляющие в свою страну товары из КНР¹³⁹.

Характерным примером карьеры африканского предпринимателя в Гуанчжоу является история жизни сенегальца Мустафы Диенга, рассказанная им самим в середине 2010-х гг. Он стал одним из первых представителей своей страны, поселившимся в Гуанчжоу в самом начале 2000-х гг. Тогда он, как сам об этом сказал, «как раз успел к хорошим временам», так как визовая политика пока была лояльной, а на многочисленных оптовых рынках можно было приобрести огромное количество разнообразных товаров по низким ценам. К тому же на рубеже XX–XXI вв. местные жители пока еще испытывали расположенное любопытство к мигрантам из Африки.

В КНР Диенг приехал из Таиланда, где четыре года проработал официантом в одном из кафе Бангкока. В то время в Бангкоке проживала значительная африканская диаспора. У кого-то был свой бизнес, а кто-то просто работал по найму и рассматривал свое пребывание в Таиланде как трамплин для последующего переезда в Гонконг, Америку или Европу. Хотя у большинства африканцев для этого не было возможностей из-за визовых сложностей. Со временем Диенг стал подрабатывать на оптовом рынке. Его друг малиец побывал в Гуанчжоу и рассказал о тех перспективах для бизнеса, которые там тогда были. И в 2003 г. Диенг перебрался в Китай. В Гуанчжоу, продавая контрафактную одежду, он приобрел оборотные средства, стал скупать дешевые товары для их

¹³⁹ Ibidem.

продажи в Сенегале. В основном он торговал футболками и джинсами. До 2003 г. импорт джинсовой продукции шел в Сенегал обычно из США или Марокко, а затем поставщиками этой одежды стали китайские производители. Диенг имел непосредственно отношение к смене джинсовых экспортеров в Сенегал: отдельные клиенты стали заказывать у него огромные партии этого товара, и в середине 2000-х гг. некоторые китайские производители, изготавливавшие контрафакт, принимали заказы исключительно от Диенга.

В 2008 г. он снял для своей компании короткий рекламный ролик. В нем демонстрировались товары, которые были выставлены на витринах. Ассортимент был разнообразным – от сложной техники для спутникового телевидения до галантереи и бытовой химии. «Десять лет спустя я могу сказать вам, где находится производитель каждого изделия. Конечно, некоторые производители исчезли», – вспоминал Диенг. После Олимпийских игр 2008 г. в Пекине китайские власти стали бороться с контрафактом мировых брендов. Стала развиваться торговля на интернет-площадке Alibaba, и для бизнеса Диенга наступили сложные времена.

Однако его опыт жизни в Гуанчжоу помог ему удержаться на плаву. «Конечно, “золотой век” прошел, и в Гуанчжоу появляется все меньше молодых африканцев. В прошлом году визовые правила изменились, и люди теперь должны предоставлять подтверждение своей квалификации. Говорят, что людям с высшим образованием разрешено оставаться дольше, а те, у кого образовательный уровень ниже, имеют возможность оставаться в Китае только на короткое время или даже могут получить отказ в визе. Для молодежи планка проживания в городе стала выше», – отмечал Диенг.

Он поделился в интервью и наблюдениями за бизнесом своих соотечественников в Гуанчжоу: «Два года назад друг купил несколько автоматов для картофеля-фри в Гуанчжоу, и теперь вы можете увидеть пакетики с этим лакомством в некоторых торговых центрах в Дакаре. У другого друга есть своя фабрика в Дакаре по пошиву одежды. Последние несколько лет он приезжает в Гуанчжоу ежегодно на месяц-два. Когда уезжает, привозит большую сумку с

выкройками. <...> Три года назад он просто купил машину и сам начал разрабатывать и производить одежду в Сенегале. Теперь он все еще приезжает в Гуанчжоу, но его цель уже не в том, чтобы покупать дешевые вещи, а в том, чтобы “исследовать”, чтобы увидеть, какие новинки есть на рынке. Я слышал, что его бизнес идет очень хорошо».

Диенг констатировал нарастающие сложности ведения бизнеса в Гуанчжоу: «Несколько лет назад мы с женой обсуждали, стоит ли вернуться в Сенегал, чтобы открыть фабрику. Но всё не так просто <...> вам нужно взять кредит в банке, и вам нужно арендовать землю у правительства, чтобы построить завод. Если бы всё было так удобно, как в Китае, не было бы такой ситуации, как у нас. В Африке есть древесина, но даже зубочистки нужно завозить из Китая. Есть еще политика, проблема нашей страны такова, что всегда приходится иметь дело с бюрократией. Все молодые люди хотят быть государственными служащими со стабильной и прибыльной работой. <...> Мы всегда хотели обойтись без посредников и получать товары напрямую от производителей, но сейчас производители перестали быть дешевыми. Мой коллега сказал мне, что многие семейные фабрики в африканских кварталах Гуанчжоу также закрылись из-за правительственного регулирования. Некоторые фабрики ушли в другие города Китая, а некоторые – во Вьетнам. В моем нынешнем бизнесе деньги, полученные от внешней торговли, очень малы, а стабильным источником дохода является работа агентом по логистике. Хотя внешняя торговля здесь почти мертвая, но пока вы хотите перевезти вещи, вам всегда нужен кто-то, кто поможет вам заказать контейнеры и выбрать логистику. У меня также есть склад площадью 3 тыс. квадратных метров в Гуанчжоу, который является крупнейшим среди африканских логистических агентств. У нас появились и новые конкуренты, и сейчас в Сенегале много китайцев, специализирующихся на кафельном бизнесе. Раньше они были нашими поставщиками, но когда узнали, что кафельный бизнес такой прибыльный, стали заниматься им сами. Мы еще

ждали сенегальских гостей в Гуанчжоу, но бизнесмены из Гуанчжоу и Фошаня уже “вернулись” в Сенегал раньше нас»¹⁴⁰.

Симптоматично, что за несколько лет до этих пессимистических прогнозов относительно будущего африканского бизнеса в Гуанчжоу в статье, опубликованной в 2010 г., А. Бодомо высказывал мнение, что перспективы африканского сообщества этого города будут противоположными. Он указывал, что динамика создания и разрастания африканских общин в КНР позволяет предположить, что через век «афро-китайское этническое меньшинство может потребовать собственной идентификации и всего набора формальных гражданских прав», причем как в Гуанчжоу, так и в других крупных городах КНР¹⁴¹.

Выше отмечалось, что преимущественную часть африканских мигрантов в Гуанчжоу составляют выходцы с западной части этого континента. Ню Дун и Чжан Чжэньцзян со ссылкой на исследование А. Бодомо указывают на более обширную географию африканских стран, откуда в Гуанчжоу едут переселенцы. Среди них Ангола, Бенин, Бурунди, Гамбия, Гана, Гвинея, Демократическая Республика Конго, Египет, Замбия, Камерун, Кения, Либерия, Ливия, Мали, Нигер, Нигерия, Республика Конго, Руанда, Сенегал, Сомали, Сомалиленд, Судан, Танзания, Уганда, Чад, ЮАР¹⁴².

А. Бодомо указывает, что на конец первого десятилетия XXI в. большинство представителей африканского сообщества в Гуанчжоу прибыли из Нигерии и Мали и, в меньшей степени, из Ганы и Гвинеи¹⁴³. Другие авторы примерно тогда же называли несколько иной ареал миграции и считали, что в

¹⁴⁰ 从曼谷到广州，一个塞内加尔人的搬家史。“低端全球化”2 [От Бангкока до Гуанчжоу: история переезда сенегальца. «Глобализация низкого уровня» 2] // 搜狐 [Соху]. 2018. May 30 // [Электронный ресурс]: https://www.sohu.com/a/233483586_139533 (дата обращения: 09.06.2024).

¹⁴¹ *Bodomo A.* The African Trading Community in Guangzhou: An Emerging Bridge for Africa-China Relations. P. 694.

¹⁴² 牛冬,张振江 [Ню Дун, Чжан Чжэньцзян]. *Op. cit.*

¹⁴³ *Bodomo A.* The African Trading Community in Guangzhou: An Emerging Bridge for Africa-China Relations. P. 699.

Гуанчжоу в основном едут выходцы из Центральной и Западной Африки – из «семи стран золотого побережья»: Гамбии, Ганы, Гвинеи, Конго, Мали, Сенегала, Того¹⁴⁴.

По свидетельству К.Дж. Адамса, африканцы, которых он интервьюировал, утверждали, что граждане КНР как правило воспринимают переселенцев из Африки как однородную в этническом отношении группу. В то же время сами африканцы придерживаются иного взгляда на данную проблему. Общая расовая принадлежность не является для них определяющей при выстраивании ими взаимоотношений в КНР. Для каждого из африканских мигрантов гораздо важнее самоутвердиться в новой для него обстановке и обеспечить свои права, нежели сохранять лояльность к некой групповой идентичности, причем не только страновой, но и расовой. Для многих выходцев из Африки в Китае такой индивидуалистический подход к обеспечению собственных интересов и стал главной причиной, побудившей их покинуть свою страну и переехать в КНР¹⁴⁵. Китайцы же обычно определяют всех темнокожих людей как африканцев, независимо от страны их происхождения.

На момент наибольшего расцвета африканского предпринимательства в Гуанчжоу – примерно ко времени Олимпиады 2008 г. в Пекине – мигранты из стран этого континента занимались покупкой китайских текстильных изделий, электроники и косметики и их перепродажей в своих странах. В основном это были достаточно молодые люди (немного за 30 лет) со средним образованием, франко- или арабоязычные, приехавшие в Гуанчжоу относительно недавно. Тогда они подразделялись на две группы. Представители первой группы приезжали в Гуанчжоу за товаром, преимущественно во время работы ярмарки, а затем возвращались в свои страны и распределяли купленное по принадлежавшим им торговым точкам. Как правило, это была продукция невысокого качества, а значит – относительно дешевая и доступная для африканских рынков. Предприниматели второй группы держали магазины или

¹⁴⁴ *Li Zhigang, Desheng Xue, Lyons M., Brown A. Op. cit.*

¹⁴⁵ *Adams C.J. Op. cit. P. 65.*

имеют бизнес непосредственно в Гуанчжоу. Представители первой группы обычно не контактировали с китайцами, в то время как африканские мигранты из второй группы имели обширные связи с местными жителями, причем как с частными лицами, так и с организациями и даже с государственными структурами. Однако эти контакты они чаще использовали для уклонения от уплаты налогов или для незаконного преодоления визовых ограничений. Поэтому у чиновников сложилось преимущественно негативное впечатление об африканских предпринимателях в Гуанчжоу. Но и африканцы с настороженностью относились к местным жителям. Большинство мигрантов предпочли бы не проживать совместно с гражданами КНР. Китайцы, в свою очередь, относились к приезжим аналогичным образом. Более 80% граждан КНР также оказались нерасположенными к проживанию по соседству с африканцами, а более половины из них заявили о готовности сменить место проживания, если численность африканцев в Гуанчжоу продолжит увеличиваться¹⁴⁶.

Несмотря на этническое разнообразие африканского сообщества Гуанчжоу, сами его представители всегда четко различали страновую принадлежность приезжих. Как заметил один нигерийский предприниматель, «когда мы видим африканца, мы не говорим, что он африканец, мы говорим, из какой он страны, потому что мы друг для друга выглядим по-разному. Так что иногда даже излишне говорить, что вы из Нигерии, люди узнают, что вы из Нигерии. Нигерийцы не такие, как ганцы, ганцы тише. Нигерийцы не такие, как бенинцы, тоголезцы. Но все они в Китае называются африканцами»¹⁴⁷.

На начало 2010-х гг. нигерийцы представляли собой наиболее многочисленную группу мигрантов из Африки, проживавших в Гуанчжоу, и у них имелись проблемы с трудоустройством на постоянную работу по причине визовых ограничений и вследствие отсутствия мест на рынке труда. Имелась и еще одна причина, осложнявшая существование нигерийских мигрантов в КНР.

¹⁴⁶ Li Zhigang, *Desheng Xue*, Lyons M., Brown A. Op. cit.

¹⁴⁷ Цит. по: 牛冬 [Ню Дун]. Op. cit.

Приезжие из этой страны производили негативное впечатление как на мигрантов из других африканских государств, так и на китайцев из-за своей криминальности, в основном связанной с причастностью к распространению наркотиков. Что касалось той части нигерийской диаспоры в Гуанчжоу, которая встроилась в международные торговые связи, то ее бизнес мало отличался от бизнеса других африканских общин этого города. Одежда, контрафактные фирменные товары, электроника поставлялись нигерийцами из Китая не только на родину, но также в США, Европу и другие страны. Отдельные нигерийцы в КНР, у которых успешно складывался из бизнес, создавали целые сети из соотечественников, проживавших в разных странах и поставлявших оттуда в Нигерию товары для перепродажи¹⁴⁸.

По наблюдению К.Дж. Адамса, далеко не все из африканских мигрантов в Гуанчжоу считают, что наиболее близкая для них среда – это их соотечественники. В данном случае мультикультурный характер этого городского пространства корректирует подобное представление, и на первый по значимости план для переселенцев выходят либо представители других африканских государств, либо даже вообще партнеры по рабочим отношениям. В качестве приоритетной профессиональную самоидентификацию воспринимают обычно те, кто имеет высшее образование и занят в сложноорганизованных видах деятельности. В то же время, по мнению К.Дж. Адамса, самопозиционирование таких лиц вне их традиционных этнически составленных групп свидетельствует о том, что основной для них является их карьерная идентичность, ради которой они готовы пожертвовать собственным социальным и эмоциональным комфортом, обеспечиваемым привычной этнокультурной средой¹⁴⁹.

Несмотря на пестрый этнически состав африканской общины Гуанчжоу, можно выделить черту, объединявшую выходцев из всех африканских стран. Так, А. Бодомо и Ма Эньюй отмечают, что африканское сообщество в Гуанчжоу –

¹⁴⁸ *Haugen H.Ø.* Nigerians in China: A Second State of Immobility. P. 69–70.

¹⁴⁹ *Adams C.J.* Op. cit. P. 30, 36, 43.

более сплоченное, чем в Иу, поскольку на момент их исследования в начале 2010-х гг. в Иу было трудно найти хотя бы один ресторан африканской кухни, который имел бы качественную рекламу. В то же время в Иу располагалось много ресторанов представителей арабской Африки, и арабы-африканцы в этом городе представляли собой гораздо более сплоченное сообщество, нежели арабы-африканцы в Гуанчжоу¹⁵⁰.

Еще одной нивелирующей этническую пестроту африканского населения Гуанчжоу характеристикой являлась важная тенденция. Фактическое уравнивание в Гуанчжоу в 2008 г. статусов внутренних мигрантов и иностранцев привело к тому, что в африканском квартале этого города стали оседать как африканские представители среднего класса, у которых не было шансов перебраться в страны «золотого миллиарда», так и местные китайские крестьяне, не имевшие возможности получить регистрацию за пределами ареала компактного проживания выходцев из Африки¹⁵¹.

Вопреки негативной реакции местных властей КНР в отношении любых попыток африканских мигрантов как-то самоорганизоваться, отдельные успешные примеры подобной деятельности все же имеются.

Эмма приехала в Китай из Нигерии в конце 1990-х гг. В 2007 г. она создала общественную организацию, которая стала помогать переселенцам из этой страны. Поначалу она сталкивалась с многочисленными проблемами. Ей приходилось даже арендовать офис на собственные средства. Но главное, что созданная Эммой организация оказалась остро востребованной. Ей приходится решать самые разные проблемы. Она занималась просветительской работой среди мигрантов из Нигерии, оказывала им самую разную поддержку, в том числе и психологическую. Много внимания уделялось воспитанию детей мигрантов и вообще вопросам поддержки их семей. Приходилось решать даже такие сложные с бюрократической точки зрения вопросы, как обретения

¹⁵⁰ *Bodomo A., Ma E.* Op. cit. P. 19.

¹⁵¹ *Han Huamei.* Individual Grassroots Multilingualism in Africa Town in Guangzhou: The Role of States in Globalization // *International Multilingual Research Journal.* 2013. Vol. 7. No. 1. P. 95.

легального статуса пребывания в КНР. «В 2012 г. я организовала нигерийско-китайский семейный форум для обсуждения вопроса о депортации нигерийских мужчин, у которых были китайские семьи, – вспоминала впоследствии Эмма. – Их семьи страдают. Более сотни нигерийцев владеют в Гуанчжоу производством. Они женаты на китаянках и преуспевают. Их детям нужно обеспечить будущее. Успешный бизнес начинается дома, в семье. Если там не складывается, то это мешает бизнесу». Каждый конкретный случай требовал от Эммы внимательного погружения в проблему. Созданной ею организации приходилось заниматься даже охраной правопорядка в Гуанчжоу среди приехавших из Нигерии переселенцев. Эмма так объясняла необходимость подобной деятельности: «Мы также пытаемся остановить нигерийцев, совершающих преступления. Мы создали команду под названием “Хранители мира”, так как эти люди создают проблемы для всех. Всё, что относится к нигерийцам, относится ко всем африканцам, поскольку китайцы [в Гуанчжоу] думают, что все африканцы – это нигерийцы. Поскольку мы – самая большая группа африканцев в Гуанчжоу, в любом преступлении местные жители обвиняют нигерийцев. Наша репутация под угрозой»¹⁵².

Если организация Эммы объединила мигрантов из Нигерии, то Абдул, выходец из Гвинеи, имевший бизнес в Гуанчжоу, пошел еще дальше и создал общественную структуру – Ассоциацию африканских общин Китая, – которая была призвана отстаивать интересы всех переселенцев из Африки в этом городе, вне зависимости от страны из прибытия. Ассоциация не была структурно оформлена, но это не помешало ей выступать своего рода интегратором африканской общины Гуанчжоу. Помимо этой панафриканской организации Абдул также являлся лидером довольно большой гвинейской общины Гуанчжоу. Она возникла в 2004 г., и на момент интервьюирования в нее входили несколько сотен человек. «Многие полуграмотны и действуют на грани закона, – говорил о составе гвинейской общины Абдул. – У франкоговорящих африканцев довольно

¹⁵² Цит. по: *Adams C.J.* Op. cit. P. 150–151.

низкий уровень образования. Он намного выше у нигерийцев и ганцев. Они в основном мусульмане». Гвинейская община оказывала своим соотечественникам даже такие специфические услуги, как доставку на родину тел скончавшихся в Китае: «Китайцы не хотят, чтобы на их земле хоронили иностранцев». Вообще поддержание коммуникаций со своей страной для гвинейцев исключительно значимо: «Гвинейцы очень привязаны к дому, поэтому, в отличие от нигерийцев, они здесь не останутся», – утверждал Абдул¹⁵³.

Сибана родом из Бурунди. В Гуанчжоу на момент интервью он работал банковским консультантом и также пытался поддерживать связи между африканскими мигрантами: «Ассоциация африканцев – это неформальное объединение людей, живущих здесь десять и более лет, – свидетельствовал он. – Мы собираемся вместе каждые два-три месяца. Это позволяет нашим детям общаться. Есть много межэтнических супружеских пар. Я также регулярно встречаюсь с семьями из Бурунди и Анголы, как и с белыми семьями. Я стараюсь разнообразить круг своего общения». Сибану особенно волновала проблема социализации детей, рожденных в браках африканцев с китайками – у него самого именно такая семья. Он по этому поводу говорил: «Я учу своих детей, у которых мать китайка, африканской культуре, но я также учу их тому, что за Африкой будущее, и поэтому они должны знать эту культуру. Мультикультурное воспитание даст им больше возможностей для выбора. Они не будут узниками определенных верований, а будут мультикультурными гражданами мира. Я не буду за них решать, кем они себя должны считать. Я хочу, чтобы они принадлежали к большой нации. Они знают свои корни, но Бурунди слишком мало»¹⁵⁴.

Отдельную группу африканского населения Гуанчжоу составили люди африканского происхождения из Европы и Америки. Их истории жизни показывают, почему они переехали в Китай – и этим они заметно отличаются от переселенцев именно из стран Африки. Для некоторых мигрантов решение

¹⁵³ Цит. по: Ibid. P. 151–152.

¹⁵⁴ Цит. по: Ibid. P. 152.

обосноваться в КНР было вызвано представлением о том, что эта страна динамично развивается и в ней поэтому можно гораздо легче найти свое место. Причем подобным образом считают представители как «золотого миллиарда», так и бедных африканских стран.

Так, Гарри, 26-летний предприниматель из Франции с корнями из Западной Африки, признался, что его к переселению из Франции в КНР подтолкнуло стремление к независимости: «Франция несильно развивается, поэтому я оттуда и уехал. Я искал возможности для молодежи. И я очень счастлив, что у меня получилось. Впервые в жизни я в Китае сумел что-то сделать без посторонней помощи, без поддержки родителей». Рауль, 35-летний выходец из Гваделупы, окончил аспирантуру по искусствоведению. На момент интервью он уже пять лет жил в Китае и работал арт-директором в проектах, имевших отношение к СМИ и дизайну. Он считал, что его новое место проживания помогает ему развивать художественные навыки: «...я горю желанием делать здесь что-то высокохудожественное»¹⁵⁵.

Рене, 32-летняя афроамериканка, она получила высшее педагогическое образование. Когда она давала интервью, она находилась в Китае уже два года. Сначала она преподавала английский язык, а затем стала разрабатывать учебные программы. К отъезду в Китай ее подтолкнуло крайне негативное восприятие своей родной страны: «До восьмого класса я училась в католической школе, а не в государственной школе с бедными сверстниками. Я говорила себе: “Счастливо оставаться”, – когда покидала Соединенные Штаты. Мне не нравилось, как американские СМИ изображали черную культуру, и я хотела попасть в другую культуру»¹⁵⁶.

Перлайн, 41-летняя учительница, она прибыла в Китай из Карибского бассейна. У себя дома она ощущала свою нереализованность: «Моя страна не

¹⁵⁵ Цит. по: Ibid. P. 136.

¹⁵⁶ Цит. по: Ibid. P. 138.

растет, и я не чувствовала, находясь в ней, никакой перспективы. Я счастлива, что уехала в новое место»¹⁵⁷.

Мэри, 31-летняя афроамериканка из обеспеченной семье. Благодаря этому она с детства много путешествовала. Когда она рассказывала свою историю жизни, у нее уже был свой бизнес в Китае. «Я знала, что хочу покинуть Калифорнию и много путешествовать, – говорила она. – Я хотела выучить испанский и китайский языки. <...> Мои родители увезли меня в Китай в 2007 г. Мама подтолкнула меня к тому, чтобы здесь остаться»¹⁵⁸.

Так как расселявшиеся в 1990-х гг. вокруг Гуанчжоу переселенцы были выходцами из Северной Африки, то они являлись преимущественно мусульманами. Именно мусульмане первыми оценили удобство находиться в Гуанчжоу, расположенном возле Гонконга и Макао. Обладатели краткосрочных виз, особенно имеющие деловую визу М, как правило ездили в эти города, пробыв 30 дней в Гуанчжоу. Такое решение минимизировало транспортные расходы, требовавшиеся для продления визы. Африканские предприниматели-мусульмане обычно предпочитали район Сяобэй, а мигранты-христиан выбирали район Саньюаньли¹⁵⁹.

В начале XXI в. город Гуанчжоу, располагающийся в дельте Жемчужной реки, неподалеку от Гонконга, стал главным местом сосредоточения африканских предпринимателей в Китае. Его расцвет в качестве их площадки для посреднической торговли выпал на середину 2000-х гг. Но уже во второй половине первого десятилетия XXI в. эта площадка начала испытывать кризисные явления. Сказывалось ужесточение визовых правил по мере приближения к Олимпиаде 2008 г. в Пекине. Появилась и получила глобальное распространение интернет-торговля (например, Alibaba). Правительство Китая начало решительно бороться с контрафактом и подделкой всемирно известных брендов. Челночная торговля впала в кризис.

¹⁵⁷ Цит. по: Ibidem.

¹⁵⁸ Цит. по: Ibid. P. 141.

¹⁵⁹ 牛冬,张振江 [Ню Дун, Чжан Чжэньцзян]. Op. cit.

Африканское сообщество в Гуанчжоу сложилось как многонациональный анклав в китайском городе. В него вошли представители нескольких десятков африканских государств. Наиболее многочисленной оказалась нигерийская община. Она же известна и как наиболее криминализованная. Африканское сообщество не образовало единого целого, представители каждой страны стали жить и работать обособленно от других. Это во многом явилось следствием того, что подавляющее большинство африканских мигрантов не связывали свое будущее с КНР, а собирались либо вернуться домой, либо переехать в другую страну. Кризисные тенденции только усиливали отток африканцев из Гуанчжоу.

2.2. Африканское бизнес-сообщество Гуанчжоу

На примере Гуанчжоу видно, что африканской торговой площадке для успешного функционирования в азиатских условиях были необходимы два вида предпринимателей – те, кто осел в новой стране, и те, кто ездят между разными рынками. Осевшие предприниматели выставляют на рынки продукцию, которая произведена или переработана в других местах, находящихся обычно неподалеку. Разъезжающие предприниматели работают с потребителями с других континентов. Более того, первые создают условия для миграции на эту площадку жителям Африки и помогают переселенцам адаптироваться.

На рубеже 2000-х и 2010-х гг. в Гуанчжоу обозначилась характерная тенденция – китайские граждане стали встраиваться в африканский бизнес и представлять производителей КНР обосновавшимся в городе предпринимателям из Африки. Это вынудило африканцев осваивать новые посреднические ниши. Однако такой поиск не мог быть бесконечным. Наиболее компетентные и освоившиеся в Гуанчжоу африканские предприниматели понимали, что у их бизнеса в видах долгосрочной перспективе отсутствуют шансы выжить. Усиление миграционных ограничений, удорожание юаня вместе с удорожанием жизни, увеличение числа китайских предпринимателей в Африке превращали пребывание самих африканцев в КНР во всё более нерентабельное. С. Бределуп приводит слова одного из таких предпринимателей: «Китаец умен, он позволяет

вам прийти к нему. Он наблюдает за вами какое-то время, а когда полностью вникает в ваши дела, то отодвигает вас от них и прибирает их к своим рукам». Поэтому африканцы в Гуанчжоу начали просто пытаться протянуть время и заработать в КНР, пока оставалась такая возможность¹⁶⁰.

Вообще сотрудничество африканских предпринимателей в Гуанчжоу с представителями китайского бизнес-сообщества – это важнейшая тема для понимания как специфики экономической деятельности этого африканского анклава, так и особенностей взаимного восприятия приехавших и местных.

Так, Вэй Вэй, 31-летняя женщина, переехавшая в Китай из Южной Африки и окончившая аспирантуру по международным отношениям, отмечала, что китайцы способны быть очень гибкими и предупредительными, если их не поставить в положение, которое чревато для них потерей лица. Отсюда, убеждена Вэй Вэй, граждане КНР не слишком отзывчивы на инициативы, которые хотя и сулят выгоду, но должны реализовываться нетрадиционными способами. «Если что-то не прописано на бумаге, то китайцы не станут этого делать. Не просите их отклониться от апробированного сценария. Не заставляйте их думать», – подчеркнула Вэй Вэй¹⁶¹.

Элейн, 32-летняя женщина, приехавшая в КНР с Ямайки и также проучившаяся в аспирантуре по международным отношениям, говорила, что китайцам свойственны неэтичные способы выстраивания деловых отношений: «Я всегда вынуждена быть настороже, – сказала она, – к тому же мне приходится постоянно контролировать себя, чтобы не переступить через собственные принципы. С китайцами легко начать вести себя грубо, например, кричать и толкаться»¹⁶².

Между тем и африканские мигранты, живя в китайском обществе, неизбежно начинали перенимать местные ценности, в частности, меркантильность и прагматизм. Так, Х. Хауген пишет о том, что среди

¹⁶⁰ *Bredeloup S.* African Trading Post in Guangzhou: Emergent or Recurrent Commercial Form? P. 48.

¹⁶¹ Цит. по: *Adams C.J.* Op. cit. P. 49, 51.

¹⁶² *Ibid.* P. 19, 22.

малообеспеченных нигерийских предпринимателей в Гуанчжоу, посещающих пятидесятнические церкви, особой популярностью пользуются проповеди, в которых говорится о том, как достичь материального успеха и удерживать его, какие для этого необходимы молитвенные и поведенческие практики¹⁶³.

К.Дж. Адамс утверждает, что для некоторых предпринимателей из Африки серьезной проблемой является удержание себя от ответного неэтичного поведения в отношении китайских партнеров. Они делились с интервьюером, что испытывали «искушение выйти за рамки этической бдительности и вести себя недобросовестно»¹⁶⁴.

Микаэла, 29-летняя афроамериканка, имеющая также и ямайские корни, получила MBA в США и прибыла в КНР для продолжения обучения в аспирантуре. К переезду ее подтолкнул кризис 2008 г., в результате которого возможности получить работу в Америке существенно уменьшились. В КНР она осела в Шанхае, где создала собственную консалтинговую компанию. «Здесь как на американских горках, – говорила она. – Сейчас вы в восторге от своего достижения, а в следующий момент вы задаетесь вопросом, зачем вы вообще сюда приехали. Вас то оскорбляют из-за цвета вашей кожи, когда отказываются пожать руку, то мужчины подходят к вам на улице и делают комплименты». Микаэла убеждена, что расизма в Китае меньше, чем в США и он здесь неявный, не демонстрируемый напрямую. Так, например, когда ей приходилось покупать в КНР обувь, то местные продавцы ей иногда говорили, что в Китае «не носят обувь для чернокожих», то есть обувь больших размеров. Вообще же при работе с китайцами необходимо учитывать особенности их национального характера: «Им нельзя доверять, поскольку они очень патриотичны и замкнуты. Если вы посторонний, то они предпочтут вам китайца, а вас станут просто использовать. Если вы продвигаетесь вперед, то это только потому, что им это выгодно. Им

¹⁶³ *Haugen H.Ø.* African Pentecostal Migrants in China: Marginalization and the Alternative Geography of a Mission Theology. P. 90–91, 95–96.

¹⁶⁴ *Adams C.J.* Op. cit. P. 59.

нравится хитрость в других, и поэтому они будут восхищаться вами, если вы будете усердно торговаться»¹⁶⁵.

Как утверждает К.Дж. Адамс, исторический опыт Китая, на протяжении столетий страдавшего от инокультурных внешних сил, обусловил настороженное отношение китайцев к любому социальному субъекту, не принадлежащему к ханьскому большинству. Исследователь даже допускает, что Китай априорно стремится к ассимиляции всех этнических групп, оказавшихся на его территории, в ханьскую культуру. Именно поэтому, считает он, африканские мигранты вряд ли в большинстве своем подвергнутся такой ассимиляции, поскольку «для них Китай – это перевалочный пункт, временный дом, где можно приобрести навыки, богатство и опыт, а затем двинуться дальше»¹⁶⁶.

Несмотря на «политику реформ и открытости», китайские власти воспринимают любые требования ограничить административный контроль как очевидную угрозу собственной гегемонии¹⁶⁷. Поэтому даже в том случае, когда квалифицированные африканцы в Китае получают какие-то возможности, они неизбежно сталкиваются с сопротивлением со стороны властей всех уровней, как только пытаются создать какие-либо сообщества по защите своих интересов¹⁶⁸.

К.Дж. Адамс свидетельствует, что африканские менеджеры китайских корпораций постоянно жалуются на китайскую корпоративную культуру, которая препятствует установкам на новаторское мышление и на готовность рисковать. Более того, креативные управленцы из числа африканских мигрантов не ограничиваются предложениями по оптимизации экономических или технических решений, но «бросают вызов существующим практикам» в сферах управления и обеспечения социальной справедливости. Это создает для китайских властей проблему: с одной стороны, они поощряют инновационные предложения в области бизнеса и технологий, с другой стороны, препятствуют

¹⁶⁵ Цит. по: Ibid. P. 82–83.

¹⁶⁶ Ibid. P. 101.

¹⁶⁷ См.: Hui W. *The End of the Revolution: China and the Limits of Modernity*. London, 2011.

¹⁶⁸ Adams C.J. *Op. cit.* P. 44.

инициативам из социально-политической области. Последнее получается заметно хуже, поскольку «трудно подчинить умных и творческих людей с их богатым и пронизательным воображением и их скептицизмом по отношению к власти и возводимым ею ограничениям»¹⁶⁹.

Вызывают осложнения и разные подходы к трудовой этике у китайцев и африканских мигрантов. Несмотря на политику поощрения талантов и индивидуальных достижений, китайские управленцы крайне негативно воспринимают отсутствие корпоративной лояльности, особенно у высококвалифицированных специалистов, которые в погоне за более высокой зарплатой и лучшими условиями работы часто меняют работодателей¹⁷⁰. В Китае же наоборот корпоративная лояльность считается наиболее ценным качеством работника – гораздо более значимым, чем даже его профессиональные навыки¹⁷¹. Сказываются и проблемы, все еще сохраняющиеся на протяжении более 40 лет с начала «политики реформ и открытости» и сводящиеся к переходу от жестко регулируемой плановой экономики к рыночным механизмам¹⁷².

Однако и к африканцам со стороны китайцев немало претензий, одна из главных – нежелание изучать китайский язык. Так, африканец в Гуанчжоу, который изучал китайский язык в университете и занимался бизнесом, заметил: «В Африке африканцы нечасто ходят в школу, у них нет привычки учиться, они только думают о деньгах, вот и все. Даже я в Гуанчжоу, если занят, то не пойду в свой университет, потому что я хочу больше денег, мне нужно пойти на рынок, чтобы купить товары». Африканцам не хватает упорства для изучения китайского языка, поэтому они и не могут претендовать на интеграцию в местное общество. Даже африканские студенты, изучающие китайский язык, делают это

¹⁶⁹ Ibid. P. 105.

¹⁷⁰ См.: *Ariga K., Ohtake F., Sasaki M., Wu Zh.* Wage Growth through Job Hopping in China // *Forschungsinstitut zur Zukunft der Arbeit / Institute for the Study of Labor. Discussion Paper Series.* 2012. December. No. 7104. 61 p.

¹⁷¹ См.: *Cooke F.L., Saini D.S., Wang J.* Talent Management in China and India: A Comparison of Management Perceptions and Human Resource Practices // *Journal of World Business.* 2014. No. 49 (2). P. 225–235.

¹⁷² См.: *Wang H.* China's New Talent Strategy: Impact on China's Development and Its Global Exchanges // *SAIS Review of International Affairs.* 2011. Summer–Fall. Vol. 31. No. 2. P. 49–64.

также не ради интеграции в китайское общество, а для того, чтобы получить возможность хорошего трудоустройства у себя на родине после завершения образования. Некоторые из африканских студентов, которые учатся в Гуанчжоу, поделились с Нью Дуном, что они постарались выучить китайский язык, так как у них дома много китайцев, работающих в горнодобывающей промышленности и строительстве, поэтому с образованием, полученным в Китае, открывается много возможностей для трудоустройства в качестве переводчиков. Один из африканцев, изучающий китайский язык, сказал Нью Дуно: «Африканские ученики не дорожат возможностью учиться, потому что они не собираются учить китайский, они собираются учиться в Китае только зарабатывать деньги, вернуться домой, купить дом, жениться, создать семью»¹⁷³.

Для ханьского большинства уникальность Китая является неоспоримой и приоритетной ценностью, как и территориальная целостность страны вкупе с идеологической гегемонией КПК. Вместе с тем ханьцы готовы учиться у других народов, особенно в прикладных и практических вопросах, но при условии сохранения в неизменности своих социокультурных констант. По этому поводу К.Дж. Адамс даже говорит о единстве ханьского большинства и КПК как своего рода олицетворении государства. Отсюда вытекает и свойственное китайцам отношение к остальным народам, которое сводится к выстраиванию особой иерархии «варваров». В этой иерархии африканцы занимают самую низкую ступеньку¹⁷⁴.

Занг Сяовэй, работавший в Университете Гонконга, утверждает, что ханьское большинство в КНР стремится к аккультурации, а затем и ассимиляции остальных этнических групп, к восприятию ими ханьского мировоззрения, а также образа жизни¹⁷⁵.

¹⁷³ 牛冬 [Нью Дун]. Op. cit.

¹⁷⁴ См.: *Dikotter F. The Discourse of Race in Modern China*. London, 1992; *Adams C.J. Op. cit.* P. 107.

¹⁷⁵ См.: *Zang X. Ethnicity in China: A Critical Introduction*. Cambridge, 2015; *Adams C.J. Op. cit.* P. 109.

К.Дж. Адамс называет такую этнокультурную установку китайских властей «относительно недавней концепцией XIX в.», которая «опирается на ханьско-конфуцианскую основу однородной культуры»¹⁷⁶. В. Феннелл называет неприятие любых внутрикитайских различий результатом длительного подчинения китайцев маньчжурам. Такое неприятие до сих пор присутствует в китайской культуре. Но оно тем не менее сосуществует с осознанием того, что у некитайских сообществ в КНР имеются творческие и технологические способности. И китайцы намерены использовать эти способности для сохранения ханьской гегемонии¹⁷⁷.

Таким образом, двойственность китайцев в отношении африканцев основана на исторической антипатии вообще к иностранцам и на желании использовать их навыки¹⁷⁸.

Занг Сяовэй обращает внимание на довольно парадоксальную ситуацию, связанную со стремлением ханьского большинства растворить в своей среде инокультурные группы. С одной стороны, представители этнических меньшинств могут согласиться абсорбироваться в ханьской среде, чтобы обрести доступ к возможностям, получаемым через идентификацию с ханьцами. С другой стороны, идентифицирующие себя в качестве ханьцев из-за проницаемости границ с не принадлежащими к этому этническому большинству порой готовы выставлять себя как носителей неханьской идентичности ради получения бонусов от демонстративной абсорбции¹⁷⁹.

Следствием такой селективной этнокультурной идентификации стали разные реакции африканских мигрантов на отношение со стороны местных властей Гуанчжоу и Иу. В первом случае африканские переселенцы жаловались на жесткие административные меры и поэтому стремились продемонстрировать

¹⁷⁶ Ibid. P. 111.

¹⁷⁷ См.: *Fennell V.L. Race: China's Question and Problem // Review of Black Political Economy. 2013. No. 40. P. 245–275; Adams C.J. Op. cit. P. 114.*

¹⁷⁸ Ibid. P. 103.

¹⁷⁹ См.: *Zang X. Op. cit.; Adams C.J. Op. cit. P. 119.*

властям свою готовность абсорбироваться¹⁸⁰. В Иу, стремительно развивавшемся торговом центре, администрация напротив демонстрировала свою открытость внешнему миру, поэтому там мигрантам их Африки было выгодно подчеркивать свою подлинную идентичность¹⁸¹.

Одна из респонденток К.Дж. Адамса, афроамериканка, работавшая менеджером в Шанхае, жаловалась на церемонный характер отношений с начальством, который сильно мешает профессиональной деятельности: «Я знаю и могу предложить своим коллегам и прежде всего своим боссам определенные действия, которые, я убеждена, являются оптимальными для компании. Но у меня нет такой возможности, как это было бы в Соединенных Штатах. Здесь я должна прежде всего позаботиться о том, чтобы моя инициатива не нарушила сложившийся в коллективе консенсус, чтобы продемонстрировать свою абсолютную веру в мудрость начальства – на самом деле мудрость иллюзорную»¹⁸².

Те из африканских предпринимателей, кто уже врос в китайскую действительность, предпочитали следовать таким правилам поведения и не пытаться переломить китайские порядки. Например, Аллайя, 32-летний малиец, имевший начальное школьное образование и живущий в Китае с 2005 г. вместе с женой и двумя детьми (то есть он может восприниматься как укоренившийся иностранец), так делился с К.Дж. Адамсом своим опытом работы в Китае: «Я многое вижу, поэтому я могу использовать свой разум, чтобы работать лучше. Я теперь больше знаю и больше думаю о том, что я вижу в людях и как они действуют, как ведут бизнес»¹⁸³.

Африканцы из Гуанчжоу – кто с восторгом, а кто критически, но при этом все с изумлением – фиксируют ярко выраженную капиталистическую природу

¹⁸⁰ См.: *Bodomo A. Africans in China: A Sociocultural Study and Its Implications for Africa-China Relations.*

¹⁸¹ *Cissé D. African Traders in Yiwu: Their Trade Networks and Their Role in the Distribution of “Made in China” Products in Africa // Journal of Pan African Studies. 2015. May. Vol. 7. No. 10. P. 44–64.*

¹⁸² Цит. по: *Adams C.J. Op. cit. P. 120–121.*

¹⁸³ Цит. по: *Ibid. P. 124.*

сегодняшнего Китая. Так, Кристина, 46-летняя афроамериканка, работавшая корпоративным тренером, замечала: «Я нахожусь в коммунистической стране, но это самое капиталистическое место, где я когда-либо была. <...> Китайцы считают, что должны много работать, чтобы жить хорошо. Они ведут себя так, как будто у них никогда ничего не было...» Чипсу – нигерийско-американский инвестору, комфортно в Китае. Он говорил: «Здесь всегда есть возможности... Здесь настоящий дикий Запад. <...> Вы можете начать любое дело в любое время». Сесилия, консультант по инвестициям, делилась своим пониманием природы современного Китая: «Я думаю, что деньги – это то, что движет этой страной. Правительство владеет контрольными пакетами акций всего. Люди испытывают страсть к деньгам, поэтому они готовы продавать любые подделки. Я никогда не видела людей, которые любят деньги больше, чем китайцы»¹⁸⁴.

По формату своей деятельности африканские предприниматели Гуанчжоу подразделялись на тех, кто работал преимущественно в городе, тех, кто занимался торговыми операциями, перемещаясь между рыночными площадками, и тех, кто выполнял разовые поручения и не имел четкого профиля занятости в бизнесе.

Работавшие в Гуанчжоу являлись преимущественно мигрантами, которые проживали в КНР уже много лет, как правило – с рубежа XX–XXI вв. Сюда они прибывали либо непосредственно из стран, в которых родились (и тогда у них отсутствовал какой бы то ни было опыт совершения торговых операций), либо из мест предыдущей торговой деятельности (из стран Юго-Восточной Азии или других локаций интенсивной международной торговли). В Гуанчжоу они приобретали начальный капитал благодаря распространенной и доходной в начале 2000-х гг. торговле изделиями легкой промышленности, а затем находили собственную профессиональную нишу и принимались ее разрабатывать. Они являлись людьми среднего возраста. Определенная часть таких предпринимателей имела семьи, которые проживали вместе с ними в Гуанчжоу.

¹⁸⁴ Цит. по: Ibid. P. 154.

Семьи могли быть или привезенными из Африки, или заведенными в КНР в результате браков с китаянками. Этих мигрантов отличала более или менее основательная укорененность в местные условия: они обладали выстроенными связями с производителями продукции, представителями властей, другими мигрантами, занимавшимися сходными торговыми операциями. У них имелись офисы для совершения сделок и повседневной деятельности, в них они проводили преимущественную часть времени. Офисы отдельных представителей этой группы африканцев оказывались весьма внушительными и по размерам, и по объему проводимой ими работы, превращаясь фактически в торговые представительства стран прибытия их хозяев. Такие мигранты могли содержать магазины на городских рынках и торговать в них одеждой, обувью, бытовой техникой или более сложной электроникой. Подобные африканские переселенцы пользовались авторитетом у своих соотечественников, также проживавших в Гуанчжоу, являлись их неформальными лидерами и помогали новоприбывшим адаптироваться к условиям жизни в Китае. Важнейшей особенностью этой группы африканцев была их легальность. Однако им также приходилось своевременно заботиться о продлении виз и соотнесении с действительностью персональных данных, зафиксированных в паспортах и иных документах, чтобы не оказаться в числе нарушителей «принципа “трех не”». Наконец, их важнейшим свойством было знание – иногда весьма приличное – китайского языка.

Подавляющее большинство африканских мигрантов Гуанчжоу составляли предприниматели, которые оформляли сделки, выезжая для этого в свою страну или другие страны. Их статус был ниже, нежели у тех, кто торговал, не покидая Гуанчжоу. Фактически такие предприниматели работали в режиме челночной торговли, и они просто встраивались в цепочки, которые уже существовали до их прибытия в Китай и были налажены представителями первой группы мигрантов. Подобной деятельностью занимались преимущественно выходцы из Нигерии и Анголы. Они пытались конкурировать с китайскими предпринимателями, работавшими в африканских странах, и привозили туда

обычно ту же самую продукцию, но запрашивали за нее меньшую цену. Эти предприниматели как правило плохо владели китайским языком.

Разовые поручения выполняли те, кто совсем недавно прибыл в КНР, не знал многих особенностей жизни и торговли в этой стране и нуждался в опеке со стороны своих более старших по сроку проживания в Китае соотечественников, уже встроенных в торговые инфраструктуры. Эти люди вообще не знали китайского языка и чаще всего не имели никакого опыта занятий куплей-продажей. Далее их положение в африканском сообществе Гуанчжоу полностью зависело от способностей осваивать новые для себя виды деятельности, язык и обычаи страны, в которую они приехали.

Х. Хауген считает, что если африканские дилеры, закупающие продукцию в Китае и реализующие ее на рынках своих стран смогли успешно встроиться в торговые цепочки между КНР и Африкой, то значит у них имеются определенные конкурентные преимущества по сравнению с китайцами, которые торгуют с этими же странами напрямую. И эти преимущества заключаются не только в значительно меньшей торговой наценке, делающей китайские товары дешевле. Более того, такие преимущества оказываются способными нивелировать имеющиеся у китайцев визовые преференции, позволяющие им относительно беспрепятственно перемещаться между Африкой и Китаем. В целом иммиграционные режимы в африканских странах более мягкие, чем в КНР, с хорошими возможностями для получения долгосрочных и многократных виз или вида на жительство. Это позволяет китайским предпринимателям не задумываться о поездках между точкой покупки и точкой продажи и при этом контролировать рыночную конъюнктуру в КНР. Для сравнения африканские предприниматели часто испытывают заметные трудности с получением китайских виз, и многим из них приходится регулярно покидать КНР, чтобы продлевать свои краткосрочные визы.

Однако африканские предприниматели как правило лучше знают рынки в точках продаж и могут использовать эту информацию, когда приобретают товары в Китае для экспорта в Африку. Поэтому их шансы застрять с

избыточными закупками или быть вынужденными продать их с убытком существенно меньше, чем у граждан КНР. К тому же продавцы, будь то африканцы или китайцы, обычно передают из Африки агентам-производителям образцы предполагаемой для закупки продукции. Такая торговая стратегия становится эффективной, когда бизнесмен предугадывает рыночную конъюнктуру в точке продаж, а не пытается копировать коммерческий успех других: предпочтения африканских потребителей могут быстро поменяться, и выходцы из стран Африки, укорененные в своей культурной среде и априорно обладающие навыками предвидеть изменения спроса в этом вопросе, часто оказываются более сведущими, нежели китайцы. К тому же плохая репутация китайских товаров в Африке дает африканским торговцам еще одно преимущество перед их китайскими конкурентами: им легче скрыть происхождение товаров, которые они импортируют из Китая, выдавая их за европейские.

Вместе с тем между китайскими и африканскими предпринимателями на рынках африканских стран возможны отношения не только конкуренции, но и сотрудничества. Так, например, на оптовых рынках Ломе, столице Того, сложилось своеобразное разделение труда между китайцами, обладающими более отработанными сетями поставок, и африканцами, хорошо знающими свои местные рынки. В торговле дешевыми потребительскими товарами, продаваемыми в больших объемах, первенство принадлежит китайцам. Местные же бизнесмены, закупающие товары в Китае, ориентируются на продукцию более высокого качества, ориентированную на африканский средний класс.

Другой пример сотрудничества – это удержание цен на невысоком уровне при относительно небольших объемах заказываемой для реализации в Африке продукции. Правда, в данном случае сотрудничество осуществляется территориально не в Африке, а в Китае. Так, африканцы заводят контакты на китайских производствах, выпускающих высококачественную продукцию для западного рынка. Эти контакты позволяют им знать, когда у этих производителей остаются нереализованные товары или проводятся скидочные

акции, что позволяет приобретать качественные товары чуть ли не по демпинговым ценам. Похожий прием – это когда китайские производители за определенную плату готовы добавить к заключенным с другими клиентами контрактам дополнительные заказы. Обе методики требуют системного взаимодействия и высокого уровня доверия между китайским производителем и африканским предпринимателем.

Между тем бизнес постоянно развивается, и сотрудничество может быстро перерасти в конкуренцию. Визовые ограничения способны оказаться существенным препятствием для африканцев, а незнание китайцами рыночной конъюнктуры Африки быстро преодолимо. Тем более что за почти три десятилетия активного экономического освоения китайцами Африки среди граждан КНР, работающих на этом континенте, произошли определенные перемены. Многие из тех, кто первоначально прибыл в Африку в качестве сотрудника крупной китайской компаний или для работы над серьезным проектом развития, создали собственный бизнес с опорой на наработанные ими контакты в государственном и частном секторах местных стран, и в этом африканцы не в состоянии составить им конкуренцию¹⁸⁵.

Ню Дун предлагает собственную структуризацию африканского сообщества Гуанчжоу. По его словам, оно в основном делится на две группы – бизнесмены, занимающиеся международной торговлей, и студенты. Однако многие студенты также встроены в торговые цепочки между Китаем и Африкой благодаря тому, что у них более долгие учебные визы. Поэтому их тоже уместно отнести к бизнесменам. Помимо бизнесменов и студентов, есть также африканцы, представляющие себя музыкантами, футболистами, парикмахерами, поварами, учителями или священниками. Эти африканцы немногочисленны и также более или менее причастны к торговой деятельности. Поэтому африканцы в Гуанчжоу – это в массе своей предприниматели, занимающиеся международной торговлей и курсирующие между Гуанчжоу и Африкой. А по семейному положению

¹⁸⁵ *Haugen H.Ø.* Chinese Exports to Africa: Competition, Complementarity and Cooperation between Micro-Level Actors // Forum for Development Studies. 2011. Vol. 38. No. 2. P. 157–176.

африканцев Гуанчжоу можно разделить на три типа – одинокие, неполные семьи и полные семьи. Подавляющее большинство африканских мигрантов в Гуанчжоу – это одинокие люди или живущие неполными семьями. Поэтому им свойственна сильная привязанность к дому, заставляющая их часто ездить в свои страны и, главное, не связывать с Китаем своего будущего¹⁸⁶.

Иерархическая структура африканского сообщества Гуанчжоу стала особенно заметна с началом ее кризиса в середине 2010-х гг., вызванного ужесточением визового режима и появлением интернет-торговли. Публицист Тао Дуаньфан в результате серии бесед с африканскими мигрантами смог ее в общих чертах реконструировать. По его словам, в основе этой структуры находились «африканские дома», в которых расположены офисы компаний африканских бизнесменов, а непосредственно африканцы из Саньюанли или те, кто обслуживал этих африканских бизнесменов, являлись, по их собственным словам, их «братьями» или «агентами», то есть входили в круг их тесного общения. Экономика многих стран Западной и Центральной Африки в значительной степени является семейной. Например, в Мали бизнес – от самого крупного до мелких торговцев, разносящих свой товар на головах, – построен на родственных отношениях. До середины 1990-х гг. такие семьи оставались в Африке и контактировали с приезжавшими из-за рубежа бизнесменами. Главы этих семей обычно являлись высококвалифицированными специалистами, многие из них получили MBA в Европе, а некоторые стали высокопоставленными чиновниками в правительстве. Они знали, что лица, с которыми они ведут внешнеторговые операции, представляют собой посредников, причем необязательно из Китая, этим занимались также индийцы, ливанцы и сирийцы. Поэтому главы семей решили «проследить источник» и освободиться от посредников. Для этого в любом случае требовалось начать осуществлять торговые операции за пределами своих стран. Сначала было решено обосноваться в Дубае, но это не принесло снижения посреднического

¹⁸⁶ 牛冬 [Ню Дун]. Op. cit.

процента. И тогда они «размотали клубок» вплоть до Китая и вышли на Саньюанли. Это место близко к районам производства продукции легкой промышленности, импортируемой в Африку, – таким, как Дунгуань и Фошань. Поблизости находятся и районы получения сельскохозяйственной продукции, импортируемой в Африку (Хунань и Фуцзянь). К тому же эта территория находится недалеко от Гонконга, где легче найти персонал и где цены намного выгоднее.

В «африканских домах» имелись «братья» высокого уровня – наподобие руководителей филиалов, они решали главные вопросы по управлению бизнесом. Таким братьям нужны были «шестерки» (马仔), чтобы ездить в разные места для документирования, проверки и осмотра товаров. Им предписывалось отслеживать весь процесс заказа, чтобы избежать его «утечки», повторения или получения брака. В своем большинстве «шестерки» – это «братья» «братьев», поскольку на всех уровнях африканского бизнеса в Китае доверять можно только своим и проверенным. Более того, даже основными покупателями в основном являются «братья братьев братьев». В противном случае могут возникнуть проблемы либо с получением товара, либо с его качеством, либо с возможными скидками при его покупке. Именно в силу такой «семейственности» замена какого-либо звена в этих цепочках китайскими наемными работниками просто невозможна. Если китайцев и нанимали, то только в качестве переводчиков или помощников.

Большинство «братьев братьев» не имели легального статуса (некоторые – только для работы в Китае, а некоторые вообще не обладали надлежащими документами, потому что их число было слишком велико, и не представлялось возможным всех их легализовать). К тому же работа, которую они делали, не выглядела презентабельной в глазах китайского руководства, и иностранцам не должно быть позволено захватывать рабочие места, на которые могут претендовать граждане КНР.

Чтобы поддерживать «шестерок», требовались всевозможные «периферийные» люди, которые работали с ними и специализировались на африканском бизнесе. Многие из них сами раньше были «шестерками», но их боссы уехали, а они уезжать не захотели и поэтому стали «периферийными». Их существование помогало обеспечивать целостность и стабильность африканского бизнес-сообщества в Китае. Но средства к существованию «периферийных» оказывались еще более тeneвыми¹⁸⁷.

Вся эта система «братьев» разных уровней выстраивала огромную сеть африканского бизнеса в Китае, которая прежде всего требовалась самой КНР. Именно поэтому автор часто использует фразу: «Африка – это подключаемый модуль Китая». Африке нужны рентабельные промышленные товары, а у Китая есть их полный спектр. Китаю нужно много ресурсов, сырья и рынков, а в Африке всё это есть. Африке необходимы крупные инвестиции в инфраструктуру для устойчивого развития, и Китай здесь может помочь. Африка сформулировала Повестку-2063 с целью урбанизации и индустриализации, а самое реальное, что можно внедрить и использовать, – это избыточные мощности Китая и его инвестиционные фонды. Эта обоюдная заинтересованность друг в друге Китая и Африки еще более окрепла после финансового кризиса 2008 г.

На этом фоне роль «сообщества Саньюаньли» как важного элемента «подключаемого модуля» очевидна. Если это сообщество будет разрушено, то связи между Китаем и Африкой – по крайней мере, в сфере производства сельскохозяйственной и иной продукции – станут слабыми и хрупкими. Обозначившаяся тенденция к сокращению в Гуанчжоу «братьев» высшего уровня может стать первым симптомом подобных негативных перемен¹⁸⁸.

Большинство африканцев, приехавших в Гуанчжоу, прежде занимались челночной торговлей и круглый год ездили между Гуанчжоу и Африкой.

¹⁸⁷ 陶短房 [Тао Дуаньфан]. Op. cit.

¹⁸⁸ Ibidem.

Сначала они искали удачи на Ближнем Востоке, затем отправились в страны Юго-Восточной Азии, чтобы иметь доступ к морской торговле, после – нацелились на Гуанчжоу. Африканские предприниматели приезжали в Гуанчжоу целыми сообществами. Майкл из Нигерии просто объяснял свое решение: «Причина, по которой я приехал в Гуанчжоу, заключается в том, что в Гуанчжоу мои братья». В городскую парикмахерскую и маникюрный салон он также нанял своего брата. В понятиях африканцев брат – это необязательно близкий по крови, это могут быть и люди одного клана, близкие или дальние родственники, просто друзья. Африканцы охотнее имеют дело с такими «братьями» по расе, клану и религии. Многие африканцы приезжали в Гуанчжоу, чтобы делать покупки и вести бизнес, потому что это им рекомендовали их братья¹⁸⁹.

В отличие от чайнатаунов в США, африканское поселение в Гуанчжоу организовано иначе. Эпицентр пространства африканского присутствия в Гуанчжоу – Саньюаньли – это не место проживания мигрантов, а только лишь их торговая площадка. Как сказал один полицейский в Гуанчжоу: «Саньюаньли на самом деле больше похож на место скопления чернокожих, а не на район их компактного проживания. Потому что в настоящее время очень мало африканцев, которые долгое время жили бы в Саньюаньли. Чернокожие, как правило, приходят сюда днем, чтобы выбрать товары, а ночью возвращаются в другие районы или отели, где они живут»¹⁹⁰.

В Саньюаньли сформировалась серая экономическая зона. Некоторые африканцы обменивали здесь юани через подпольные обменные пункты или проводили другие денежные транзакции. Это происходило чаще всего в нелегальных обменных пунктах, действовавших под видом африканских магазинов, кафе, ресторанов, баров.

Проблемы управления, создаваемые скопления африканцев в Гуанчжоу, в сочетании с тем фактом, что ученые, СМИ и Интернет продолжали

¹⁸⁹ 老木 [Лао Му]. Op. cit.

¹⁹⁰ 吕红艳, 郭定平 [Лю Хуньянь, Го Динпин]. Op. cit.

преувеличивать из численность в этом городе, по своему резонансу резко контрастировали с официальными данными. В результате в общественном мнении КНР создалось впечатление, что администрация Гуанчжоу утрачивает контроль над иностранцами. Подобное убеждение стало вынуждать муниципальных чиновников активизировать свою работу по управлению африканским сообществом. Комплексные действия в этом направлении начались накануне Олимпийских игр 2008 г. Полиция стала более дотошно проверять визы. Участились рейды по проверке документов. Нарушителей принялись более жестко подвергать наказаниям, в том числе высылать из КНР. Однако в ответ потенциальные нарушители выработали определенные приемы по противодействию подобным проверкам, в частности, они знали расписание полицейского патрулирования и во время активного присутствия правоохранителей на улицах города старались не попадаться им на глаза. Также многие «нелегалы» переехали из Гуанчжоу в Фошань.

Сначала «Административные меры по регистрации жилья для иностранцев в полицейских участках общественной безопасности (на случай проведения судебного разбирательства)», разработанные Министерством общественной безопасности в 2007 г., а затем новый Закон о выезде и въезде 2012 г. определили принципы регистрации иностранцев по месту жительства. В местах компактного проживания 200 и более иностранцев были открыты пункты по их обслуживанию (оформлению соответствующих документов). В полицейских участках сформировали специальные команды для работы с мигрантами. Вот слова полицейского, занимавшегося проблематикой мигрантов в Гуанчжоу: «Регулярные или неожиданные посещения и проверки очень важны. С одной стороны, регистрация временного жилья декларируется иностранцами только добровольно, и многие люди, которые не заявляют самостоятельно, становятся рыбой, которая проскальзывает через сеть (образное китайское выражение. – *Н.А.*). Причин для этого много, самая распространенная причина в том, что иностранцы говорят “я не знаю”, но наши сотрудники явно призвали их сообщать о себе, а они, тем не менее, до сих пор игнорируют эти призывы. Они

не приходят регистрироваться, потому что находят это хлопотным, с одной стороны, и они считают, что, если они просто остаются на месяц, или два, или просто временно останавливаются в доме друга, то нет необходимости регистрироваться для проживания. С другой стороны, многие владельцы недвижимости не знают, надо ли регистрироваться, а если знают – все равно не регистрируются. Эти ситуации требуют, чтобы мы посещали их и проводили проверки, чтобы стандартизировать управление и избежать пробелов в управлении проживанием иностранцев. При этом посредники по аренде смотрят только на то, прибыльно ли это, независимо от того, имеет ли право это лицо снимать дом и повлечет ли это за собой социальные риски. Например, некоторые посредники сдают дома иностранцам, у которых нет виз или срок действия визы истек. В 2016 г. мы имели дело с агентством по аренде жилья, которое размещало африканцев-нелегалов, а позже штрафовали хозяина одной субаренды. В последние годы мы много работали с агентствами по аренде жилья, и теперь они более охотно сотрудничают с нами»¹⁹¹.

Чтобы создать четкие и ясные условия для мигрантов в Гуанчжоу, начиная с сентября 2015 г. муниципальное руководство провело централизованную операцию по комплексной регистрации и управлению «домовладениями» по всему городу. Такая регистрация включала в себя: повышение качества регистрации «домовладений», создание систем контроля доступа и видеонаблюдения для жилых районов, создание механизма надзора, инспектирования, собеседований и уведомлений об управлении жилищным фондом, проведение проверок «арендуемого группой жилья», расследование и наказание незаконных и арендаторов жилья. С ноября 2014 г. в районе Юэсю было мобилизовано большое число сил из служб общественной безопасности, городских управлений промышленности и торговли, а также по контролю за продуктами питания и лекарствами, уличных комитетов. В итоге сложилась команда профессионалов разных областей в составе примерно 300 человек. В

¹⁹¹ Ibidem.

результате таких действий были благоустроены некоторые улицы, с них убрали дымящиеся лотки и киоски с барбекю. Чтобы не дать продавцам возможности возобновить их работу, служба общественной безопасности, специальные полицейские подразделения и структуры городского управления установили в этих местах круглосуточное дежурство. Камеры наблюдения позволили осуществлять мониторинг этих мест практически круглосуточно. По поводу такой системы полиция дала следующий комментарий: «Нам, китайцам, трудно распознать черты лица африканцев, которые создавали много проблем в нашей работе. Иногда они показывают нам чужие паспорта. Они очень похожи, и мы даже не знаем, тот ли это человек или нет. Позже мы специально разработали систему распознавания лиц, которая оказалась очень эффективной. Теперь мы случайным образом выбираем африканца на экране, и система может быстро идентифицировать его и извлечь соответствующую информацию о нем»¹⁹². Все эти меры позволили дисциплинировать африканское сообщество Гуанчжоу, снизить уровень его криминальности.

Однако указанные меры неизбежно осложнили взаимоотношения между африканским сообществом Гуанчжоу и его муниципальными и правоохранительными службами. Часто случались перегибы, в результате которых страдали законопослушные африканцы. Неизбежно осложнилось и отношение местных жителей к мигрантам. Так, Патрик, бизнесмен из Ганы, поделился своим впечатлением: «От Сяобея до Сяньюаньли некоторые домовладельцы отказали нам в аренде дома. Я не знаю почему. Моя дочь ходит в школу в районе Байюнь. Мы не хотим жить слишком далеко от района, где находится школа. Мы подумали об этом два месяца назад. Я сменил дом, но не могу найти новый в течение двух месяцев. Несмотря на то, что у меня есть все документы и хорошие отношения с правительством, я сознательно избегаю полиции, потому что полиция очень активно проверяет меня всякий раз. Иногда

¹⁹² Ibidem.

они не только проверяют визу и разрешение на проживание, но и задают ряд других вопросы, которые очень задерживают и отнимают время»¹⁹³.

Несмотря на то, что даже на пике развития африканской торговой площадки в Гуанчжоу в городе не сложилось иммигрантского сообщества, а приехавшие сюда предприниматели оставались именно приезжими, не намеренными прочно встраиваться в местную жизнь, определенная сеть социальных связей, основанная на языке, эмоциях, интересах, этничности и религии, между ними всё же сложилась. Маркерами этого стала реакция на оба инцидента с гибелью африканцев в 2009 г. и 2012 г. Лю Хунъянь и Го Динпин приводят на этот счет слова одного из африканских мигрантов, пожелавшего остаться анонимным: «У них есть ассоциации бизнесменов и множество групп. В этих двух инцидентах погибли нигерийцы. Протесты были организованы нигерийской ассоциацией бизнесменов и нигерийскими группировками. Они подняли общества Фошаня, Дунгуаня, Шэньчжэня и других мест. Пришли африканцы, и нигерийская ассоциация раздавала деньги тем, кто пришел участвовать в акции протеста, эти деньги были получены из компенсации за погибшего». В данном случае принципиально то, что одной этнической организации удалось мобилизовать представителей других общественных структур африканских мигрантов, мотивировать их (пусть и платно) на открытую акцию протеста, которая всегда рискованна¹⁹⁴.

Сотрудники «Гуанчжоу жибао» Чжао Цзюцзюнь и Ань Юаньюань фиксируют, что основная часть выходцев из Африки, которые подпадают под категорию так называемых деклассированных элементов и как раз соответствуют всем характеристикам нарушителей «принципа “трех не”», проживают в Гуанчжоу в особых кварталах, которые авторы называют «деревнями в черте города» (то есть пространствами с уровнем и качеством жизни, разительно отличающимися от окружающих городских территорий, заселенных китайцами). По словам публицистов, мигранты сосредотачиваются

¹⁹³ Ibidem.

¹⁹⁴ Ibidem.

именно в таких местах из-за невозможности платить «ренту», то есть обеспечивать себе проживание в более приемлемых условиях. Такая «рента», или – иными словами – платежеспособность мигрантов, и обуславливает расположение зон их компактного проживания в Гуанчжоу.

Примечательно объяснение подобной сегрегации, какое дают авторы. Они считают, что этим «низшим социальным слоям африканских мигрантов», которых нельзя назвать материально состоятельными, трудно в короткий срок адаптироваться к новым условиям – преодолеть непривычное для них воздействие географической среды, а также «различия в образе жизни» с местным населением. Потому-то они и оседают в тех районах города, которые считаются неблагополучными – а значит, доступными в силу существующих там расценок на жилье и предметы первой необходимости, – причем, как правило, остаются здесь надолго. В свою очередь, инкорпорирование в больших количествах в городскую среду Гуанчжоу этого чуждого элемента приводит к появлению в этом мегаполисе «определенного ландшафта»¹⁹⁵.

Таким образом, можно заключить, что «принцип “трех не”» является не только правовой категорией, но и некоей негативной идентичностью, которая становится в местах компактного расселения африканских мигрантов серьезной силой, фактором, определяющим в этих ареалах повестку как правоохранительной деятельности, так и специфической региональной работы с местным коренным населением.

Чжао Цзюцзюнь и Ань Юаньюань, с одной стороны, свидетельствуют о появлении «новых задач» в деле «социального управления группами мигрантов в соответствии с “принципом ‘трех не’”». Однако, с другой стороны, переходя на уровень конкретных муниципальных практик Гуанчжоу, они вынуждены констатировать, что несмотря на все усилия городских властей, в этом мегаполисе «так и не была эффективно решена» задача наведения порядка среди африканских мигрантов в плане соблюдения ими «принципа “трех не”». Авторы

¹⁹⁵ 赵聚军,安园园 [Чжао Цзюцзюнь, Ань Юаньюань]. Op. cit. P. 57.

приводят статистику, которая показывает, что в конце первого десятилетия XXI в. количество мигрантов из Африки, нарушавших ограничения, устанавливаемые «принципом “трех не”», стабильно возрастало. В Гуанчжоу количество одних только задержанных за несоблюдение хотя бы одного «не» в период с 2008 по 2010 г. увеличилось в три раза – с примерно 500 до приблизительно 1500. Более того, правоохранные органы Гуанчжоу сталкиваются не с какими-то повторяемыми и в общем-то рутинными нарушениями, но со всевозрастающими трудностями, занимаясь расследованиями, связанными с несоблюдением «принципа “трех не”». Так, например, летом 2009 г. убежавший от полиции Гуанчжоу африканец скоропостижно скончался, из-за этого около ста мигрантов-африканцев напали на полицейский участок, чтобы отомстить за смерть своего товарища. Похожие конфликты случались в Гуанчжоу и позже.

Выводы, которые делают Чжао Цзюцзюнь и Ань Юаньюань из анализа положения африканских мигрантов в Гуанчжоу, выглядят противоречивыми.

С одной стороны, авторы констатируют, что подавляющее большинство этих переселенцев «имеют низкий уровень образования» (а значит, как это прочитывается между строк, – и культуры, а также поведенческих норм). Следовательно, они могут претендовать исключительно на низкоквалифицированные виды деятельности («зарабатывают на жизнь, работая неполный рабочий день или занимаясь мелкой торговлей»), при этом «зависят от торговцев своей же этнической принадлежности» и в итоге «представляют собой группы с низким уровнем дохода». Казалось бы, читатель статьи подводится к мысли, что мигранты сами виноваты в том, что оказываются социальными маргиналами без всякой надежды на улучшение своего положения.

Но, с другой стороны, Чжао Цзюцзюнь и Ань Юаньюань усматривают причину столь безнадежного положения африканских мигрантов в Гуанчжоу и в отношении к ним со стороны местного населения, которое стремится изолироваться от «чужаков» и не пересекаться с ними в собственном социальном пространстве. Получается замкнутый круг: изначальный социокультурный

уровень преимущественной части приезжих из Африки мешает им найти достойную работу – а значит, обрести легальный статус, попасть за пределы пространства действия «принципа “трех не”». Поэтому они как социально опасные элементы отторгаются китайским обществом, оказываются в своего рода социальной резервации, становятся неспособными вырваться из своих «гетто» и в результате вынужденно уходят в криминальную сферу. Тем самым они перечеркивают себе путь к легализации и улучшению положения, так как «их поведение еще больше усиливает сопротивление и беспокойство китайского общества». Иными словами, изначальная деклассированность провоцирует изоляцию, а изоляция консервирует и даже усугубляет, делает фатальной и непреодолимой такую деклассированность, поскольку, «выражая недовольство собственной отверженностью со стороны местного населения, мигранты начинают совершать разного рода противоправные действия», среди которых исследователи называют распространение наркотиков и преступления против имущества граждан КНР, в том числе связанные с проявлением в отношении них насильственных действий. (Так, в соответствии с приводимой в статье статистикой, если до 2000 г. в Гуанчжоу только 5% дел, которые рассматривались в судебных инстанциях, имели отношение к иностранцам, то через 10 лет этот показатель увеличился более чем в три раза, при этом подавляющее большинство дел составили разбирательства, связанные с незаконным оборотом наркотиков.) Навешиваемые на мигрантов из Африки «социальные ярлыки» носителей криминальных сознания и поведения приводят к их консолидации на негативной по отношению к китайским гражданам основе, а также к созданию благоприятных условий для «этнических конфликтов, которые уже начали происходить». «В долгосрочной перспективе такой механизм “отталкивающей” маркировки, вероятно, приведет к маргинализации некоторых групп африканских мигрантов и будет способствовать

формированию этнической сегрегации», – заключают Чжао Цзюцзюнь и Ань Юаньюань¹⁹⁶.

Как и любые другие мигранты, африканцы в Гуанчжоу пытаются расширить свое социальное пространство. Однако они столкнулись со многими препятствиями при попытке проникнуть в жилые районы города. Эти препятствия заключаются в сопротивлении местного населения, различных ограничениях, вводимым агентствами по управлению жилищным фондом, и притоке большого числа африканцев без надлежащих визовых документов. Когда африканцы впервые приехали в Гуанчжоу, местные жители и агентства, занимающиеся арендой жилья, обычно не возражали против сдачи домов приезжим для ведения их бизнеса или проживания. В скором времени из-за сильной текучести съемщиков, сложности коммуникаций с ними, регулярной задолженностью по квартплате и порчи мебели и домашнего имущества предложения африканцам площадей для аренды заметно уменьшились. На эти негативные моменты отреагировал и местный рынок аренды жилья – была заметно повышена плата.

Еще одной причиной образование поселений с компактным проживанием африканских мигрантов стал большой приток нарушителей «принципа “трех не”». Таким лицам приходится подселаться к уже находящимся в Гуанчжоу родственникам или знакомым из их этнической группы. Подобные перенаселенные жилплощади становятся рассадниками криминальной деятельности и не способствуют продвижению положительного имиджа африканцев в КНР.

По мере того, как в Гуанчжоу росла численность африканских мигрантов, их первоначальное смешанное сосуществование с местными жителями исчезало. Ограничительные меры привели к четкой дифференциации мест проживания граждан КНР и приезжих. Лица с низкими доходами и не сумевшие встроиться в высокодоходный бизнес осели в «городских деревнях», то есть кварталах с как

¹⁹⁶ Ibid. P. 58–59.

правило низкоэтажной застройкой и практически полностью заселенных приехавшими африканцами. Местное население Гуанчжоу, как правило, предпочитает даже не появляться на этих территориях. Материальная неустойчивость основного населения «городских деревень» Гуанчжоу провоцирует его криминализацию, которая заключается как в противоправной деятельности (торговле наркотиками и совершении других преступлений), так и в стойком нарушении визовых правил.

Однако постепенная реконструкция кварталов «городских деревень» в районах Тяньхэ и Саньюанли приводит к уменьшению того социального пространства, на которое могут рассчитывать малообеспеченные африканцы. Это вынуждает их либо переселяться в другие города близлежащей округи (например, в Фошань), либо вообще уезжать из Китая.

С ростом обменного курса юаня по отношению к доллару США, повышением цен на квадратные метры на торговых площадках в Гуанчжоу и близлежащих городах и округах, увеличением затрат на рабочую силу и относительным спадом в африканской экономике прибыль от ведения бизнеса в Китае значительно сократилась. Это стало ослаблять мотивацию африканцев приезжать в Гуанчжоу.

Под давлением общественного мнения со стороны граждан КНР контроль за африканцами в Гуанчжоу становился все более строгим. После вспышки лихорадки Эбола в Западной Африке в начале 2014 г. районы компактного проживания африканцев в Гуанчжоу превратились в своего рода линию фронта противостояния этой эпидемии. Некоторым владельцам краткосрочных виз было запрещено получать временную регистрацию. Наказания за нелегальное проживание также было ужесточено.

Поэтому в начале 2015 г. некоторые африканцы, создавшие торговые компании в Гуанчжоу или работавшие представителями компаний в Китае, начали покидать Гуанчжоу, чтобы отправиться в Японию, США, Вьетнам и другие страны для исследования новых рынков сбыта.

В африканском сообществе Гуанчжоу появилось стойкое убеждение, что в страны Запада иммигрируют социально неадаптивные африканцы, а в Китай едут их гораздо более предприимчивые соотечественники, 40% которых имеют высшее образование, а у некоторых даже есть докторская степень.

Мадина Диалло рассказала, что с 2002 г. она экспортирует 250 контейнеров в год в свою родную Гвинею, продавая все, от матрасов до автоматов для попкорна. За один контейнер можно заработать 1500 долларов, или около 380 тыс. долларов в год. Это настоящий капитал для страны, где валовой национальный доход на душу населения составляет 470 долларов.

Мустафа Диенг поделился с CNN, что в 2000 г. африканцы все еще импортировали оригинальные Nike и Adidas из США. «Когда мы начали покупать подделки в Китае, мы могли продавать их в Сенегале по той же цене, что и настоящие вещи из США. Никто не знал о Китае и его подделках. Мы получили более 100% прибыли», – сказал Мустафа Диенг.

Однако пик доходности китайской торговой площадки для африканских предпринимателей, похоже, прошел. Африканские потребители не готовы платить за китайские подделки столько же, сколько за оригинальные изделия. К тому же под растущим международным давлением китайское правительство вынуждено защищать глобальные бренды и ввело серьезные наказания за нарушение прав на товарные знаки. Мустафа Диенг показал репортеру CNN текстовое сообщение, отправленное ему владельцем фабрики в Гуанчжоу: «Начиная с 2016 г. прекратите копировать товарные знаки Adidas, Nike и Unilever».

Кроме того, отпускные цены на китайские товары также растут, а повышение курса юаня сократило размер прибыли.

Фелли Мвамба, неформальный «посол» Демократической Республики Конго в Гуанчжоу, сказал корреспонденту CNN, что в 2006 г. здесь проживали 1200 конголезцев. На момент интервью это число сократилось до 500.

Аналогичные «послы» из Гвинеи и Сенегала также сообщили CNN о такой же тенденции¹⁹⁷.

Одной из причин кризиса африканской торговли стал отказ Китая от производства контрафактной продукции. Так, для прекращения многолетней продажи контрафактной и низкокачественной продукции, нарушавшей права интеллектуальной собственности, в Гуанчжоу в 2011 г. прошла специальная кампанию «двойной борьбы» (против производства и продажи поддельных и некачественных товаров), во время которой китайско-африканский торговый городок был снесен и закрыт. По этому поводу один предприниматель из Ганы заметил: «Китайские товары могут быть плохого качества, но их можно использовать или использовать частично. Китайские товары не могут использоваться долго, но они приносят пользу африканцам»¹⁹⁸.

Г. Мэтьюз видит причины кризиса африканской торговой площадки в Гуанчжоу в общемировом кризисе «глобализации низкого уровня». По его словам, Гуанчжоу в начале XXI в. был чем-то похож на Нью-Йорк конца XIX в.: сюда съезжались авантюристы со всего мира, чтобы «обжиться» и найти свое место. «Эти бизнесмены принесли в Китай глобализацию, хотя эта “глобализация” была далека от привычного глобального производства iPhone или Volkswagen, она отличалась от транснациональных корпораций с толстыми кошельками и большим штатом сотрудников – ее можно осуществить с небольшим капиталом и даже в одиночку». Ядром «глобализации низкого уровня» является группа «челноков», которые приезжают из развивающихся стран Ближнего Востока, Африки и Южной Азии и отправляют дешевые товары с мировых фабрик обратно в свои страны.

Первые данные о количестве африканцев в Гуанчжоу появились после вспышки лихорадки Эбола в 2014 г. Согласно данным, обнародованным на

¹⁹⁷ 欧昌梅,刘吉武 [Оу Чанмэй, Лю Цзю]. Op. cit.

¹⁹⁸ 林丹 [Линь Дан]. 生滚粥 5:低端全球化和交往中的人 [Как я исследовал африканцев в Гуанчжоу]. 2021. September 15 // [Электронный ресурс]: <https://www.ximalaya.com/renwen/36583171/309284520> (дата обращения: 11.01.2024).

Рабочей конференции по профилактике и борьбе с эпидемией лихорадки Эбола в Гуанчжоу в октябре того же года, с января по октябрь в общей сложности 438 тыс. африканцев въехали и выехали из Гуанчжоу, из которых около 15 570 африканцев фактически проживали в Гуанчжоу, из них на постоянной – примерно 4096 человек. В 2016 г. Бюро общественной безопасности Гуанчжоу опубликовало новые данные: фактическое количество африканцев в Гуанчжоу составляет около 11 тыс. человек.

По поводу подделок брендов Абдинасир, 29-летний кениец в Гуанчжоу, в беседе с Г. Мэтьюзом заявил: мораль – это «языковая уловка», а правила игры включают налоги, ренту, интеллектуальную собственность. «Если я их приму, у меня не будет никаких шансов». Между тем у него в Хуаньшидуне имеется вполне нормальный – по меркам Гуанчжоу – для логистической компании такого масштаба офис площадью около 20 квадратных метров, с кондиционерами, телевизором и Wi-Fi. Абдинасир арендует его с 2012 г. Большинство его клиентов – это соотечественники из Кении. По словам Абдинасира, африканские «челноки» работают только с представителями своей страны. «Китайцы всегда относятся к Африке в очень общем смысле, но единой Африки не существует ни в политическом, ни в культурном отношении, и различия между некоторыми странами больше, чем различия между Японией и Пакистаном», – подчеркнул он.

Для африканских предпринимателей в Гуанчжоу юридически оформленные контракты мало что значат. По словам одного западноафриканского бизнесмена, который до переселения в Гуанчжоу несколько лет работал в Великобритании, в Китае контракты – это все равно что туалетная бумага.

Так, например, Али, сомалийский бизнесмен, продемонстрировал типичный пример «доверенности»: соотечественник попросил его оплатить 20 тыс. юаней производителю, посреднику и за логистику. На листе белой бумаги не было никакой другой информации, кроме нескольких написанных от руки имен и номеров. Али сфотографировал его на свой мобильный телефон и

отправил фотографию клиенту в Сомали. «Вот как мы торгуем, и “контракты” в основном одинаковые», – прокомментировал он.

Зато личная репутация исключительно важна. Логистический оператор из Нигерии так высказался по этому поводу: «Если бы я кого-то подставил, эти люди не пошли бы в суд, а вернулись бы в свой родной город и сказали бы моему отцу, брату и всем остальным: “Вы знаете этого нигерийца в Китае? Он лжец, никогда не имейте с ним дела!”»

Для разрешения неизбежно возникающих конфликтов между африканскими партнерами выбирается посредник из числа лиц, пользующихся доверием национальной общины. Так, в 2010 г. на одном из рынков Гуанчжоу произошел конфликт между двумя нигерийцами. Предприниматель, приехавший за покупками, нашел в магазине продавца партию краденого товара. Был приглашен посредник-нигериец, который провел расследование. Оказалось, что покупатель некоторое время назад приобрел партию одежды на сумму 5 тыс. долларов и отправил ее в расположенную неподалеку грузовую компанию, принадлежащую китайцу. По дороге за ним начали следить воры и украли часть товара. Затем эти воры перепродали товар нигерийцу – хозяину магазина, в котором обокраденный и нашел свой товар. В итоге посредник привел стороны к соглашению: обокраденный должен был выкупить свой пропавший товар, потому что он выбрал ненадежную транспортную компанию, но по цене ниже рыночной, поскольку магазин не должен принимать товар неизвестного происхождения.

Когда африканское торговое общество в Гуанчжоу только еще складывалось, китайцы регулярно обманывали мигрантов. Местные предприниматели считали, что совершают разовую сделку и больше никогда не встретят данного конкретного «челнока». По этому поводу африканцы до сих пор говорят: «Мы верим в Бога, китайцы верят только в золото».

Одним из неперемennых принципов, которому необходимо придерживаться рыночным акторам, участвующим в «глобализации низкого уровня», является предельная осторожность во время сделки. Продавцу следует уделять внимание

каждому ее этапу – от просмотра образцов, размещения заказов и поддержания связи с производителем для подтверждения качества товаров до окончательной отгрузки. Это требует длительного времени, которое часто превосходит сроки виз предпринимателей. Отсюда нарушение визового режима – это типичная проблема для африканцев Гуанчжоу. Лидерами по просроченным визам являются нигерийцы, хотя некоторые из них просто забывают вовремя подать документы на продление и надеются как-то обойти проблемы с правоохранительными органами.

Контроль за африканскими мигрантами ужесточился в 2014 г. Именно тогда был закрыт ночной рынок, на улицах установили камеры наблюдения, а главное – более строгим стали визовые проверки. Это означало начало завершения «золотого века» китайской «глобализации низкого уровня»¹⁹⁹.

Х. Хауген и М. Дидерих в середине 2010-х гг. взяли интервью у нескольких десятков гамбийских мигрантов в Гуанчжоу, из которых следовало, что по крайней мере в этом этническом сообществе сильны настроения покинуть Китай и вернуться домой. 25-летний Ламин Сизей приехал в Китай в 2015 г. Но новая жизнь оказалась совсем не такой, какой он ее себе представлял. Работы, которая, как обещали визовые дилеры, поможет ему расплатиться с долгами за три месяца, не было. Когда Ламин Сизей попытался переехать в Гонконг, где, как он слышал, больше возможностей трудоустроиться, полиция сопроводила его обратно в Гуанчжоу. И тогда он решил вернуться. Но одновременно он стал активно дезавуировать распространенные в Гамбии представления о Китае как стране с колоссальными возможностями для мигрантов. Ламин Сизей стал участвовать в местных радиопередачах, отвечая на вопросы звонивших о жизни и работе в Китае. Он завел страницу в Facebook «Кошмар гамбийцев в Китае», подробно описывая неприятные и опасные ситуации, в которых оказались он и другие его соотечественники в КНР. Его история вместе с историями других

¹⁹⁹ 李麗 [Lu Hu]. Op. cit.

вернувшихся домой гамбийцев легла в основу нового сайта <https://uturnasia.wordpress.com/>, созданного Х. Хауген и М. Дидерих²⁰⁰.

Ню Дун и Чжан Чжэньцзян считают, что африканское сообщество в Гуанчжоу можно разделить на три концентрических слоя. Ядро – бизнесмены (и их африканские друзья, родственники, деловые партнеры и т.д.), следующий слой – организации, созданные мигрантами, внешний слой – взаимоотношения африканских бизнесменов с китайцами (друзья, брак). Африканских предпринимателей можно разделить на постоянных и перемещающихся. Постоянный – это бизнесмен, владеющий магазином или офисом в Гуанчжоу. Таких, в свою очередь, можно разделить на две категории. Одна – это торговый посредник между Гуанчжоу и Африкой, основная целевая аудитория которого – африканские торговцы и африканские покупатели, включая оптовые магазины и логистические компании. Другая – ориентированные на обслуживание африканских клиентов, находящихся в Гуанчжоу (рестораны, парикмахерские и т.п.). У перемещающихся нет собственных магазинов или офисов, большинство из них приезжают в Гуанчжоу 2–4 раза в год, остаются в городе в течение месяца, пока действует виза, и каждый раз покупают товаров на сумму 20–30 тыс. долларов.

Ню Дун и Чжан Чжэньцзян убеждены, что снижение конкурентоспособности китайских товаров будет означать, что африканские бизнесмены больше не будут приезжать в Китай. Они видят три возможных дальнейших сценария. Первый – кризис. С модернизацией промышленности в районе дельты Жемчужной реки в Китае и ее перемещением в другие развивающиеся страны, подходящие для бизнеса, население африканцев в Гуанчжоу постепенно сократится, как и масштабы их концентрации, или африканцы переключатся и переедут на трудоемкие фабрики во внутренних провинциях. Конечно, последнее маловероятно, ведь африканцам нужно часто покидать страну для продления визы или транзита из Гуанчжоу. Второй –

²⁰⁰ *Haugen H.Ø. Chinese Exports to Africa: Competition, Complementarity and Cooperation between Micro-Level Actors. P. 159–171.*

развитие. Из-за старения населения Китая будет создан огромный рынок дешевой рабочей силы, и страна откроет рабочие места в Китае для населения развивающихся стран, включая всех иностранцев, в том числе и африканцев Гуанчжоу. Третий – сохранение нынешнего уровня. Во многом для того, чтобы должным образом справиться с давлением внутреннего общественного мнения, которое не приемлет африканцев, сохранятся нынешнее количество и степень интеграции африканцев в Гуанчжоу²⁰¹.

Несмотря на явный кризис африканских торговых сетей в КНР и, в частности, в Гуанчжоу, на перспективах самой миграции он качественным образом пока не сказался. Старение китайского населения, вызванное политикой по сокращению рождаемости, обусловило запрос на молодую рабочую силу, которая в данной ситуации может быть только внешней²⁰².

Несмотря на межэтническую разобщенность, представители каждой из африканских стран образовали хорошо структурированы в иерархические профессиональные сообщества. В этих сообществах каждый уровень стал выполнять свои функции по обеспечению торговых цепочек, связывавших КНР с африканскими странами. Помимо кооперации внутри национальных общин, африканские мигранты выстраивали сотрудничество с гражданами КНР, которых включали в свой бизнес на разных условиях. Однако языковые трудности, усиленные социокультурными нестыковками, сильно осложняли совместную работу африканцев и китайцев. Африканцы недовольны отсутствием креативности и инициативности у их китайских партнеров.

Помимо внешних для африканского сообщества факторов – таких, как ужесточение визовых правил, возникновение интернет-площадок, борьба с контрафактом и коронавирус, – кризис торговой площадки в Гуанчжоу усугублялся также усиливавшимся недовольством приехавшими в страну иностранцами со стороны местного населения, опасением роста расистских

²⁰¹ 牛冬,张振江 [Ню Дун, Чжан Чжэньцзян]. Op. cit.

²⁰² 苏浩浩 [Су Хаохао]. Op. cit.

настроений, появлением у африканских предпринимателей новых перспектив, не связанных с КНР. Гуанчжоу продолжал по-прежнему оставаться главной торговой площадкой КНР, однако объемы проводимых в городе транснациональных торговых операций существенно уменьшились. Эксперты стали прогнозировать трансформацию и спад деловой активности африканцев в Гуанчжоу.

Глава 3. Восприятие африканских мигрантов гражданами КНР

3.1. Антиафриканские настроения в китайском обществе

Китайское общество сложно привыкает к инокультурному элементу, образовавшемуся в его среде. Как отмечает А. Бодомо, даже вполне правовые вопросы, связанные с африканскими мигрантами, в КНР имеют под собой именно социокультурное неприятие общества-реципиента. Наиболее фундаментальная проблема, вызывающая недовольство африканцев, пересекающих иммиграционные и таможенные контрольно-пропускные пункты в Гонконге и других городах Китая, отмечает он, связана не столько с языковым и культурным непониманием, сколько со стереотипами, подсознательно увязываемыми с расовой принадлежностью²⁰³.

Как правило, такая предвзятость проявляется прежде всего на бытовой почве. Один репортер из Уганды заметил по этому поводу: «Я был в Германии, Бельгии, Великобритании и Южной Африке до того, как приехал в Китай, но в Китае я обнаружил, что китайцы не очень хорошо привыкают к африканцам. Например, если кто-то из африканцев в автобусе коснется китайца, то китаец проявит нескрываемое отвращение. Китайцы будут держаться от меня подальше, а некоторые закроют нос, когда не смогут отодвинуться от меня подальше, даже если я не пользуюсь духами»²⁰⁴.

При этом сами африканцы не склонны усматривать во всех подобных проявлениях элементы расистских настроений китайцев.

Журналисты Би-Би-Си взяли интервью у нескольких африканцев, которые учатся или работают в материковом Китае и Гонконге.

Акон из Ганы изучает китайский язык в Пекинском университете языка и культуры, он часто берет интервью у других африканцев в Китае и загружает клипы в социальные сети. По его словам, в больших городах – таких, как

²⁰³ См.: *Bodomo A. The African Traveller and the Chinese Customs Official: Ethnic Minority Profiling at Border Check Points in Hong Kong and China?*

²⁰⁴ 牛冬 [Ню Дун]. Op. cit.

Гуанчжоу, – местные жители никак не реагируют на его африканскую внешность. Но в маленьких городах и в сельской местности китайцы ведут себя иначе – они «даже берут свои мобильные телефоны, чтобы сфотографироваться».

Муанг из Камеруна часто бывает в Китае. Он считает, что время, когда китайцы с изумлением смотрели на африканцев, давно прошло. Да и раньше такое изумление не содержало в себе негатива. «Они просто смотрели на меня и, возможно, говорили себе, что это просто еще один нормальный парень», – считает Муанг.

Купман из Южной Африки преподает английский язык в учебном центре в Сиане. Она рассказала, что впервые почувствовала себя «дискриминированной» в метро. По ее словам, когда ей случается сидеть в вагоне метро, никто другой не хочет садиться рядом с ней – независимо от того, насколько переполнено метро в это время. «В первый раз, когда что-то подобное произошло, я подумала, что это был собственный выбор человека, а потом что-то подобное произошло снова, и я начала понимать, что происходит».

Муангер из Камеруна полагает, что казусы в отношениях с китайцами не следует тут же объяснять их расизмом. «Вы можете себе представить, что некоторые китайцы, приехавшие на работу в деревню моего родного города в Камеруне, получают подобный опыт. Им просто любопытно, и они хотят знать, откуда этот человек».

Мойо, зимбабвийка, работающая в Гонконге, также придерживается мнения, что на ее родине к китайцам также было бы повышенное внимание: «Когда они приезжали в сельскую местность, дети там в спешке убегали, потому что не понимали, почему эти китайцы так отличаются от них самих»²⁰⁵.

Более того, и сами китайцы в своих публичных заявлениях стараются подчеркнуть, как минимум, свою снисходительность к чужакам, а то и вообще

²⁰⁵ 非洲人谈在中国经历:会被人盯着看但他们只是好奇 [Африканцы рассказывают о своем опыте в Китае: на них смотрят из любопытства] // 参考消息网 [Новостная сеть]. 2017. December 10 // [Электронный ресурс]: http://m.news.cn/world/2017-12/10/c_129761465.htm (дата обращения: 31.01.2024).

толерантность. Хотя примеры бывают самые разные. Так, жители Гуанчжоу знают места сосредоточения африканцев, но предпочитают не общаться с ними. Один из пожилых китайцев так ответил на вопрос, почему местные жители не контактируют с африканцами: «Куры не разговаривают с утками, и я не могу понять, о чем они говорят».

Репортер встретил в магазине трех женщин из Ганы. Одна из них сказала ему: «Китайцы слишком традиционны. Когда мы идем по улице, многие люди смотрят на нас, как на инопланетян».

С одной стороны, африканцы в Гуанчжоу предпочитают ездить не на общественном транспорте, а на такси. Но, с другой стороны, если цена за поездку кажется им слишком высокой, они начинают торговаться. По словам таксистки Дэн Цзинъи, «как только стоимость проезда превысит 40 юаней, африканцы говорят, что мы намеренно поехали более длинной дорогой, или торгуются с нами и не дают топливных надбавок. Может быть, это не принято у них, но это неуважительно для нас. Если с ними говорить дружелюбно, они говорят: “Будь моей девушкой”. Это ошеломляет. И смех и грех». Таксист Чжан дружелюбно замечал: «Я восхищаюсь их предпринимательским духом, они очень усердны. Некоторые из них хорошо знают язык и говорят на стандартном мандаринском диалекте. У них хорошее чувство музыки. Они часто спрашивают, есть ли музыка, как только сядут в машину. Они очень хорошо это понимают. Талантливо подпевают под музыку».

Первая трудность, с которой сталкиваются африканцы, приехавшие в Китай, – это язык. Дженни из Нигерии рассказала репортеру, что она юрист и владеет магазином в Китае, продает часы, женскую одежду и сумки. «Языковая проблема – самая большая трудность, с которой я столкнулась, – отметила она. – Может быть, китайцы стесняются и не хотят с нами разговаривать? Может быть, это потому, что мы черные, и они не хотят с нами разговаривать? Торговаться с китайцами очень сложно». Затем, указав на фрукты, которые купила, она подчеркнула: «Мальчик в фруктовом магазине может говорить по-английски, лишь поэтому я смогла их купить». Примечательно, что в самом

начале интервью с репортером Дженни прямо спросила: «Это платно?» Услышав отрицательный ответ, она тут же бесцеремонно и резко заявила: «В нашей стране люди дружелюбны, и в этом случае обе стороны сидят вместе, и репортер покупает мне выпивку»²⁰⁶.

Вместе с тем в китайском обществе имеются и проявления расистских настроений. Их первые ростки – как выступления в «защиту местных женщин» – уже начали проявляться в студенческих конфликтах против африканских студентов еще в 1980-х гг.

В последние годы многие комментаторы начали присоединяться к обсуждению «античерного» дискурса, используя образы древних романтических костюмов из онлайн-романов, чтобы представить выбор китайских (ханьских) женщин как «самостоятельную» поддержку «однорасовых» браков. Например: «Китаянка может выйти замуж лишь в китайском свадебном наряде красного цвета и лишь за китайского юношу». (Красный – это традиционный цвет наряда для китайской невесты, тогда как белый в Китае – традиционный цвет траура, несмотря на популярность в настоящее время свадеб в «европейском стиле» с белым и платьями.) Или: «Либо пышная свадьба по китайским традициям, либо погребальное покрывало из белой парчи». Или: «Мечта моей жизни – чтобы посватался ко мне китайский юноша, чтобы восемь носильщиков несли мой свадебный паланкин, чтобы был на мне “венеч феникса” и алая накидка-сяпэй. Клянусь скорей умереть, чем выйти замуж за инородца. Дожил до 15 лет и не слыхала, чтобы среди 56 цветов был черный».

В середине 2010-х гг. обратила на себя внимание реклама прачечной Qiaobi. В ней китайская девушка отстирывает в стиральной машине африканца, и он превращается в китайца. Основной проблемный момент этой рекламы в том, что она сравнивает кожу чернокожего человека с грязной одеждой и пытается рекламировать капсулы для стирки с помощью расистской риторики, предлагая «отстирать его добела». Но расизм в этом рекламном ролике заключается еще и

²⁰⁶ 老木 [Lao Mu]. Op. cit.

в неявно продвигаемом гендерном конструкте: предприимчивые китайки (предприимчивость проявляется в умении вести быт) должны выбирать себе в партнеры светлокожих китайских/восточноазиатских/ханьских мужчин; такие мужчины являются более предпочтительными партнерами, чем чернокожие²⁰⁷.

Причем подобные проявления свойственны обществу не только КНР, но и Тайваня. Так, один обзреватель африканского происхождения на Тайване для получения тайваньской визы должен был пройти медосмотр. Ему были назначены дополнительные обследования, которые не предписывались другим иностранцам. На вопрос – почему – медсестра ответила: «О, это потому, что вы не пользуетесь посудой для еды, это очень грязно».

Одному из африканцев сказали на Тайване: «Ты пахнешь своей едой». Когда он разогревал еду в своем бывшем офисе, ему запретили использовать микроволновую печь, потому что после в ней оставался резкий запах.

Обратил на себя внимание пост в социальной сети с обращением к преподавателям английского языка, преподающим на Тайване, с указанием его «расовых требований»: «Внешность: белый или европеоид, не азиат, не индеец, не коричневый или черный».

Некоторые иностранные преподаватели даже получали такое сообщение: «Наши учителя очень довольны вашими обучающими видео. У нас просто есть претензии к вашему ассистенту. Наши учителя боятся, что вы найдете чернокожих учителей для ведения уроков. Мы не хотим, чтобы дети, когда приходят домой, что-то обсуждали, мы предпочитаем только белых учителей-иностранцев, и я надеюсь, вы понимаете, что я имею в виду».

Она африканка поинтересовалась статусом ее заявления о приеме на работу в качестве замещающего учителя и получила следующий ответ: «У меня есть ваше расписание, я пробовал несколько классов, но им нужны светлокожие учителя».

²⁰⁷ 黃琨 [Хуан Кунь]. Op. cit.

Всякий раз, когда автор цитируемой публикации пытался поднимать вопрос о расизме в сфере образования на Тайване, ему отвечали: «О, вы знаете, в других странах – таких, как Китай, Япония или Южная Корея, – хуже, чем на Тайване»²⁰⁸.

Объяснения подобных проявлений даются разные – теми китайцами, которые живут и публикуется в КНР, и теми, кто работает на Западе.

Так, публицисты из КНР Нью Дун и Чжан Чжэньцзян утверждают, что «расовое противопоставление чернокожим в Гуанчжоу проистекает из традиционного китаецентричного дискурса о варварах и представления о расовой иерархии в западном стиле». При этом в общественном мнении Гуанчжоу африканцы подвергаются стигматизации за цвет кожи, запах, болезни, такие культурные символы, как одежда, прическа, изобразительное искусство, показатели социального поведения, в частности, склонность африканцев собираться на улице и в других общественных местах, алкоголизм, кредитоспособность, отношения мужчин и женщин, криминальную репутацию, символы и культуру коммерческого потребления, популярные у мигрантов²⁰⁹.

А вот живущая в Амстердаме Шаньшань Лань высказывается гораздо более резко по поводу своих соотечественников. По ее словам, «в традиционном китайском обществе цвет кожи указывает не на какие-либо неизменные биологические характеристики, но на статус класса». При этом «распространение западной расовой идеологии в Китае в конце XIX в. способствовало распространению идей расовой неполноценности чернокожих среди китайской элиты». Современная политика Китая характеризуется «проафриканской политической идеологией на государственном уровне и антиафриканскими настроениями и практикой на индивидуальном и местном

²⁰⁸ 外國非白人」在臺灣,我所經歷的種族歧視:因膚色當不成老師,還有人驚訝我竟有「受教育」 [Иностранные «небелые» на Тайване, расовая дискриминация, которую я испытал: я не могу быть учителем из-за моего цвета кожи, и некоторые люди удивляются, что я «образованный». Анонимное письмо в редакцию]. 2021. April 17 // [Электронный ресурс]: <https://crossing.cw.com.tw/article/13857> (дата обращения: 18.01.2024).

²⁰⁹ 牛冬,张振江 [Нью Дун, Чжан Чжэньцзян]. Op. cit.

уровнях». Исследовательница отмечает «ключевую роль местных СМИ Гуанчжоу в формировании негативного образа африканцев как виновных в нелегальной иммиграции, торговле наркотиками, сексуальных преступлениях и распространении СПИДа». Отношение китайского государства к нарастающей миграции из африканских стран в Китай, по ее словам, неоднозначно. С одной стороны, официальные СМИ по-прежнему поддерживают риторику китайско-африканской дружбы и в целом замалчивают тему борьбы против черного расизма. С другой стороны, правительство также использует наиболее популярный у чернокожих мигрантов южный регион Китая в качестве экспериментального поля для тестирования новых мер иммиграционного контроля.

Внутри африканского сообщества в Гуанчжоу мнения о расизме в Китае разнятся. Некоторые утверждают, что расизм в Китае хуже, чем на Западе, потому что в Китае нет прав человека. Другие считают, что расизм в Китае в принципе отличается от расизма на Западе. В обоих случаях Запад служит важным ориентиром для восприятия африканцами отношения к ним в Китае²¹⁰.

Китайцы склонны переносить на потомков смешанных африканско-китайских браков характеристики африканцев, как физические и антропологические, так и поведенческие. Но это стереотипные мнения. Когда местные жители входят с таким представителями «второго поколения» африканцев в непосредственный контакт, их оценки меняются.

В ходе опроса, проведенного китайскими исследователями, выявились две точки зрения. Первую высказывали местные жители, которые в течение некоторого времени находились в контакте со «вторым поколением», они описывали свои представления о них как о заботливых, сострадательных, более наивных и честных. Вторая точка зрения принадлежала тем местным жителям, которые лишь раз сталкивались со «вторым поколением», по их мнению, у

²¹⁰ *Shanshan Lan*. The Shifting Meanings of Race in China: A Case Study of the African Diaspora Communities in Guangzhou // *City & Society*. 2016. Vol. 28. Issue 3. P. 298–318.

потомков смешанных африканско-китайских браков ни к кому нет сочувствия, они подозрительны и безответственны.

Китайцы в целом готовы к тому, что их дети подружатся с детьми из «второго поколения», но они также обеспокоены тем, что близкие отношения с такими детьми повлияют на формирование личности и эстетических представлений детей граждан КНР²¹¹.

Чжоу Ян и Ли Чжиган рассматривают сложности адаптации африканских мигрантов в китайском обществе в рамках специфической темы китайско-африканских браков и их восприятия местным населением. В качестве «поля» ученые выбрали Гуанчжоу – мегаполис, в котором сосредоточено много африканских мигрантов. Они отмечают, что за 30 с лишним лет реформирования КНР произошли фундаментальные изменения, затронувшие все стороны жизни китайского общества. И одним из таких изменений стала полная переориентация миграционной динамики: из традиционной «страны-экспортера» мигрантов Китай превратился в крупнейшую «страну-импортера» перемещающегося населения. Несмотря на очевидные трудности, связанные с адаптацией иммигрантов в закрытом китайском обществе, страна обладает сильной притягательностью для не просто зарубежных сообществ, но для этносов, не имеющих ничего общего ни с ханьским большинством, ни с каким-либо иным этносом современной КНР. Так, по данным городского департамента иммиграции, на 2014 г. в Гуанчжоу проживали около 118 тыс. новоприбывших. Из них более 70 тыс. являлись временными переселенцами. Процент представителей африканских стран был не слишком большим – всего порядка 14% (плюс более 4 тысяч человек, проживавших в городе более полугода). Из приведенной статистики авторы делают вывод, что этот мегаполис стал «местом наибольшего сосредоточения африканцев в Азии». Именно африканцы преобразили «культурный ландшафт» Гуанчжоу, сделали его «еще более разнообразным», в том числе и за счет смешанных африкано-китайских браков.

²¹¹ 林月坚 [Линь Юэцзянь]. Op. cit.

Но такие браки явились не только своеобразным украшением города, но и его ощутимой проблемой. Они подняли целый комплекс новых задач, среди которых: вопросы регистрации супругов из числа мигрантов, их правовое положение, обеспечение юридической поддержки на фоне регулирования процессов миграции. Собственно, статья и посвящена «систематическому исследованию китайско-африканских браков в Гуанчжоу», их «социальной адаптации». На примере этой частной темы авторы выходят на проблему «международной миграции в контексте развития глобализации в современном Китае»²¹².

Чжоу Ян и Ли Чжиган фокусируются на том «огромном социальном давлении», которое испытывают на себе смешанные африкано-китайские семьи, проживающие в Гуанчжоу. Авторы обращают внимание на то, что даже те из них, которые по всем основным параметрам могут считаться благополучными, продолжают испытывать негативное отношение со стороны местного населения, которое в большинстве своем отрицательно воспринимает такие браки. У граждан КНР не вызывают сочувствия и сопутствующие смешанным бракам сложности – например, сложности, связанные с получением китайских виз, или иные трудности, препятствующие членам смешанных семей воссоединиться друг с другом и общими детьми. В массовом сознании автохтонных горожан возникает, скорее, противоположное сочувствию отношение, в частности, мнение о необходимости «осторожнее относиться к выбору супруга». В данном вопросе также тесно переплетаются факторы, относящиеся к стереотипам общественного мнения, и абсолютно правовые вопросы, скажем, в состоянии ли законодательство, регулирующее въезд в Китай и выезд из страны, «лучше содействовать воссоединению смешанных семей и способствовать решению проблемы их долгосрочного разделения», в силах ли осуществляемые в стране реформы «сломать барьеры, препятствующие равномерному распределению ресурсов», мешающие обеспечению доступа к ним в том числе и

²¹² 周洋,李志刚 [Чжоу Ян, Ли Чжиган]. *Op. cit.*

для тех, кто не имеет гражданства КНР. Среди таких ресурсов авторы называют и «доступ к обязательному образованию» для детей из африкано-китайских семей²¹³.

Нагнетанию страстей по поводу взаимного восприятия африканцев и китайцев способствуют различные слухи. Например, в августе 2008 г. прошел слух, что 3 тыс. нигерийцев были арестованы и подверглись жестокому обращению со стороны китайской полиции²¹⁴. А 7 апреля 2020 г. в Гуанчжоу на очередном информационном брифинге по профилактике пандемии COVID-19 и борьбе с ней представители муниципальной комиссии здравоохранения Гуанчжоу, Бюро общественной безопасности Гуанчжоу, администрации районов Юэсю и Байюнь, а также Центра по контролю и профилактике заболеваний Гуанчжоу рассмотрели в том числе обсуждавшийся в аккаунтах WeChat вопрос, правда ли, что в Гуанчжоу проживают 300 тыс. африканцев. Участники брифинга опровергли эту информацию. Было сказано, что в районе Юэсю на начало апреля проживали 3642 человека, в основном из США, Мали, Нигерии, Канады и Австралии²¹⁵.

Высказывается и экономоцентричный взгляд на данную проблему. В нем первичной причиной отрицательного отношения к африканцам называется в том числе опасение конкуренции с их стороны на рынке труда, а уже потом следуют социокультурные угрозы: «Враждебность к иммигрантам возникает не только из-за осознания того, что иммигранты являются незаконными конкурентами, использующими экономические возможности и государственные ресурсы, которые им “не принадлежат”, но также из-за страха, что иммигранты изменяют преобладающий образ жизни, или основу национальной идентичности»²¹⁶. Из такой амбивалентности вырисовывается и обобщенный китайский портрет

²¹³ Ibidem.

²¹⁴ *Le Bail H.* Foreign Migration to China's City-Markets: The Case of African Merchants / *Asie Visions*, 19. Paris: Centre Asie Ifri, 2009. P. 19.

²¹⁵ 广州越秀有 30 万非洲人真相是? [Правда ли, что в районе Гуанчжоу Юэсю проживают 300 тысяч африканцев?].

²¹⁶ *Min Zhou, Shabnam Shenasi, Tao Xu.* Chinese Attitudes toward African Migrants in Guangzhou, China // *International Journal of Sociology*. 2016. Vol. 46. No. 2. P. 143.

африканца в Гуанчжоу – это, как правило, молодые мелкие и средние предприниматели, живущие в съемных малокомфортных жилищах, в так называемых чэнчжунцунях – районах, которые «являются самоуправляемыми анклавами и серыми зонами местного законодательства, где домовладельцы часто расширяют свои дома с помощью незаконных надстроек или нескольких перегородок, чтобы создать больше арендных единиц»²¹⁷. Несмотря на проступающую между этих строк определенную предвзятость в отношении «пришельцев», авторами аналитического материала подчеркивается, что коренное население относится к африканцам амбивалентно: оно «негативно воспринимает африканцев с точки зрения физической привлекательности, личностных качеств и способностей», вместе с тем не считает, что приехавшие из Африки «ленивы или изначально неразумны». Более того, китайцы считают, что мигранты способствуют развитию экономики Гуанчжоу. Несмотря на негативное восприятие африканцев, китайцы не считают их угрозой для страны или своего образа жизни. И повседневные взаимоотношения между китайцами и африканскими мигрантами в Гуанчжоу имеют характер обычного бытового сосуществования²¹⁸.

Однако эконоцентризм в отношении африканской мигрантской проблемы бывает и комплиментарным применительно к местному населению. Аналитики Лян Ючэн и Лю Хэцин подчеркивают, что проблема восприятия африканских мигрантов местными жителями Гуанчжоу – это сложный и многоуровневый вопрос, который не сводится только лишь к каким-то стереотипам хотя бы уже потому, что переселенцы из Африки создают серьезные проблемы для тех из горожан, кто находится в одной с ними социальной нише, а именно – для «местных жителей из низших классов». Эти граждане КНР испытывают на себе «двойное давление» со стороны мигрантов – как экономическое (конкуренция на рынке труда), так и культурно-социальное (относящееся к коммуникациям с ними в едином городском пространстве).

²¹⁷ Ibid. P. 147.

²¹⁸ Ibid. P. 153.

Вместе с тем налицо и тот факт, что в Гуанчжоу мигранты из Африки «в действительности не встроились в китайский рынок труда». Любопытно замечание авторов, что «африканские иммигранты живут далеко не только замкнутыми общинами в недорогих кварталах», а значит, «они ужимают социальное жизненное пространство местных жителей не только из низших классов». В статье, правда, данный тезис далее не развивается, но сам факт обозначения такой мысли уже не позволяет сводить весь комплекс проблем во взаимоотношениях между прибывшими из Африки и гражданами КНР к упрощенному тезису о ксенофобии закрытого китайского общества. Нуждается в развитии и другое авторское утверждение: «уникальные характеристики африканских иммигрантов», неоднозначная ниша, которую они занимают в экономическом и социальном пространствах города, наконец, «высокая мобильность этой группы» не позволяют местным жителям «сформировать устойчивое и единое впечатление об африканских мигрантах». Отсюда проистекают и факторы, определяющие то, что авторы называют «структурой представлений местных жителей по отношению к мигрантам и феномену миграции», поскольку в Гуанчжоу не существует какого-то доминирующего опыта адаптации африканцев: кому-то из них сопутствует удача, и ему «удается хорошо встроиться и производить положительное впечатление», кто-то напротив оказывается за пределами социального пространства и вызывает к себе негативное отношение²¹⁹.

В силу того, что на протяжении столетий китайское общество оставалось фактически гомогенным в этнокультурном отношении, ему было сложно привыкать к столь массовому наплыву африканских мигрантов. Это приводило к росту недовольства приехавшими со стороны местных жителей. Такое недовольство чаще всего оставалось на бытовом уровне и не принимало отчетливых расистских форм. Оно также объясняется опасениями китайцев получить в лице африканцев конкурентов. Никакого абсорбирования мигрантов

²¹⁹ 梁玉成,刘和庆 [Лян Ючэн, Лю Хэцин]. Op. cit.

не происходило по причине нежелания этого обеими сторонами. При этом власти Китая, заинтересованные в усилении своего присутствия в Африке, стремились не допускать открытых конфликтов.

3.2. Восприятие африканских мигрантов в блогосфере и социальных сетях КНР²²⁰

Вопрос об освещении восприятия африканских мигрантов в китайской блогосфере хотя и присутствует в некоторых исследованиях, тем не менее, остается недостаточно освещенным.

Наиболее подробно он разбирается в статье Дан Фанли «Исследование освещения вопроса жизни африканцев в Китае в местных китайских СМИ в эпоху глобализации на примере газет Гуанчжоу». Исследовательница из КНР считает, что эти СМИ «представляют стереотипный негативный образ африканских чернокожих как группы». По ее словам, газеты с помощью «цифровых игр» преувеличивают реальное количество таких мигрантов, при этом их реальные проблемы игнорируются, а действительный вклад в торговые отношения между Китаем и Африкой – недооценивается.

Взяться за изучение рассматриваемого вопроса Дан Фанли подвигнул «инцидент 15 июля». В этот день в 2009 г. несколько сотен африканских мигрантов пришли к одному из полицейских участков Гуанчжоу и выражали свое негодование в связи с трагическим событием: один из их земляков, уклоняясь от паспортной проверки, спрыгнул со здания и погиб.

Это событие привлекло внимание не только СМИ, но и китайских блогеров. По интернет-форумам, объединявшим десятки тысяч участников, стала распространяться информация: «количество чернокожих в Гуанчжоу достигло 200 тысяч», а количество совершаемых ими изнасилований стремительно увеличивается. Некоторые из блогеров реагировали на это сообщение весьма

²²⁰ При подготовке данного параграфа использованы следующие работы автора: *Андреев Н.Д.* Восприятие африканских мигрантов в китайских блогах на фоне пандемии коронавируса; *Андреев Н.Д.* Образы африканских мигрантов в современных китайских социальных сетях.

эмоционально и выдвигали требование: «Ниггер (黑鬼), убирайся в Африку!» Всплеск подобных настроений привлек к себе внимание зарубежных массмедиа, некоторые из них заговорили об усилении расизма в китайском обществе. Забеспокоились и в африканских государствах, откуда в основном движется поток мигрантов в КНР. В 2012 г. недовольство жителей Гуанчжоу разрастающейся общиной мигрантов из Африки снова дало о себе знать – и реакция западных СМИ опять последовала незамедлительно.

В статье Дан Фанли излагается история вопроса. Исследовательница приводит данные, согласно которым массовый наплыв переселенцев африканского происхождения в Гуанчжоу начался после финансового кризиса 1997 г. в Восточной и Юго-Восточной Азии: именно оттуда в этот китайский город стали съезжаться мигранты. Их приток достиг апогея в 2003–2005 гг. Более 85% всех африканских мигрантов в Китае сосредоточены именно в Гуанчжоу. В основном это мужчины – выходцы из стран Западной Африки. В городе возникло 5 районов их компактного проживания, некоторым из которых местные жители (а также, что немаловажно, и СМИ) дали характерные названия – «Шоколадный город», «Чернокожий Иерусалим», «Бруклин в Гуанчжоу».

Следующей важной вехой в истории африканской мигрантской общины в Гуанчжоу стал мировой экономический кризис 2008 г. Китай ужесточил правила выдачи африканцам въездных виз. А многие из тех, кто уже проживал в Китае, особенно на нелегальном положении, оказались вынуждены перебраться в более дешевые районы, где к тому же паспортный контроль был не столь строгим. Всё это, естественно, способствовало криминализации этих новообразованных «фавел». Для городской полиции началась непрекращающаяся игра в «кошки-мышки», в ходе которой и случился «инцидент 15 июля». Общественная дискуссия о том, «каким образом могут пребывать в гармонии китайский “дракон” и африканский “страус”», становится всё более актуальной.

Дан Фанли с помощью контент-анализа проанализировала более 80 публикаций из периодических изданий Гуанчжоу, вышедших в 2008–2010 гг. Эти публикации исследовательница делит на 6 тематических групп:

криминальная деятельность африканских мигрантов или их антиобщественное поведение; социальное обеспечение прибывших в Гуанчжоу; вклад африканцев в образование, культуру и спорт Китая; их образ жизни – «соотношение мечты и реальности, счастья и невзгод»; сообщения о «чернокожем герое» – мигранте, который помог выбраться из-под мешка с цементом, упавшего с перевернувшегося грузовика, шестерым китайским рабочим; прочие факты. Автор считает, что вся эта информация представляет жизнь африканской общины Гуанчжоу «несбалансированно». 45% всех публикаций в той или иной степени посвящены преступлениям, совершаемым мигрантами, или другим негативным сведениям о них. Другая крайность новостной политики представлена в партийных газетах: пропагандируя «дружбу с Африкой» и идеалы «гармоничного общества», они предпочитают транслировать позитивные сведения. В этом смысле «непартийные газеты публикуют более объективные и подробные отчеты о стиле жизни чернокожих».

Наконец, Дан Фанли затрагивает проблему присутствия темы мигрантов из Африки в блогосфере Синета (китайского сегмента Интернета), что особенно важно для настоящей работы и является фактически первой из попыток, известных ее автору, каким-то образом осмыслить этот вопрос. Исследовательница считает, что появление указанной темы в блогах спровоцировал разнобой в данных о том, сколько в Гуанчжоу выходцев из Африки. Ссылаясь на полицейскую статистику, Бюро общественной безопасности Гуанчжоу говорит о 2 тыс. легальных мигрантах, а Академия социальных наук этого города указывает на количество от 20 до 30 тыс. СМИ представляют разброс от 20 до 100 тыс. А «народные оценки» свидетельствуют и подавно о 200 тыс. Подобные «манипуляции с цифрами» посеяли среди китайцев панику, которая отразилась и в Синете. Популярным среди блогеров стал тезис о том, что чернокожие могут стать «57-й этнической группой» страны (в КНР в настоящее время проживают 56 этнических групп), если руководство государства «продолжит бездействовать». Дан Фанли по ключевым словам «57-я этническая группа в Китае» и «чернокожий» нашла в Google более 25 400

ссылки. Среди них, например, такой пост: «Горячие поздравления: в Китае появилась 57-я нация». Этот пост просмотрели около 305 тыс. пользователей, и 280 из них радикально его прокомментировали.

Дан Фанли констатирует, что в подаче китайскими СМИ темы африканских мигрантов имеется «серьезный дисбаланс». Налицо «серьезная тенденция к стереотипизации чернокожих», использование в основном официальных источников информации и отсутствие в медийном пространстве мнения самих выходцев из Африки. Необходимо качественно улучшить условия пребывания мигрантов в Китае, а не практиковать «ежедневные полицейские проверки», совершенствовать информационную политику, чтобы ненароком «не доставлять неприятностей законно проживающим афроамериканцам», использовать неправительственные организации для укрепления взаимопонимания между африканскими мигрантами и местными жителями. В настоящее время для граждан КНР «черные – это просто черные», и «никого не волнует разница между нигерийцем и конголезцем, разница между черным мусульманином и черным католиком». Между тем африканские мигранты возмущены тем, что в отличие от них «ни один китаец не воспринимается как потенциальный преступник».

По мнению автора, важная роль в реализации перечисленных начинаний должна отводиться СМИ. Требуется усилить контроль со стороны государства над самими медийными структурами, обеспечивая при этом «в разумных пределах» предоставление голоса африканским мигрантам, «научить работников медиа глобальному видению и межкультурной коммуникации», «добиться сбалансированного освещения» повседневной жизни местных жителей и их «гостей». Важно, чтобы журналисты не ограничивались официальной информацией, а активнее брали интервью у мигрантов и распространяли рассказанные ими истории. По этому поводу Дан Фанли приводит высказывание одного выходца из Африки: «Я всегда надеялся искреннее пообщаться с местными СМИ, но у меня никогда не было такой возможности. Теперь же, когда в черном сообществе возникли некоторые проблемы, вы явились». Обада

собеседника исследовательницы усугублялась еще и тем, что, по его словам, годом ранее община африканских мигрантов собрала для пострадавшего от землетрясения района КНР 70 тыс. юаней, но в СМИ и не обмолвились об этом пожертвовании. Наконец, автор статьи призывает активнее задействовать возможности Интернета, в котором гораздо легче получить право голоса «чужим», а также «другим уязвимым группам»²²¹.

Другая китайская исследовательница – Шаньшань Лань – отмечает, что стереотипы восприятия африканцев китайцами формируются элитой КНР, и их истоки следует искать во времени интенсивного вхождения Китая в африканские страны на рубеже XX и XXI вв. Именно тогда стал складываться феномен «киберрасизма», то есть негативных оценок африканцев, высказываемых в Интернете. Их распространителями стали граждане КНР, имевшие тот или иной опыт работы в странах Африки. В их блогах африканцы представлялись «расово уступающими» командированным к ним китайцам, а также недостойными помощи от КНР по причине присущей им, со слов этих блогеров, жадности вкупе с попытками дискриминировать таких командированных. Автор фиксирует «парадокс китайского восприятия возвращения Китая в Африку»: китайцы оценивают африканцев как младших и второстепенных партнеров, но, вместе с тем, оказание помощи Африке рассматривается в КНР как средство повышения позитивного имиджа страны. Исследовательница считает, что воздействие «расовой идеологии», сложившейся на Западе, на распространенное в китайской элите и транслируемое ею в Сети представление об «африканской неполноценности» не вполне учитывается.

Появление же африканских мигрантов в КНР – это «относительно новое явление»; взаимодействие между ними и гражданами страны преимущественно ограничиваются «различными сферами торговли», причем в городском

²²¹ 党芳莉 [Дан Фанли]. 全球化时代中国地方媒体对在华非洲人的媒体报道研究以广州报刊为例 [Исследование освещения вопроса жизни африканцев в Китае в местных китайских СМИ в эпоху глобализации – на примере газет Гуанчжоу] // 西安文理学院学报(社会科学版) [Журнал Сианьского университета. Общественные науки]. 2016. February. Vol. 19. No. 1. P. 78–83.

пространстве, а источники информации китайцев об африканцах, как правило, вторичные – из фильмов, СМИ и Интернета. Именно местные СМИ играют главную роль в формировании определенного негативного стереотипа в отношении африканцев как непосредственно виновных в росте нелегальной иммиграции, торгующих наркотиками, совершающих сексуальные преступления и распространяющих СПИД. Нагнетанию образа «черной угрозы» способствует явное завышение численности африканских мигрантов (названные одной из газет Гуанчжоу 200 тыс. затем неоднократно приводились в других СМИ), а также «демонизация черной маскулинности в Интернете». Информация той же газеты о численности африканских мигрантов в Гуанчжоу разошлась по нескольким сайтам, но заголовок ее при этом стал более броским (он уже упоминался при рассмотрении статьи Дан Фанли): «В Гуанчжоу 200 тысяч чернокожих, и число случаев изнасилования, совершаемых черными, быстро растет». Исследовательница констатирует рост числа «расистских комментариев» в Синете типа упомянутых выше «57-й этнической группы», «вторжения черных», «угрозы СПИДа». Складыванию образа расистски окрашенной идентичности мигрантов в Гуанчжоу способствовали комментарии о «криминализации африканцев как торговцев наркотиками в популярных СМИ», в то время как на самом деле этим бизнесом занимаются выходцы из стран Юго-Восточной Азии, Ближнего Востока, а также представители китайской диаспоры²²². Шаньшань Лань заключает: «На сегодняшний день именно социальные сети и личные блоги китайцев играют важную роль в создании негативного образа африканцев в КНР»²²³.

Ниже отчасти задействованы материалы, которые Шаньшань Лань опубликовала в работе, вышедшей тремя годами ранее. Однако в том, предыдущем, исследовании несколько иначе расставлены акценты: такие проблемы, как «китайская помощь Африке», «африканская угроза в Гуанчжоу»

²²² *Shanshan Lan*. Reconstructing Blackness in Grassroots Interactions Between Chinese and Africans in Guangzhou // *Anthropological Quarterly*. 2019. Spring. Vol. 92. No. 2. P. 489–490.

²²³ *Ibid.* P. 490.

и «стигматизация черной сексуальности», называются автором «основными темами» интернет-дебатов в Синете, которые подпитывают «негативные представления» об африканцах. Отдельное внимание исследовательница уделяет «стигматизация черной сексуальности», которая становится популярным поводом для обсуждений в Синете по причине «увеличения числа романов и браков между китайскими женщинами и черными мужчинами». Шаньшань Лань рассказывает про бурную реакцию китайской блогосферы на чернокожую китаянку Лу Цзин, которая в 2009 г. участвовала в шанхайском шоу талантов *Go Oriental Angel*. У Лу Цзин мать китаянка, а отец – афроамериканец. Китайские блогеры не скупались на оскорбительные отзывы, называя Лу Цзин «нежелательным ублюдком» и «маленьким черным дьяволом». Еще более грубо в Синете отзывались о матери Лу Цзин, изменившей своему китайскому мужу (с которым она позже развелась) с афроамериканцем. Автор отмечает, что китаянки, у которых были «незаконные отношения с белыми иностранцами», не подвергались столь уничижительной критике. То есть «восприятие чернокожих мужчин как гиперсексуальных монстров, охотящихся на китайских женщин, воспроизводит социальные дарвинистские конструкции африканцев как примитивных и отсталых»²²⁴.

В еще одной работе, посвященной самозанятым африканским мигрантам и местным китайцам в Гуанчжоу, делается вывод, что на примере этого города не подтверждаются распространенные в СМИ и соцсетях «стереотипные изображения» африканских мигрантов как «нецивилизованных и ленивых», а китайцев – как расистски настроенных по отношению к ним и приверженных клановости²²⁵.

Таким образом, из приведенных исследований следует, что в блогах Синета преобладает тенденциозное изображение африканских мигрантов.

²²⁴ *Shanshan Lan*. The Shifting Meanings of Race in China: A Case Study of the African Diaspora Communities in Guangzhou. P. 305–307.

²²⁵ *Min Zhou, Tao Xu, Shabnam Shenasi*. Entrepreneurship and Interracial Dynamics: A Case Study of Self-Employed Africans and Chinese in Guangzhou, China // *Ethnic and Racial Studies*. 2016. Vol. 39. No. 9. P. 1582.

Вместе с тем исследователи не предпринимают содержательного разбора самих постов, ограничиваясь лишь общими оценками и цитированием наиболее ярких высказываний. Между тем реальная картина того, что говорится об африканцах в китайской блогосфере, намного богаче и разнообразнее, чем та, которая реконструируется по упомянутым исследованиям китайских авторов. Например, крайне интересен такой жанр постов Синета, как описание конкретного опыта пребывания африканцев в Китае.

Любопытный в контексте настоящей работы материал размещен в сегменте китайской социальной сети «Вэйсинь», где публикуются различные жизненные истории. В данном случае речь идет об Акене – замбийском студенте, занятом в индустрии ночных клубов. Рассказ начинается с того, как в 2007 г. бар, где работал рассказчик, окружила толпа разгневанных китайцев. Они требовали выдать им на расправу Акена из-за того, что тот двусмысленно вел себя по отношению к жене одного богатого китайца, который и собрал эту толпу. Рассказчик-китаец, от чьего имени излагается эта история, сильно обругал Акена, отдал оскорбленному купон на 20 тысяч юаней – подарок от бара, – после чего толпа разошлась. Далее повествуется о самом Акене и о том, как рассказчик – на тот момент главный менеджер одного из больших баров города Наньнин – помог ему встроиться в эту индустрию. Настоящее имя Акена – Кенрокен Каканду, оно редуцировано до Акена для удобства произношения на китайском языке. Рассказчика он привлек тембром своего голоса и характерной внешностью – «его волосы отливали темно-красным цветом, похожим на соевый соус». Вначале за свои ночные выступления в качестве певца и актера Акен получал 200 юаней, и его это вполне устраивало. Его отец – бизнесмен, занимающийся продажей мобильных телефонов, произведенных в Китае, – специально направил его учиться в КНР, чтобы в дальнейшем тот смог руководить семейным бизнесом. Когда Акен впервые приехал в Китай, ему было чуть более 20 лет, и он не владел китайским языком, но за счет своих способностей спустя семестр уже бегло разговаривал по-китайски. Ему не нравилось, что семья решила за него его судьбу, поэтому он отказался от ее финансовой поддержки и стал

самостоятельно зарабатывать: «...работал моделью, официантом, учителем иностранного языка – делал всё, лишь бы заработать денег».

Попав в индустрию ночных клубов, он стал получать намного больше благодаря тому, что пользовался популярностью, в основном у женской аудитории. После инцидента, описанного в начале рассказа, Акен резко переменял образ жизни: «дал обет пред Девой Марией», что больше ничего подобного не повторится. Через 2 года (в 2009 г.) рассказчик работал уже в городе Жуйань (агломерация Вэньчжоу провинции Чжэцзян), и Акен продолжал трудиться вместе с ним. На тот момент он получал уже 500 юаней за ночь. Для улучшения имиджа клуба он предложил запретить актерам общаться и выпивать вместе с клиентами, что повсеместно принято в подобного рода заведениях в Китае. Начальство сначала противилось этой идее, но когда Акен пригрозил уходом, вынуждено было согласиться. Спустя небольшое время бар добился блестящего успеха. Его стали посещать состоятельные жители близлежащих городов. У Акена появилась девушка-китаянка, но в то же самое время рассказчик впервые обратил внимание на его пристрастие к алкоголю. В какой-то момент успех обернулся крахом – полиция задержала в баре несколько десятков людей с кокаином, и бару было предписано приостановить деятельность на шесть месяцев по подозрению в обороте наркотиков, что «равносильно смертному приговору для индустрии ночных клубов». После этого Акену пришлось вернуться в обычный сетевой бар. Со временем он «полностью превратился в темнокожего китайца».

Акен вернулся из Замбии, куда ездил на похороны матери, подавленным: бизнес его семьи едва не обанкротился, братья и сестры собрались получать британское гражданство, но сам Акен принципиально не хотел отказываться от замбийского паспорта. По возвращении в Китай он продолжил петь в ночных клубах, а кроме этого занимался переводами, участвовал в различных телешоу. Личная жизнь Акена не сложилась: отец его девушки-китайки сказал, что в Китае «много бедных людей, которые лучше будут голодать, но не отдадут своих дочерей африканцам». Родители девушки посчитали, что «над ними станут

смеяться родственники и друзья и на брак с чернокожим будут смотреть свысока». У Акена усиливалась тяга к алкоголю, он выпивал перед своими выступлениями, плакал в гримерной и игнорировал гостей клуба. Его задевали снятые китайцами в Замбии ролики из «ТикТок», в которых его родная страна показывается как совершенно отсталая. «Почему бы не снимать хорошие места в Замбии, зачем специально снимать самые отсталые регионы? Это ли не презрение?» – задавался Акен вопросами.

На фоне стресса и частых выпивок у него начались проблемы со здоровьем, едва не окончившиеся сердечным приступом. Однажды, напившись, Акен бродил по городу, разбил витрину в магазине, и его доставили в полицейский участок. Примечательны слова, сказанные начальником участка работодателю Акена, которым по-прежнему оставался повествователь и которого вызвали забрать его буйного подопечного: «Не дай бог с ним что-то случится, слышишь? Он же иностранец, мы хлопот не оберемся», – и полицейский попросил присмотреть за Акеном. Той ночью Акен чуть не умер от последствий алкогольного делирия, и работодатель-рассказчик отвез его в больницу. Как выяснилось позже, именно пьянство стало одной из причин неприятия Акена семьей его девушки. В итоге автор рассказа после десяти лет общения с Акеном уговорил его поехать в Швецию лечиться от алкоголизма. Замбиец был настроен фаталистически: «Я собираюсь в Швецию, где меня ждет Господь. Либо я брошу пить, либо пусть Господь заберет меня», – говорил он, положив правую руку на карманную Библию. Что сейчас с Акеном – автору неизвестно²²⁶.

Этот рассказ, написанный в традициях современной китайской прозы и размещенный в авторском блоге, исключительно информативен. Как мы видим, несмотря на негативное отношение к африканцам, сплошь и рядом выражаемое в китайской блогосфере, чернокожий мигрант вполне может неплохо зарабатывать в КНР. Более того, характерна оговорка правоохранителя, который не хочет проблем с мигрантом, которые, судя по всему, приносят полиции

²²⁶ [Электронный ресурс]: <https://mp.weixin.qq.com/s/IgXF2wPQINGMtm4YZ-WtvG> (дата обращения: 11.12.2020).

гораздо больше хлопот, нежели сложности с согражданами. Вместе с тем ассимиляция по-прежнему крайне затруднена, и свидетельство тому – сорвавшаяся свадьба Акена.

Совершенно другая – гораздо более пессимистическая – картина вырисовывается в материале «Чернокожий жалуется: я больше никогда не поеду в Китай», который датирован 7 марта 2020 г. Его автор – китаянка из Шанхая, блогер, работает в ИТ-сфере, изучала журналистику. Она публикует переводной текст от лица Коллина Спирса – афроамериканца, жившего и работавшего в Китае (оригинал на английском найти не удалось). От себя она лишь добавляет, что в тексте содержится много клеветы на Китай и китайцев.

Коллин Спирс, магистр ИТ, пробыл в Китае два с половиной года, проучился один семестр в Шанхайской академии международных исследований. Вообще в ИТ-сфере он работает более десяти лет, может заниматься разными видами деятельности – от программирования до бизнес-анализа и управления проектами. Он неплохо, по его собственному признанию, говорит по-китайски, даже с «мандаринским диалектом». В КНР Спирса считали не афроамериканцем, а африканским мигрантом, поэтому, с его слов, он сполна испытал на себе отношение местного населения к этому сообществу. Однако он оговаривается, что имеет в виду суждения не вообще всех китайцев, а лишь «средние оценки», с которыми ему приходилось сталкиваться. По его словам, «в Китае не ко всем черным относятся одинаково»: с приезжими гражданами из стран Запада и особенно США ведут себя иначе. В конце концов, заключает Спирс, «всё сводится к деньгам и статусу – это единственное, что важно для большинства китайцев». А поскольку во всех странах «китайского мира» налицо «проблемы с деньгами и статусом», отношение к африканцам – «скорее вопрос степени негатива, а не благожелательности», причем этот негатив ощущается сильнее всего в КНР и Сингапуре. Если, по мнению китайца, африканец беден и не занимает сколько-либо значительное положение, то он будет относиться к этому африканцу соответственно. Китайцы считают африканцев априорно более бедными и необразованными, нежели они сами. Исключение составляют разве

что афроамериканцы: китайцы могут поставить их в своей иерархии выше себя. Вместе с тем Спирс считает, что большинство жителей КНР «плохо образованны». Из-за своей приверженности конфуцианству они привыкли оценивать всех сообразно занимаемому положению, а глубокие традиции приучили их настороженно воспринимать людей с другим цветом кожи. Единственное, что способно изменить такую систему оценочных координат, – это деньги. Поэтому, – говорит, Спирс, – «когда китайцы узнали, что я был менеджером проекта, они быстро изменили свое отношение ко мне».

Условия труда в КНР Спирс оценивает как неблагоприятные. Даже друг другу китайцы норовят причинить боль. Если у иностранца дела складываются успешно, то ему непременно станут завидовать и загружать дополнительной работой. О продвижении по службе и говорить не приходится. Руководящее звено требует проявления к себе нарочитых лояльности и низкопоклонства, а к подчиненным демонстрирует патернализм. Кроме китайцев, хорошую или управленческую работу могут получить только белые, а небелые иностранцы (если нанимаются на месте, а не командированы головным офисом) не могут рассчитывать на что-то серьезное. Доминирующее отношение китайцев к африканцам сводится к тому, что у чернокожих хорошо выходит заниматься спортом, но не работой – этому мешает им «недостаток ума», а также «дикое поведение».

В другой синоязычной стране – Сингапуре – ситуация лучше: там «обеспечивают лучший уровень жизни для небелых иммигрантов», и Спирс в этой стране «не испытывал настоящего расизма по отношению к черным людям». При этом он конкретизирует свое мнение: «Я не говорю, что расизма в Сингапуре не существует, но люди, по крайней мере, обладают достаточными тактом и образованностью, чтобы скрывать свой расизм». Но и в Сингапуре Спирсу не повезло при устройстве на работу: когда он подавал заявление, присутствовавшая в офисе китаянка «была единственным человеком, который не улыбался и недружелюбно смотрел», точно шокированный чем-то. Она

агрессивно восприняла Спирса и стала высказывать сомнения в его «базовых знаниях».

Героя этой истории «по расовым причинам» не приняли на работу и в китайскую компанию. При виде Спирса китайский босс был обескуражен и задал предельно откровенный вопрос: «Тебе нравится играть в баскетбол?» – который нанимавшийся расценил как расистский. При этом босс даже не упомянул резюме. В Китае нет какой-то единой поведенческой модели восприятия африканца. Так, в Шанхае он будет просто проигнорирован большинством – как, впрочем, и белый. Совсем иначе в глубинке: «люди будут пялиться на вас и говорить о вас публично», «фотографировать вас, не спрашивая», «некоторые дети даже попытаются прикоснуться к вам, чтобы увидеть, не изменится ли цвет вашей кожи». «Большинство людей никогда раньше не видели чернокожего человека, и многие люди забудут, что вы человек <...> Китайцы склонны быть расистами или, по крайней мере, предвзятыми», – подытоживает Спирс.

Герой испытывает скепсис по поводу отношений с китайками: «культурные различия слишком велики», поэтому не стоит рисковать и заводить контакты с их семьями или друзьями. К тому же китайки предельно консервативны – готовы встречаться только с прицелом на замужество. «Они могут даже взять у вас “интервью”, чтобы узнать, сколько денег вы зарабатываете, сколько денег у ваших родителей, есть ли у вас где-то недвижимость и т.д. Они обращаются с китайскими мужчинами точно так же, но там требования могут быть строже»²²⁷.

С наступлением пандемии коронавируса тема африканских мигрантов в Синете становится более выпуклой и острой. Возможно, это связано с общим повышением градуса общемировой блогосферы из-за ограничений и локдаунов. Этот вопрос заслуживает отдельного рассмотрения, в рамках же настоящей работы представляется целесообразным разобрать некоторые из характерных постов.

²²⁷ [Электронный ресурс]: <https://zhuanlan.zhihu.com/p/111517227> (дата обращения: 29.01.2021).

Так, 23 декабря 2020 г. в одном из блогов сети «Вэйсинь» появился пост, озаглавленный «Почему увеличивается второе поколение черных [мигрантов]?» Его автор начинает со ставшего уже своеобразным клише утверждения о засилье африканцев в КНР. Их становится «всё больше и больше». Если десять с лишним лет назад такой проблемы просто не существовало, то в настоящее время она стала «жареной темой, ежегодно порождающей много животрепещущих новостей». Теперь африканцев встретишь не только в южных городах, но и, например, в провинции Чжэцзян, где мигранты «женились на местных женщинах». Количество мигрантов устойчиво растет – уже появилось второе их поколение. Это «приведет к ситуации, переломить которую будет очень сложно». «Приехав сюда, многие чернокожие понимают, что Китай – это просто райское место, и, разумеется, они предпочитают оставаться здесь, а не возвращаться в бедную, грязную, варварскую и отсталую Африку». Когда срок их виз прекращается, они не возвращаются обратно, а «сбиваются в группы, формируя мощную силу», такие мигранты «очень сплоченные, и им трудно противостоять».

Блогера крайне настораживает то, что на официальном уровне в Китае воспринимается исключительно как положительный факт присутствие в стране большого количества студентов из африканских стран, которые рассматриваются как сила, способная в будущем обеспечивать в своих государствах влияние КНР. Автор отмечает, что эти студенты «пользуются режимом благоприятствования», получают ежегодно стипендию в размере 100 тысяч юаней, но в массе своей возвращаться домой не собираются, так как там у них нет никаких перспектив. Они стремятся жениться на китаянках и тем самым получить легальную возможность остаться в КНР.

Еще одна проблема, о которой пишет блогер, – это «брошенные чернокожие младенцы». Он называет африканцев «самой безответственной расой», приводит в пример США, где, по его словам, «в более чем 70 процентах черных семей дети не имеют отцов». Автор заявляет, что «многие чернокожие мужчины только охотятся на женщин и не заботятся о рождении и воспитании детей», в то время как гражданки КНР, «родившие от чернокожих, которые их

бросили, молчат и продолжают воспитывать своих детей». Хотя в последнее время набирает силу и противоположная тенденция: «Всё больше женщин, родив ребенка смешанной расы, предпочитают отказаться от него, так как знают, что, если они оставят этого ребенка, их ждут бесконечные пытки и боль». Но независимо от того, усыновят ли такого малыша или отдадут на государственное попечение, он в любом случае останется в Китае.

Блогер резко критикует пропагандируемую на официальном уровне в КНР идею, что для китайки «выйти замуж за африканца и уехать в Африку – счастливая мысль». Эта пропагандистская кампания началась на рубеже прошлого и настоящего веков с сериала «Замуж в Африку». Затем она получила развитие в других фильмах, развлекательных шоу и романах. В них продвигается мысль, что «чернокожие очень ответственные и искренние». Но подобная пропагандистская установка не имеет ничего общего с действительностью: «Среди черных таких людей очень мало. Даже если они и есть, это уникальные случаи, и среди десяти тысяч чернокожих вряд ли попадется один такой». Пропаганда умалчивает о том, какое количество китайских девушек африканцы попросту обманули. А вышедшие замуж за мигрантов и уехавшие в Африку оказывались буквально в аду: «Им не только приходилось очень тяжело работать, у них не было никакой личной свободы, и они становились всего лишь орудиями чужой прихоти». Те китайки, которые возвращаются обратно, привозят с собой детей от африканцев – «так появляется второе поколение чернокожих».

Имеет место и противоположный процесс, когда африканки вступают в браки с китайцами. Это происходит из-за того, что в КНР «мужчин соответствующего возраста на десятки миллионов больше, чем женщин». Вместе с тем в «традиционной культуре» Китая значение семьи очень велико, поэтому, чтобы не оставаться холостыми, многие мужчины женятся на представительницах Вьетнама, Лаоса, Мьянмы и даже Африки. Пока что брачные союзы китайцев с «чернокожими женщинами» не слишком многочисленны, но эта тенденция будет набирать силу, что приведет к росту популяции детей «китайско-африканской смешанной расы».

Блогер приходит к неутешительному выводу: «Въезд в Китай большого количества чернокожих и рост числа метисов полностью изменит этнический состав нашей страны. Когда доля чернокожих среди населения достигнет определенного уровня, это неизбежно приведет к этническому расколу Китая, и в нашей стране больше никогда не будет мира»²²⁸.

Автор еще одного поста, датированного 30 декабря 2020 г., живет в Австралии и занимается посредничеством и помощью китайским студентам за рубежом. Он описывает свой опыт проживания в Гуанчжоу, где много африканских мигрантов. По ночам их группки выглядят «довольно пугающе», и «люди обходят их стороной, хотя те ничего не делают». Блогер считает, что в настоящий момент «чернокожие не слишком влияют на жизнь» этого города, но это благодаря только лишь тому, что в пропорциональном соотношении с китайцами африканцев пока еще действительно немного. Однако будущее китайской этнокультурной идентичности рисуется ему весьма печальным (имеет смысл привести целиком это богатое в художественном отношении описание): «Чем больше их будет становиться, тем чаще они станут вступать в конфликты с местными. Возникнут негритянские гетто, маленькие африки, в которые китайцы не смогут заходить. Это будет первым шагом. Затем чернокожие из тех, что получше, чтобы получить китайское гражданство или вид на постоянное жительство, найдут себе китайских проституток (艺妓 – гейша или гетера. – *Н.А.*) или будут вступать в фиктивный брак за небольшую плату. Затем в Гуанчжоу появится особая шоколадная раса, и каждый начнет по телевизору плакать по поводу своего промежуточного положения между расами, затем какие-нибудь крупные режиссеры снимут об этом социальном явлении какой-нибудь классический глубокий художественный фильм под названием, допустим, “Черная книга” (по аналогии с “белыми книгами”, которые руководство КНР

228

[Электронный ресурс]:
https://mp.weixin.qq.com/s/aDSBPOrfXE_GapIU1VvKig?v_p=87&WBAPISourceAnalysisOriUICodes=10000010_10000327_10000003_10000003&launchid=10000365--x&wm=3333_2001&aid=01A_JcVTPaFyTlwTeoALacOOJAx5Yx2YhaTRLJ8_6YhUhq0h0.&from=10B1093010 (дата обращения: 14.01.2021).

издает по разным вопросам. – *Н.А.*), “Ультрамолния”, или “Китайская дорога славы”, или что-нибудь в подобном духе – глубокомысленное. Потом придут зоошиза (爱狗人士), феминистки (女拳师) и другие сообщества и начнут проводить деятельность в духе всемирного гуманизма. Мало-помалу ругать чернокожих станет затабуированным, все те, кто говорит, что они несут вред, будут клеймены как расисты и чернокожефобы (黑人恐惧症), если кто-то напишет нечто подобное в “Вэйбо”, “Чжидуне” или других социальных сетях – его сразу же забанят, так что радуйтесь сегодняшнему дню. <...> В конце концов, китайцы в Китае станут малым народом. Китай будет переименован в Республику Китайго (по созвучию с Конго. – *Н.А.*)»²²⁹.

Не менее яркий и эмоциональный пост появился в «Вэйсине» 20 января 2021 г. Обращает на себя внимание уже одно его заглавие – «Пусть плохие чернокожие уезжают из Китая». Его автор гневно реагирует на только что прочитанный в другой социальной сети – «Вэйбо» – пост о том, как в поезде какой-то «чернокожий студент» буквально «согнал с места» китайца, который явно старше его. Китаец покорно опустился на пол, а его обидчик «сразу занял целый ряд сидений, накрылся одеялами и слушал музыку, выглядя очень довольным». Блогер возмущен даже не столько наглостью африканца, сколько трусостью китайца, который «сразу лег на пол и признал свое поражение». Более того, и из пассажиров поезда никто «не проявил храбрости» и не вступился за соотечественника. Словом, «целый вагон трусов, чудовищных трусов». Блогер приводит и другие примеры развязного и вызывающего поведения африканцев в общественном транспорте КНР, а также безропотной реакции на такие инциденты со стороны граждан, заключая при этом: «Китаец на китайской земле за китайские деньги купил билет, а потом его сгоняет с места этот биомусор (杂碎)».

²²⁹ [Электронный ресурс]: <https://zhuanlan.zhihu.com/p/340772459> (дата обращения: 09.01.2021).

По мере изложения материала риторика блогера становится всё более резкой: «Китай слишком снисходительно относится к подонкам-иностранцам (洋垃圾). Все эти бесчинства происходят потому, что те, кто их творит, чувствуют за собой поддержку. Почему эти невоспитанные чернокожие ходят, как крабы (китайский фразеологизм, в смысле – некультурные люди. – *Н.А.*) по китайской земле?» В настоящее время такая вседозволенность для африканских мигрантов становится еще более заметной из-за их демонстративного пренебрежения к противокоронавирусным ограничениям. Автор приводит примеры, как африканцы бравируют без масок, и их при этом никто не останавливает, в то время как нарушители-китайцы «караются резиновой дубинкой, перцовым баллончиком и штрафами».

Автор подчеркивает, что китайцам несвойственна дискриминация иностранцев по расовому признаку и они «уважают всех цивилизованных чернокожих». «Мы позволяем иностранцам приезжать в Китай, – отмечает он, – потому что мы – страна этикета, мы гостеприимны и хотим питаться от всех рек. Но всегда найдутся идиоты, которые примут наше гостеприимство за слабость. <...> Этим людям неизвестно, что такое цивилизация, они варвары». В отношении таких «варваров» не работают «слепая терпимость и доброта», здесь эффективен «только железный кулак». «Китай не приветствует варваров, не уважающих Китай и не соблюдающих китайские законы». Поэтому: «Невоспитанные чернокожие, убирайтесь вон из Китая!»²³⁰

Помимо блогосферы, проблема присутствует и в китайских социальных сетях. Но этой теме стали посвящать исследования лишь совсем недавно²³¹. Между тем совершенно очевидно, что в китайских социальных сетях преобладает негативное отношение к африканцам вообще и африканским мигрантам в частности. Причем градус негатива различен. Например, довольно

²³⁰ [Электронный ресурс]: https://mp.weixin.qq.com/s/jIX4ZQoBvdR0V5eaAmT_hQ (дата обращения: 21.01.2021).

²³¹ *Liu Tingting, Deng Zhuoyun*. Op. cit. P. 104–107; *Liu Tingting, Xu Mingliang, Chen Xu*. Op. cit.

мягко высказывается автор «**疫苗与科学**»²³². Он родился в 1978 г. в Шанхае, окончил медицинский институт Фуданьского университета и работает в управляющей организации общественного здравоохранения (во всяком случае, именно такую информацию он предоставляет о себе), на момент обращения у него 4,8 млн подписчиков. Он пишет: «Естественно, мы должны осудить нехорошее поведение китайцев в африканских странах <...>. Но чтобы мы из-за этого чувствовали себя в долгу перед этими государствами и поэтому спокойно терпели бесчинства африканцев в Китае – это логическая ошибка». На момент обращения у публикации 22 репоста, 52 лайка, 7 комментариев, среди которых выделяются такие: «Низкопоклонники перед иностранцами (老跪族)», «Если уж Китай в долгу перед африканцами, то весь мир перед ними в долгу, если следовать их логике», «Так всегда и бывает: черное смешивают с белым». Другая публикация того же автора-миллионника²³³ содержит видео, демонстрирующее почти раздетого африканца в торговом центре. Китаец-охранник призывает его одеться, а тот отвечает: а разве это не одежда? Это видео посмотрели около 22 тыс. человек. Комментарий автора таков: «Африканцы в Китае бросают вызов нашим ценностям. Вопрос: это нормально?»

Опубликованная 3 ноября 2020 г. запись²³⁴ автора «**余想_v**» (Чэнду, Сычуань, 1996 г. р., блогер по тематике интернет-технологий, театральный критик) звучит уже более жестко. Он сообщает, что в г. Маомин нелегально работает («по-черному», **黑工**) африканский мигрант, он преподаёт английский язык в одном из детских садов, но виза у него просрочена уже более двух лет, и он, соответственно, незаконно зарабатывает 150 тыс. юаней. «И во время работы в Китае он сожительствовал со многими китайками, живя в свое удовольствие!» – восклицает автор поста. Знающие мигранта граждане КНР, «не желающие

²³² [Электронный ресурс]: https://m.weibo.cn/detail/4569102746923754%20/t%20_blank (дата обращения: 27.11.2020).

²³³ [Электронный ресурс]: https://m.weibo.cn/detail/4578371210838061%20/t%20_blank (дата обращения: 27.11.2020).

²³⁴ [Электронный ресурс]: https://m.weibo.cn/status/4567304036424331?%20%5Ct%20_blank (дата обращения: 27.11.2020).

спокойно взирать на все это, донесли на него в органы общественной безопасности», однако африканец отказался признавать, что работает незаконно, – он согласился лишь с тем, что нарушил законодательство о проживании в Китае. Полиция наложила на него штраф в размере 10 тыс. юаней и обязала покинуть КНР в установленный срок. Но блогера возмущает, что полицейские «даже не провели расследования и не наказали мигранта за незаконную трудовую деятельность», что его статус как иностранного преподавателя совершенно не соответствовал квалификации – «неизвестно, какому количеству милых малышей он успел навредить!» Автор надеется, что органы общественной безопасности проведут в отношении мигранта тщательную проверку и он будет депортирован. Запись собрала 80 репостов, 170 лайков, 29 комментариев, среди которых можно выделить два. Первый: «Котел [полиции] – в государстве, сотрудники низового звена работают за свою миску риса, они не могут принимать серьезные меры против иностранцев». То есть те полицейские, которые непосредственно соприкасаются с мигрантами, опасаются конфликтных ситуаций во избежание проблем. Второй: власти раздавали визы без разбору, халатно боролись с «нарушениями политики “трех не”», образовательные структуры «разложены коррупцией», «вызывает вопросы» и внешняя политика. «Китай окончательно превратился в международную мусорную свалку!»

Еще жестче высказывается человек под ником «驃骑尉–松亭先生», у которого более 88 тыс. подписчиков²³⁵. О себе он пишет, что родился в 1975 г., окончил Сианьский университет, работает в Шэньчжэне. Себя он называет блогером по вопросам образования, интернет-писателем и националистом, ориентированным только на китайскую культуру (汉本位撰稿人). Его пост от 17 сентября 2020 г. предельно лаконичен: «Сколько сейчас в Китае черных

235

[Электронный ресурс]: https://video.h5.weibo.cn/1034:4550080494239767/4550081132891826%20/t%20_blank (дата обращения: 04.12.2020).

альфонсов, живущих за счет китайских шалав (媚黑婊), старающихся угодить африканцам? Несть им числа! Особенно на северо-востоке Китая, где больше всего помоечных интернет-знаменитостей». К посту прикреплено видео из «ТикТока», в котором запечатлены китаянка и африканец. На момент обращения эта публикация собрала 133 репоста, 970 лайков, 158 комментариев. В другом своем материале²³⁶ от 16 сентября 2020 г., комментируя видеозапись конфликта афроамериканца и китайской продавщицы, автор, иронизируя, пишет: «Бесстыдство, уродливое и подлое поведение этого американского чернокожего хорошо известно в Интернете. Практически каждый уважающий себя китаец, озабоченный сохранением своей нации, осудил его». И далее автор переходит с бытового на политический уровень и заявляет, что властям КНР «не терпится отдать кровь и пот китайцев», так сказать, «бедным братьям» из Африки, Латинской Америки и Азии и они не жалеют денег на африканских студентов. То есть блогера и его комментаторов раздражают не только деклассированные мигранты, но и обеспеченные студенты из стран Африки.

Симптоматичен пост²³⁷, в котором автор рассказывает историю, как в 2015 г. полиция Гуанчжоу разоблачила преступную группировку чернокожих, которые занимались «крышеванием» бизнеса и выбиванием долгов. Блогер утверждает, что эти африканские мафиози «часто зарубали жертв до смерти» (имеется в виду граждан КНР), они «уже начали издеваться над китайцами в Китае» и «совершенно обнаглели», возмущается он.

Интересен пост некоего Си Уи²³⁸, представляющегося ученым из Академии общественных наук КНР с 2,6 млн подписчиков. К посту он прикрепил видео, в котором рассказывается о деятельности некоммерческих организаций,

²³⁶

[Электронный ресурс]: https://card.weibo.com/article/m/show/id/2309404549927694106852?_wb_client_=1%20%5Ct%20_blank (дата обращения: 14.02.2021).

²³⁷ [Электронный ресурс]: https://m.weibo.cn/status/4566358464137516?%20%5Ct%20_blank (дата обращения: 04.12.2020).

²³⁸ [Электронный ресурс]: https://m.weibo.cn/1442246695/4522732195671572%20/t%20_blank (дата обращения: 04.12.2020).

помогающих африканским мигрантам адаптироваться в Гуанчжоу. В этом видео волонтеры, оказывающие такую социальную помощь в местах компактного проживания мигрантов, утверждают: «Международный мегаполис обязательно должен платить за такой свой статус. Все глобальные города – Нью-Йорк, Токио, Лондон – имеют иностранные диаспоры. Несмотря ни на что, африканская диаспора уже стала реальностью в Гуанчжоу, и эта реальность будет долго сказываться на жизни города». На самом деле, с раздражением замечает Си Уи, «изначально нелегальным иммигрантам было бы сложно перемещаться по нашей стране, и без помощи этих людей они не смогли бы здесь остаться».

Автор под ником «逍遥岁月 166» язвительно комментирует сегодняшнюю ситуацию в КНР²³⁹: «Когда это китайцы начали так интересоваться африканцами? Высокие стипендии [для студентов], три женщины сопровождают одного чернокожего, а девушки соперничают за право выйти замуж за старого выходца из Африки. Необъяснимо и слишком внезапно». Далее блогер иронизирует: «Оказывается, предки китайцев были чернокожими, и чернокожие помогали бороться с японскими чертями. Неслыханно. Теперь это хорошо задокументировано. Не стоит обольщаться на свой счет». В данном случае обыгрывается утверждение тех китайских блогеров, которые выступают против ксенофобии и защищают права африканских мигрантов. Пост сопровождается скриншотом, где со ссылкой на археологические данные говорится о том, что на территории Китая предки современных людей жили уже миллионы лет назад, история китайской культуры насчитывает 10 тыс. лет, а китайской цивилизации 5 тыс. лет. Именно территории Китая и Африки являются местами, в которых впервые появился Homo Sapiens.

Еще одним примером негативного отношения к африканским мигрантам может стать пост блогера под ником, который можно перевести как «осуществить обманный маневр, прибегнуть к хитрости». На его аватаре –

²³⁹ [Электронный ресурс]: https://m.weibo.cn/status/4578067086049614?%20%5Ct%20_blank (дата обращения: 04.12.2020).

изображение с надписью: «Выгнать черных, сохранить наш Китай». В своем профиле он указывает, что является студентом²⁴⁰. По его словам, чернокожие не только заселяют Гуанчжоу, они укореняются и в других городах КНР. Тенденция очевидна – «охватить всю страну». «Сразу оговорюсь: я не расист, но я не люблю чернокожих», – пишет автор. Он призывает смотреть на этот вопрос «реалистично и рационально». Далее блогер делает стандартные утверждения: «чернокожие сейчас распространились практически по всему миру», по статистическим данным, «самый высокий уровень преступности среди всех рас» именно у африканцев. «В принципе, – продолжает автор, – можно сказать, что черные рождаются с преступными генами. Из примитивности африканских племен, отсталых и нецивилизованных обычаев и образа жизни проистекают их национальные природные пороки. Черные по своей природе ленивы и имеют слабое представление о браке. Они считают брак детской игрой, а женщину – игрушкой». По мнению блогера, в Китае потому скопилось так много мигрантов из Африки, что, прилетая в страну, большинство из них уничтожают свои паспорта и превращаются в «лиц без гражданства», которых проблематично депортировать. Этого-то они и добиваются, так как в КНР им гораздо комфортнее, чем у себя дома. Но защищенности от депортации им уже мало – они пытаются насаждать в Китае свои порядки. В качестве примера блогер вспоминает, как несколько лет назад в Гуанчжоу африканские мигранты агрессивно требовали создать для них в городе «автономный район». Выход, по его мнению, один – перенимать опыт у стран с жесткой миграционной политикой, например, у Южной Кореи и Японии: «Благодаря эффективным мерам, предпринятым в этих странах, им потребовался всего год, чтобы полностью очиститься от чернокожих». В то же время западный опыт работы с мигрантами доказал свою неэффективность: «Посмотрите на современную Европу. Африканизация и исламизация стали необратимыми тенденциями! Ситуация во

240

[Электронный ресурс]:
https://zhuanlan.zhihu.com/p/261113479?utm_source=ZHShareTargetIDMore&utm_medium=social&utm_oi=1315838315195379712%20%5Ct%20_blank (дата обращения: 17.10.2020).

Франции особенно серьезна, и у западных правительств нет действенных способов решения этой проблемы». Трудно сказать, искренне или нет, но блогер утверждает, что на фоне подобного европейского бессилия у КНР имеются реальные возможности, чтобы навести порядок с мигрантами. Власти не должны проявлять мягкость и бесхребетность. КНР – социалистическое государство, и это дает стране массу системных преимуществ. Способность правительства отдавать приказы и способность подчиненных ведомств их выполнять, «несомненно, во много раз сильнее, чем в так называемых демократических странах Запада». Свой пост блогер заканчивает словами: «Я не смею комментировать. Меня много раз подвергали цензуре и банам. Сейчас многие китайцы вдруг полюбили африканцев. Причина ясна».

Приведенная в конце поста оговорка зримо демонстрирует определенное неписаное правило поведения китайцев в социальных сетях: высказывать свое резкое мнение можно, но только придавая ему определенный ореол беспристрастности – во избежание блокировки автор воздерживается именно от собственного комментария ситуации, остальной же текст – пусть и насыщенный негативными эмоциями – не выходит за четко ощущаемые, но невидимые рамки. Однако, по-видимому, анонимный автор их все же перешагнул, и данный материал был удален.

Биологическое объяснение ксенофобии весьма популярно в социальных сетях Китая. Автор следующего материала (он умышленно расставляет ошибочные знаки препинания, что проясняет механизм контроля за нежелательными публикациями со стороны администрации соцсетей: их ищут по ключевым словосочетаниям, чего и стремится избежать автор)²⁴¹ пишет, что американского биолога Джеймса Уотсона, «отца ДНК», на Западе осуждают за высказывания, считающиеся расистскими. В качестве примера блогер приводит слова ученого, что «у чернокожих не произошла эволюция, поэтому у Африки нет будущего». Автор поста считает, что положение дел с чернокожими в

²⁴¹ [Электронный ресурс]: https://zhuanlan.zhihu.com/p/148165504%20/t%20_blank (дата обращения: 30.12.2020).

нынешнем Китае очень напоминает ситуацию с выходцами из Африки в Советском Союзе, который «давал чернокожим большие преференции и позволял вступать в брак на всей своей территории». В этом смысле «японские дьяволы» ведут себя в отношении африканцев гораздо грамотнее – «они, например, не впускают к себе чернокожих с IQ ниже 105 пунктов». Блогер убежден в том, что африканцы в принципе неспособны быть культурными – «их души полны жестокости, ненадежности, кровожадности и прочих отрицательных качеств». В подтверждение своих слов он приводит статистические данные о высоком проценте чернокожих среди преступников в США. Неприязненно высказываясь об африканцах, блогер допускает примитивные фактические ошибки типа: «Манделе взбрело в голову изгнать белых чиновников и заменить их черными. Ужасный результат в виде экономической рецессии можно увидеть сейчас в Зимбабве». (Нельсон Мандела был президентом ЮАР.) Под конец своего объемного поста автор переходит к прямой демонизации африканцев: «Можете представить себе, как вы выходите из самолета, а группа черных смотрит и ждет, чтобы ограбить вас, как стая зверей на африканских лугах, стерегущих свою добычу. Это тоже дискриминация?» В завершение автор делает дежурную оговорку: «Я написал это не для того, чтобы посеять рознь между людьми. Я просто перечислил несколько неудобных, но научно обоснованных фактов. Надеюсь, меня не заблокируют».

Негативную реакцию в Синете вызывают не только новости о неподобающем поведении африканских мигрантов. В начале 2021 г. семеро африканских студентов (из Уганды, Марокко, Экваториальной Гвинеи, Зимбабве, Сан-Томе и Принсипи, Ботсваны и ДРК), обучающихся в КНР, записали видеопоздравление²⁴² с китайским Новым годом. Обращение исключительно благожелательно в отношении КНР. Вот, например, слова студентки из Сан-Томе и Принсипи: «Я дорожу возможностью учиться в Китае. Учителя и мои

²⁴²

[Электронный ресурс]: https://mp.weixin.qq.com/s?__biz=MzIwNTQ0OTYwNg%3D%3D&mid=2247511294&idx=1&sn=6bf3b8816d6a7d791d0d476c5e21742a&scene=45%20%5C1%20wechat_redirect%20%5Ct%20_b_lank (дата обращения: 11.02.2021).

одноклассники позволили мне почувствовать тепло дома». Африканские студенты произносили благопожелания: «Желаю здоровья, мира и любви – каждый день!», «С китайским Новым годом, годом быка!», «Позаботьтесь о своем здоровье и воплотите в жизнь свои мечты!», «Надеюсь, Новый год принесет нам еще много хорошего!» Несмотря на очевидную дружелюбность видеообращения, китайские комментарии к нему крайне агрессивны: «Канун Нового года, а вы хотите вызвать у нас омерзение?», «Китайское правительство – самое бесхребетное государственное учреждение! Оно, как раб, потеряв достоинство, стоит на коленях!», «Что еще, кроме СПИДа, наркотиков и [труднопереводимое оскорбление, относящееся к мужчинам-африканцам] приносят иностранные студенты?» Особенно выделяется пространный комментарий в духе «плана Калерги» (намерения, приписываемого европейскими правыми австрийскому мыслителю, политику и создателю Панъевропейского союза Рихарду Куденхове-Калерги, которое якобы сводилось к смешиванию белых европейцев с представителями других рас) о том, что «главные кукловоды» намерены «использовать планирование семьи, ЛГБТ, гедонизм», а также иные способы снижения «уровня рождаемости среди молодежи». Будут задействованы «беженцы, иностранные студенты и другие отговорки для массового переселения чернокожих и мусульман» на территории, где их никогда прежде не было, с помощью «промывания мозгов» добьются появления «новой смешанной расы», представителей которой будет «легко контролировать», так как они окажутся лишенными «национальной гордости». Это и есть цель «Меркель и других политиков» – «перезагрузить новый мир».

Один из блогеров предостерегает ²⁴³ девушку-китайку от брака с африканцем, говоря, что многие женщины, вышедшие за чернокожих, пожалели о своем решении. В качестве примера автор рассказывает такую историю. Несколько лет назад он увидел в Интернете сообщение, что студенты – китайка и африканец – полюбили друг друга и поженились. При этом африканец сказал

²⁴³ [Электронный ресурс]: <https://zhuanlan.zhihu.com/p/176284515> (дата обращения: 12.02.2021).

своей избраннице, что он чиновник во втором поколении и его семья очень богата. Когда же новая семья приехала в африканскую страну мужа, оказалось, что его слова не соответствуют действительности. Муж не работал, «просто слонялся целый день», его отец и двое старших братьев стали засматриваться на эту красивую девушку, а ее чернокожего супруга это совершенно не волновало, а затем он и вовсе бросил жену, у которой к тому времени был уже ребенок. И этот пример не единственный, многие девушки сожалеют, что вышли замуж за чернокожих. Блогер прямо говорит девушке, которой адресован его пост: «Вы должны быть готовы к тому, что Вас бросит черный муж, к насилию в семье или даже к смирению перед бедностью».

Настрой на нежелательность связей китайок с мужчинами-африканцами отмечается исследователями, изучающими африканскую иммиграцию в КНР. Так, например, Лю Тинтин, Сю Минлян и Чэнь Сю подчеркивают, что государство «закрывает глаза на вопросы, которые считаются личными: свидания, романы и брак». Однако «пользователи “Вейбо” (китайская социальная сеть. – *Н.А.*), выступающие против чернокожих, демонстрируют свое недовольство такой “халатностью”», они недовольны тем, что «КПК не может контролировать романтические отношения африканцев и китайок»²⁴⁴.

Когда кто-либо пытается в крайне жесткой форме призвать к одинаковому отношению к недостойно себя ведущим представителям любых наций, комментаторы Синета начинают защищать китайцев. Так, в одном полном обценной лексики тексте²⁴⁵ говорится: «Как сказал один человек, раз китайцы оставляют за собой кучу детей смешанной расы в Африке, то африканцы также правильно делают, что поступают аналогичным образом в Китае». По словам этого блогера, к «отморозкам всех цветов кожи» следует относиться одинаково. Комментаторы же отказались осуждать неэтично ведущих себя людей вне зависимости от их расовой принадлежности и встали на защиту китайцев:

²⁴⁴ *Liu Tingting, Xu Mingliang, Chen Xu. Op. cit. P. 496.*

²⁴⁵ [Электронный ресурс]: https://m.weibo.cn/status/4538094525615074%20/t%20_blank (дата обращения: 11.02.2021).

«Будьте терпимы к нашим ханьским китайским соотечественникам, иначе наше родство по крови не имеет значения», «У меня только одна просьба: не привозите гангстеров в Китай, будь то мужчины или женщины», «Китайцы оставляют потомков смешанной расы черным, чтобы повысить их IQ. А линия черных, оставшаяся в Китае, – это ген, загрязняющий Китай. Все знают, что из себя представляют чернокожие!»

Политика блокирования в китайских социальных сетях труднопредсказуема: какие-то посты сочувствующих африканцам китайцев удаляются, а другие – крайне националистические – остаются. Так, например, была удалена пространная статья анонимного автора, представляющая для настоящей работы исключительный интерес, так как она является единственным развернутым материалом в поддержку африканских мигрантов. Она называется «К вопросу о дискриминации чернокожих со стороны некоторых китайцев»²⁴⁶.

Автор начинает с того, что называет китайскую социальную сеть «Чжиху» лучшей в Синете благодаря высокому уровню ее пользователей. Однако он тут же утверждает, что не так давно обнаружил неприглядный факт: многие пользователи «Чжиху» являются расистами или же «относятся к чернокожим безразлично». Причем не только к чернокожим – среди пишущих в «Чжиху» достаточно и таких личностей, «кому одинаково противны и черные, и белые». Автор называет таких пользователей «националистами», но «националистами» условными, поскольку они ратуют за «величие Китая», однако вместе с тем игнорируют присутствие в единой «китайской нации» других народов, в том числе белых, например, русских или таджиков. Этническая специфика Китая заключается в том, что имеется разница между «единой китайской нацией» (многонациональным китайским народом) 中华民族 и титульным большинством 汉族, которое является лишь одной из 56 национальностей в составе «единой китайской нации»? То есть, ненавидя кого-то, «националисты», по мнению

²⁴⁶ [Электронный ресурс]: https://zhuanlan.zhihu.com/p/148549553%20/t%20_blank (дата обращения: 24.12.2020).

автора, понятия не имеют, что такое китайская нация. «Как вас можно назвать в таком случае? Для таких даже названия не придумано», – эмоционально восклицает он.

Переходя к проблеме африканских мигрантов, автор заранее ждет в свой адрес поток «безмозглой и ксенофобский нецензурщины» от пользователей «Чжиху». Он признает, что существует проблема чернокожих мигрантов-преступников, и даже пытается объяснить их криминальное поведение: «Они в большинстве своем не имеют хорошего образования, незнакомы с традиционными китайскими нормами морали и не понимают китайскую правовую систему». Такие переселенцы, приехавшие, чтобы «обманывать, воровать и грабить», вызывают к себе справедливую неприязнь. Но автор решительно против экстраполяции подобного стереотипного образа на всех африканцев, против их априорной дискриминации. Он досадует, что вместо разбирательства конкретных правонарушений в китайском обществе преобладают огульные обвинения мигрантов в «расовой неполноценности».

Как показано выше, автор данного поста не сгущает краски – действительно, в критике африканских мигрантов со стороны китайских пользователей социальных сетей если и не преобладают, то, во всяком случае, отчетливо присутствуют мотивы расовой неприязни. В противовес такому мнению выдвигаются аргументы об «общих корнях» чернокожих и китайцев, поскольку древнейшие люди появились именно в Африке, предлагается перестать мыслить по инерции, ассоциировать с Африкой исключительно «бедность» и «отсталость», поскольку этот континент – «плодородная земля, на которой чернокожие создали свои блестящие цивилизации», в том числе, например, нубийскую культуру или Аксумское царство. Автор прибегает и к политической аргументации. Он указывает на несовместимость национализма и одной из доктринальных основ современного китайского общества – «социализма с китайской спецификой», подчеркивает, что помощь африканским странам со стороны КНР приводит к положительным результатам – например, происходит укрепление авторитета Пекина среди стран третьего мира, что

приближает утверждение в мире «сообщества единой судьбы человечества» (установка, провозглашенная Си Цзиньпином в 2012 г. на XVIII съезде КПК). И вообще «расовая неполноценность – фикция, сфабрикованная капиталистами, чтобы расколоть пролетариат». Высказывается и упрек бывшему на момент публикации этого поста президентом США Дональду Трампу, который потворствует росту национализма: «Разве так себя должен вести лидер единственной в мире сверхдержавы?» На фоне упоминания Америки выстраиваются и удобные для приводимой аргументации аналогии, как в начале XX в. Запад видел в китайцах «варваров», «низшую расу», «желтых свиней». Поэтому недопустимо вести себя сегодня так же в отношении африканцев.

В заключение своего поста автор все же – видимо, в полемическом запале – высказывается в адрес чернокожих более резко, чем в начале: «...я не обеляю черных, я порицаю плохих чернокожих. Я также понимаю, что большинство чернокожих обладают негативными качествами, но слепая дискриминация не может решить никаких проблем. Есть два способа: либо уничтожить эту расу, либо улучшить ее качества и прийти к ним на выручку». А в размещенном через некоторое время дополнении к этому посту он еще раз подводит итог своей позиции: «Не считайте плохой всю расу из-за некоторых чернокожих – среди нас тоже есть плохие люди. Взаимная дискриминация абсолютно бессмысленна, а плохие чернокожие, естественно, должны быть устранены (в смысле депортированы. – *Н.А.*)».

Разобранный пост – в сущности, единственный неофициальный материал из социальных сетей, в котором человек, ни прямо, ни косвенно не связанный с административными органами, выражается в защиту африканских мигрантов в Китае. В качестве еще одного примера положительного отношения (точнее – интереса) частного лица к африканской культуре можно привести подборку некоего стилиста, родившегося в конце 1980-х гг. и проживающего, по всей видимости, в Чэнду²⁴⁷. Он делает африканские прически китайцам и африканцам

²⁴⁷ [Электронный ресурс]: <https://m.weibo.cn/u/1743140002?jumpfrom=weibocom> (дата обращения: 04.12.2020).

и выкладывает их фото. На момент обращения (4 декабря 2020 г.) у него было более миллиона подписчиков.

С полуофициальными источниками дело обстоит иначе. Например, любопытна публикация от 21 сентября 2020 г.²⁴⁸ о травнике из Мали, ставшем специалистом по китайской медицине. Другой пример – публикация автора, имеющего отметку «лучший автор», от 7 января 2021 г. У него 52 тыс. подписчиков, а у поста – более 393 тыс. лайков. Озаглавлена публикация: «Африканская девушка, вышедшая замуж в провинцию Хэнань, мила и привлекательна, и она стала примером того, как разрешить вопрос холостяков»²⁴⁹. В ней речь идет о некоей Набулии из Уганды. «В настоящее время, – пишет автор, – она живет в уезде Мэнцзинь, в городе Лоян и является настоящей хэнаньской невесткой»: говорит на хэнаньском диалекте, постоянно улыбается, прекрасно занимается сельским хозяйством и домашними делами. Свекровь с невесткой находятся в добрых отношениях, и «все это действительно здорово». Ее муж Се Сяовэй на 15 лет старше ее. Приехав работать из Уганды, она стала «наилучшим приобретением» для Се Сяовэя. Сейчас у них двое здоровых и подвижных сыновей, и они живут счастливо. Если бы не Набулия, велик был бы риск того, что Се Сяовэй так и остался бы холостяком. Его жизнь была бы «неподвижна, как стоячая вода», а его мать грустила бы и беспокоилась. В больших сельских районах много холостяков, которые хотят создать свою семью и «почувствовать себя в роли мужа, отца и зятя». Поэтому, как утверждается в публикации, противники смешанных браков неправы уже хотя бы с этой точки зрения.

Китайские власти внимательно отслеживают, что о них говорят и думают по всему миру, в том числе – в Африке. Поэтому в официальных новостных

²⁴⁸ [Электронный ресурс]: <https://mp.weixin.qq.com/s/x-QvfGvsSax3IGkIQfnBZg> (дата обращения: 14.02.2021).

²⁴⁹ [Электронный ресурс]: https://mbd.baidu.com/newspage/data/landingshare?pageType=1&isBdboxFrom=1&context=%7B%22nid%22%3A%22news_9310370597991805102%22%2C%22sourceFrom%22%3A%22bjh%22%7D (дата обращения: 13.02.2021).

ресурсах, представленных в социальных сетях, можно найти публикации наподобие следующей. В ней, в частности, говорится: «В Интернете в последнее время начинают распространяться видеоролики о “ненадлежащем обращении с гражданами Нигерии в Гуанчжоу”, а также различные злобные высказывания о том, что “Китай дискриминирует африканцев”, вызывающие бурю негодования в общественном мнении африканских стран». В результате «некоторые официальные лица» этих государств «заметили данную тенденцию и начали активную разъяснительную работу».

В подтверждение можно привести следующую историю. Намибийка Сельма Камбала разместила в Интернете видео, где пожаловалась на выселение из отеля. Когда же посол Намибии в КНР Элиа Джордж Кайямо позвонил своей соотечественнице, чтобы узнать подробности случившегося, то выяснились детали этого инцидента, которые не дают оснований усматривать в нем проявление расовой дискриминации. Оказалось, что из отеля выселили не только Камбалу, но и всех иностранцев из-за коронавируса. Более того, Камбале предложили другой отель, а также проверили на коронавирус. Намибийка еще пожаловалась на то, что, имея действующую визу, она не может отправиться на родину в связи с прекращением полетов из-за карантинных мер. Выслушав свою собеседницу, посол Кайямо указал Камбале на необходимость «исправить неверную информацию» из записанного ею видео и попутно заметил: «Вы рассказываете миру, что вас выгнала полиция, потому что вы черная. Теперь люди в Намибии относятся к этому серьезно. Я думаю, вы, возможно, захотите исправить предыдущее видео, потому что слухи о том, что “Китай дискриминирует африканцев” ставят наших китайских друзей в очень плохое положение». Впоследствии эта история вышла на более высокий уровень, и посол Китая в Нигерии Чжоу Пинцзянь, а также министр иностранных дел Нигерии Джеффри Онеама на совместной пресс-конференции 14 апреля 2020 г. разъяснили, что местная китайская администрация потребовала закрыть соответствующие помещения после того, как обнаружила, что в ресторане был

отмечен случай заболевания коронавирусом²⁵⁰. То есть и китайские, и африканские официальные лица стараются всячески сглаживать острые углы.

Таким образом, далеко не все китайское общество настроено к африканским мигрантам плохо. Другое дело, что те, кто относится к таким мигрантам действительно враждебно, более активны в Синете, чем и объясняется непропорциональное соотношение полярных суждений с явным преобладанием негативных мнений.

Нью Дун описывает любопытный пример своего рода дуэли в мессенджерах между некими представителями китайского и африканского сообщества в связи с убийством африканского мигранта в Китае в 2014 г. 17 июня 2014 г. в мессенджере WeChat автора появилось сообщение: «Еще один ниггер [黑鬼] был забит китайцами до смерти. Всем вам, мои ниггеры в Китае: будьте бдительны, держитесь подальше от всех китайцев и китайнок. Я знаю, о чем говорю, пожалуйста, приятель! Во-первых, мы черные, и они думают, что мы не люди. Просто посмотрите, что произошло вчера. В Китае пострадало еще больше черных. Черные, передайте это сообщение семье. Теперь те, кто заботится о семье, думают, что может случиться с детьми и женой». К новости была приложена фотография с места происшествия, а через несколько дней тоже в WeChat появились подробности гибели африканца: «Всем моим друзьям-музыкантам в Китае: этот человек умер вчера в Фучжоу, когда он выходил из бара, где играл, две китайки пытались с ним сфотографироваться, потом его увидел неприятный человек и убил его вместе с тремя другими. Я знаю его жену и его годовалую дочь, он хороший человек и всегда работал на свою семью. Теперь я разочарован в Китае, я зол и опечален. Пожалуйста, будьте осторожны, и покойся с миром, мой друг!»

После этой истории Нью Дун предположил, что африканцы в Гуанчжоу объединятся в некую организацию, способную отстаивать их права. Однако после бесед с неформальными лидерами разных африканских сообществ в

²⁵⁰ [Электронный ресурс]: <https://zhuanlan.zhihu.com/p/130923717> (дата обращения: 12.02.2021).

Гуанчжоу он понял, что ничего подобного не произойдет прежде всего потому, что африканцы не воспринимают здесь себя на длительную перспективу. Их пребывание в КНР видится им временным. К тому же сыграла свою роль и этническая разобщенность африканцев. После гибели африканца один сенегалец сказал Нью Дуну: «Я думаю, что он нигериец. Может быть, он нигериец. А может быть, у него камерунский паспорт... Меня это удивляет. Я мусульманин, я не пью, я не хожу в бары... Он, видимо, из Камеруна»²⁵¹. То есть весь негативный пафос ушел в выяснение национальности убитого африканца.

Таким образом, налицо нарастание очевидной проблемы, волнующей современное китайское общество. Следует еще раз подчеркнуть, что усиление раздражения на африканских мигрантов в блогосфере Синета может быть вызвано во многом не столько самой проблемой как таковой, сколько общим негативным состоянием, спровоцированным ограничениями из-за коронавируса, которые в Китае соблюдаются очень жестко. Вне зависимости от реального количества африканских мигрантов, находящихся в Китае, влияние их присутствия на умы граждан КНР колоссально. В китайском обществе постепенно формируются, без преувеличения, панические настроения, в том числе высказываются мнения о чуть ли не сознательном замещении китайцев мигрантами. Выражаемое в социальных сетях представление об африканских мигрантах являет собой классическое представление о «другом», о «чужаке». В абсолютно подавляющем большинстве случаев оценки африканских мигрантов имеют негативный характер, варьируясь от легкого недоумения по поводу поведения отдельных африканцев до оскорбительных расистских высказываний. Со стороны официальных органов и отражающих официальную позицию блогеров наблюдается крайнее благодушие в отношении африканских мигрантов. Преобладающие враждебные настроения либо замалчиваются, либо мягко порицаются. Пользователи социальных сетей демонстрируют практически полное единодушие в описании причин, вызывающих их негативное отношение

²⁵¹ 牛冬 [Нью Дун]. Op. cit.

к мигрантам: это недостаточная, по их мнению, культурность, склонность к совершению преступлений и неподобающее отношение к женщинам. Администрация китайских социальных сетей напряженно относится к любому упоминанию темы африканских мигрантов (единственно допустимый контекст – «дружба народов»). Комментарии на данную тему оперативно удаляются вне зависимости от того, в каком ключе автор высказывается по поводу переселенцев из Африки. Это во многом объясняется и тем, что усиливающееся экономическое проникновение Китая во многие африканские государства приветствуется в них на официальном уровне, в то время как неблагоприятные или даже просто непрогнозируемые отзывы в китайских социальных сетях могут испортить там впечатление о КНР. Настоящее исследование позволяет более глубоко и осмысленно взглянуть на миграционные процессы, участвующих в них африканцев и их взаимодействие с местным населением в Китае.

Поскольку китайское общество остается во многом приверженным своим традиционным ценностям, а политическая система страны, несмотря на «политику реформ и открытости», по-прежнему предполагает серьезный контроль за публичными высказываниями граждан, единственной площадкой для свободного выражения мнений для китайцев является Интернет. Поэтому в личных блогах и в социальных сетях граждане КНР под никами резко высказываются в адрес африканских мигрантов, допуская часто предельно оскорбительные расистские суждения. Лишь небольшой сегмент пользователей придерживается противоположной позиции. Синет можно воспринимать как объективный индикатор настроений китайцев по поводу африканцев.

3.3. Опыт позитивного сотрудничества китайских властей и общественных организаций с африканскими мигрантами

Известный исследователь проблем, связанных с африканскими мигрантами в Китае Ли Аньшань, научный сотрудник Центра африканских исследований Пекинского университета, считает, что нынешнее предубеждение против Африки в китайском обществе по-прежнему связано с отсутствием

обменов, и с увеличением частоты и глубины таких обменов многие недоразумения постепенно изглаждаются. Многое будет зависеть и от руководства страны²⁵².

Надо сказать, что китайские власти предпринимают определенные усилия, чтобы снять напряжение в китайском обществе по поводу африканских мигрантов и лишить их образ негативных коннотаций. Так, например, делаются определенные шаги по выстраиванию соответствующей культурой пропаганды. В настоящее время большой популярностью в КНР пользуется документальный фильм режиссера Чжан Юна о сотрудничестве китайцев и африканцев «Фабрика Бобби». Он рассказывает о различных столкновениях между африканскими боссами и китайскими работниками на косметической фабрике в условиях пандемии COVID-19, а также о том, как коллектив предприятия спасал его от банкротства. Действие происходит в Иу. Фильм снимался с 2018 г. по 2021 г. Показана история предприятия африканского бизнесмена Бобби в Иу до и после пандемии. Особое внимание уделяется тому, как африканец Бобби и его жена управляют с китайскими служащими в ситуации отсутствия кадров. Главный герой – африканец Бобби – уже вполне интегрировался в китайское общество. В 2018 г. он и его жена-китаянка открыли косметическую фабрику недалеко от Иу для изготовления продукции на экспорт в Западную Африку. По мнению Чжан Юна, «Бобби может представлять тех африканцев, которые напрямую общаются с простыми китайцами и разделяют их радость и горе». В фильме Бобби приходится сталкиваться со многими проблемами, знакомыми для китайских предпринимателей. При этом подчеркивается, что эти проблемы возникли не из-за африканской идентичности Бобби, что они свойственны абсолютно всем деловым людям в КНР, в том числе и гражданам. Среди таких проблем – разрешение трудовых конфликтов, управление цепочками поставок, координация деятельности предприятия во время пандемийного локдауна. При

²⁵² 李安山 [Ли Аньшань]. 对于非洲的偏见何时休澎湃新闻新闻记者王芊霓实习生严月茹? [Когда прекратятся предубеждения против Африки?].

разрешении конфликтов с китайскими работниками Бобби все время повторяет: «Мы все друзья, мы не враги». Чжан Юн утверждает: «Благодаря этой истории китайско-африканского многонационального завода я надеюсь, что зрители смогут увидеть, что простые китайцы и африканцы в Китае пережили в эту эпоху перемен. Надеюсь, мне удалось отразить подлинные отношения между китайцами и африканцами на глубинном уровне во время испытаний коронавирусом»²⁵³.

Чжан Юн подчеркивает социальную актуальность своего фильма. Говоря в интервью о показанном в фильме трудовом конфликте с понижением сотрудника предприятия в статусе, режиссер замечает: «В последние годы мобильность персонала внешнеторговых предприятий в дельтах рек Янцзы и Жемчужной очень велика. В этой ситуации сотрудников с зарплатой в три-четыре тысячи юаней в месяц можно заменить в любое время, и это приводит к отсутствию у них лояльности своему трудовому коллективу»²⁵⁴.

Китайские власти занимаются трудоустройством африканских студентов. 15 ноября 2017 г. в Пекине состоялась Конференция по дружескому обмену, работе и трудоустройству для африканских студентов в Китае, в которой приняли участие около 400 молодых людей с этого континента, получающих высшее образование в КНР. Конференция представляла собой своего рода ярмарку вакансий: на ней 66 государственных, муниципальных и частных предприятий, представили около 500 рабочих мест, преимущественная часть которых находилась в Африке.

Вице-президент Китайской народной ассоциации дружбы с зарубежными странами Линь И заявил на этом мероприятии: «В данный момент в Китае обучаются и проживают до 60 тыс. африканских студентов. Мы ищем

²⁵³ 非洲人的中国工厂 [Китайская фабрика африканцев].

²⁵⁴ 编织中非故事的影像语言:专访“波比的工厂”导演张勇采访/施东来(上海交通大学比较文学学者,目前主要从事中非文化研究) [Сплетаю язык китайско-африканских видеоисторий: интервью с Чжан Юном, режиссером «Фабрики Бобби»].

африканских сотрудников, чтобы развивать локальные операции. Значение проведения этого мероприятия заключается в наведении мостов».

Филлмор, студент из Либерии и одновременно председатель Либерийской ассоциации студенческого обмена в Китае, активно участвовал в конференции, общался с рекрутерами из китайских компаний, переходил с китайского на английский и на родной язык.

Сунь Шучжун, бывший Чрезвычайный и Полномочный Посол Китая в Королевстве Марокко, сказал в своем выступлении, что 70% китайских компаний, инвестирующих в Африку, не оправдали ожиданий, поскольку были плохо интегрированы в местную культуру.

Выступавшие отмечали, что главный навык, который требуется от претендентов на трудоустройство с помощью китайских рекрутеров, – это знание китайского языка и понимание китайской культуры. Филлмор, который не в совершенстве владеет китайским, доказывал рекрутерам, что он постоянно совершенствуется в языке и уже достаточно глубоко погружен в действительность КНР: «Способ, которым я доказываю, что я лучше других, заключается в том, что я понимаю китайскую культуру лучше, чем они, и я узнал о ваших обычаях за шесть лет, я даже знаю некоторые специфические вещи – такие, как, например “双 11”, который только что прошел» (11 ноября – день распродаж со значительными скидками).

Линь И, естественно, обозначил и политическую значимость мероприятия: «Я надеюсь, что эти иностранные студенты не только в полной мере проявят знания и навыки, которые они изучили, но и вернут традиционную и простую дружбу китайского народа с африканскими народами. Пусть они учатся лучше понимать бытовые и рабочие привычки китайцев»²⁵⁵.

То есть китайские власти тем самым пытаются переломить тенденцию, когда вчерашние африканские студенты остаются в Китае и встраиваются в бизнес своих соотечественников. Вместо этого им предлагают хорошие

²⁵⁵ 于潇清 [Юй Сяоцин]. Op. cit.

стартовые позиции в странах откуда они приехали – и тем самым мягко способствуют «рассасыванию» все еще перегруженного бизнес-сообщества африканских мигрантов.

Есть китайцы (преимущественно в лице общественных организаций), которые стараются адаптировать переселенцев из Африки и обеспечивать им достойный уровень жизни. Так, Чжан Сяовэн и Мао Гуомин анализируют работу Центра комплексного обслуживания иностранцев, расположенного в Гуанчжоу на улице Дэнфэн района Юэсю. Результаты работы этой структуры авторы расценивают как исключительно плодотворные, по их мнению, ей удалось наладить «успешную социальную интеграцию» выходцев из Африки в китайское общество. Поэтому, утверждают авторы, все те, кто так или иначе занимается проблемами адаптации мигрантов, должны обратить на опыт этого центра пристальное внимание. Статья начинается с общей характеристики положения дел с мигрантами в Гуанчжоу. В этом городе насчитывается более 8 млн жителей, ежегодная мобильная динамика иностранцев (въезд в город и выезд из него) составляет более половины от числа постоянного населения Гуанчжоу – порядка 5 млн человек. При этом 100 тыс. иностранцев проживают тут на постоянной основе. То есть налицо объективная потребность в создании негосударственных структур, которые помогали бы городским властям в деле адаптации мигрантов. И в 2012 г. подобная структура возникла на улице Дэнфэн в районе Юэсю. Общественная инициативная группа жителей этой улицы при поддержке некоторых общественных организаций создала принципиально новую институцию – Центр комплексного обслуживания иностранцев. Эта институция представляет собой «частное некоммерческое предприятие», работающее под контролем правительственных структур и субсидируемое ими (получаемые средства идут на обеспечение предоставляемых центром услуг), но вместе с тем сохраняющее статус общественной организации. С самого начала своего функционирования центр совмещал теоретическую и практическую деятельность. С одной стороны, он «активно изучал вопросы интеграции иностранных мигрантов в местную общественную жизнь». Благодаря этому

центру удалось собрать ценные сведения о том, как надлежит работать с африканскими мигрантами. С другой стороны, эта структура занималась практическим обеспечением «глубокой социальной интеграции» прибывших из Африки в китайское общество. Всего лишь за несколько лет своего существования центру удалось добиться впечатляющих результатов. Например, в 2016 г. (то есть на момент сбора информации для написания статьи) центр помогал более 8 тыс. мигрантов, преимущественно африканских, предоставляя им различные бесплатные услуги. Сотрудникам центра удалось выстроить со многими из них доверительные личные отношения. Информация о центре получила широкое распространение среди переселенцев. Теперь многие из них регулярно обращаются в центр с просьбами о помощи в разрешении тех или иных проблем. Последствия установления таких доверительных взаимных коммуникаций не заставили себя долго ждать: количество правонарушений, осуществляемых мигрантами в районе улицы Дэнфэн, сократилось в половину, если показатели 2016–2017 гг., когда писалась статья, сравнить с аналогичными показателями 2012 г., когда центр начал свою работу.

Чжан Сяовэн и Мао Гуомин выделяют четыре группы услуг, которые центр оказывает африканским мигрантам. Первая услуга связана с ликвидацией одного из «трех не» – легитимацией проживания мигрантов. Центр осуществляет сбор информации о новоприбывших переселенцах – каждому из них предоставляется специальная «регистрационная форма для иностранных резидентов», после ее заполнения сведения о заполнившем ее поступают в специальный банк данных. Сбор персональных данных позволяет центру грамотно и с учетом личных потребностей мигрантов предлагать им самые разные услуги, связанные с регистрацией и проживанием. Зарегистрированные в центре мигранты могут получить информацию о сдаче жилья в аренду по доступным ценам. Конкретная помощь многим африканским мигрантам в этом ключевом вопросе способствовала распространению среди них «чувства принадлежности» к китайскому обществу, стимулировала их на «добровольную социальную интеграцию» в городскую общественную среду, помогала уменьшать

«психологическую дистанцию между ними и местными жителями». Деятельность центра на этом направлении продемонстрировала результативность адресной работы с переселенцами, содействия их «легализации», которая пусть и не сразу, но со временем помогает мигрантам отказаться от ориентации на криминальные способы обеспечения собственных потребностей.

Следующая услуга – это разного рода юридические консультации. Из-за особенностей своего менталитета, специфического религиозного сознания, «психологической дистанции» между ними и местным населением, а также широкого круга социокультурных особенностей выходцы из Африки плохо представляют себе китайское законодательство, в том числе наиболее актуальное для них – иммиграционное. Чтобы постепенно преодолевать правовую некомпетентность переселенцев, центр регулярно организует для них «открытые лекции», на которых разбираются вопросы правового характера. Подобная просветительская деятельность также способствует гомогенизации сообщества африканских мигрантов с точки зрения «принципа “трех не”». Эффект от такого правового просвещения очевиден – мигранты перестают расценивать как нечто непреодолимое задачу своего встраивания в китайское общество. В рамках этого же направления осуществляемых центром услуг можно назвать и такое специфическое содействие мигрантам, как помощь и сопровождение в передвижениях по городу для тех, кто прибыл в Гуанчжоу совсем недавно и еще плохо в нем ориентируется.

Еще одно направление деятельности центра – предоставление «услуг по социальной интеграции». Здесь уместно процитировать авторов статьи, чтобы точнее понять, что они подразумевают под «социальной интеграцией»: «Чтобы способствовать интеграции африканских мигрантов, местная община (улицы Дэнфэн, которая и создала центр. – *Н.А.*) обычно организует мероприятия в праздничные дни. Например, сотрудники центра через приложение WeChat приглашают местных жителей и африканцев поучаствовать в прогулке по цветочному рынку во время Весеннего фестиваля или в приготовлении лунных

пирожков на Празднике середины осени. Кроме того, центр поспособствовал организации двух футбольных команд из африканцев, тем самым помогая им включиться в любительские соревнования. Организуемые общественными организациями мероприятия позволяют африканским мигрантам интегрироваться в сообщество местных жителей и помогают последним повысить терпимость по отношению к переселенцам». Наконец, центр занимается организацией образовательных и культурных проектов для мигрантов. Поскольку без знания китайского языка выходцы из Африки не могут рассчитывать на «по-настоящему глубокую социальную интеграцию», работающие в центре волонтеры проводят с приехавшими в Гуанчжоу языковые тренинги, регулярно рассказывают им об обычаях и культуре города. Благодаря этому происходит «всесторонняя – бытовая, психологическая и экономическая – интеграция мигрантов» в среду мегаполиса. Центр распространяет среди мигрантов информацию о том, как устроить их детей в школу. Ему удалось добиться и важного новшества – «большинство детей африканских мигрантов учатся в школах, созданных на средства местного населения». Среди мигрантов распространяется информация о том, где и на каких условиях можно получить профессиональное образование. Центр содействует и пропаганде среди мигрантов здорового образа жизни, помогает получать бесплатное медицинское обслуживание – например, посредством регулярной акции «общественный прием в бесплатной больнице» – или через специальный лекторий узнавать о способах поддержания здоровья на хорошем уровне. Все это помогает заниматься «сознательной профилактикой болезней», приучать африканских мигрантов к здоровому образу жизни²⁵⁶.

Об этом же центре в Гуанчжоу говорится и в материале Чжоу Бо. Указанный материал примечателен также тем, что в нем приводятся общие сведения о проживающих в Гуанчжоу мигрантах из Африки. Автор указывает, что переселенцы говорят в основном на английском, арабском, португальском и

²⁵⁶ 张晓文,毛国明 [Чжан Сяовэн, Мао Гуомин]. Op. cit.

французском языках. Большинство из них прибыли в Китай из западноафриканских стран (Гвинея, Мали, Нигерия), а значительно меньшая часть – из Центральной или Восточной Африки. В Гуанчжоу преимущественный вид занятости африканских переселенцев – это «коммерческая деятельность». Однако за такой общей формулировкой кроется весьма специфическая торговля, которую держат африканцы. Чжоу Бо классифицирует мигрантов-торговцев. Это, во-первых, «лавочники, открывшие в Гуанчжоу магазины или фирмы и занимающиеся реализацией большого количества товаров среднего и низкого качества». Они в основном перепродают импортированную готовую продукцию. Во-вторых, в статье называются разносчики товаров, которые закупают их на рынке, а затем занимаются дистрибуцией, получая доход за счет скорости оборота средств и благодаря мобильному предложению продукции, которая еще не появилась в продаже по доступным ценам. В-третьих, среди торговцев можно выделить «батраков», которые сами в прошлом были торговцами, но прогорели, а теперь работают на продавцов из обеих указанных выше групп, выполняя услуги по доставке и распространению товаров. В-четвертых, сохраняется небольшое число мигрантов, занимающихся в основном предоставлением на непродолжительный срок жилья новопривывшим африканцам и ознакомлением их с особенностями той ниши торговой деятельности, в которой находятся приехавшие из Африки переселенцы.

В статье характеризуются пять основных районов Гуанчжоу, в которых компактно проживают африканские мигранты. Это Саньюаньли, Хуаньшидун, Тяньхэбэй, Эршадэо и Паньюй. Больше всего африканцев расселено в Саньюаньли (особенно на улице Куанцюнь) и Хуаньшидун (здесь переселенцы сосредоточены на улице Дэнфэн). Также много выходцев из Африки сконцентрировано в городском округе Фошань, который прилегает к Гуанчжоу, они ежедневно ездят на метро в столицу провинции Гуандун торговать. На улице Дэнфэн в основном живут африканцы-мусульмане. Прежде на этой улице проживали синьцзян-уйгуры, поэтому здесь много халяльных ресторанов и магазинов, что очень удобно для африканских мусульман.

Помимо Гуанчжоу большое количество африканцев можно встретить в Гонконге, Макао, Иу, Пекине и других городах. Там они также в основном занимаются торговлей, некоторым из них, правда, удается устроиться преподавателями английского языка или стать студентами²⁵⁷.

В 2010-х гг. китайское руководство и общественные организации КНР начали пытаться изменить негативный образ африканских мигрантов в общественном мнении страны. Это делалось и путем создания пропагандистских фильмов, и через предложение рабочих мест наиболее талантливым африканским студентам, обучающимся в КНР. Стали работать волонтерские организации, которые стремились облегчить приехавшим адаптацию к новым жизненным условиям, помочь им в овладении китайским языком и в оформлении необходимых документов, формировались фонды помощи мигрантам. Однако пока подобные действия не приобрели системности.

²⁵⁷ 周波 [Чжоу Бо]. Op. cit.

Заключение

Таким образом, проведенное исследование представляет собой комплексный анализ положения африканских переселенцев на территории Китая от частных случаев проникновения отдельных их представителей в древности (с преимущественным вниманием ко времени с конца XX в.) и до начала 2020-х гг. Наиболее значимым для этого комплексного анализа является отрезок истории КНР со времени правления Цзян Цзэминя до начавшегося в 2012–2013 гг. нахождения у власти Си Цзиньпина с завершением рассмотрения проблематики периодом, наступившим после окончания пандемии COVID-19. Анализ осуществлен с фокусировкой на взаимоотношения внутри мигрантского сообщества африканцев, на динамически изменявшуюся все это время политику в отношении них китайских властей разных уровней, а также на восприятие таких представителей другого континента местным населением, в том числе с учетом наличия разных мнений по этому поводу среди граждан КНР. Анализ позволяет сделать ряд выводов, которые дают ответы на задачи диссертации и обосновывают положения, выносимые на защиту.

Значительное расстояние между Восточной Азией, а именно – между речьем Хуанхэ и Янцзы, то есть пространством, в котором возникла и долгое время развивалась китайская цивилизация в древности, – и Африкой стало главной причиной того, что попадание африканцев в Китай на протяжении многих веков оставалось единичным или, во всяком случае, сводилось к группам, исчисляемым максимум несколькими десятками человек. Причем такая репрезентативность имела место лишь на пике существования португальской колониальной империи и ее форпоста на восточноазиатском побережье Тихого океана – в Макао. Сведения об африканцах, попадавших в Китай, предельно разрозненны. В отношении большинства из них невозможно с уверенностью констатировать, что они являются переселенцами именно из Африки, а не представителями аборигенного населения островов Океании, поскольку в источниках фиксируются антропологические признаки, которые вполне могут относиться как к африканскому населению южнее Сахары, так и к автохтонным

жителям территорий в западной и юго-западной частях Тихого океана. Основным способом попадания африканцев в Китай с древнейших времен и до начала XIX в., то есть до начала кризиса португальской колониальной империи, было обращение их в рабство и доставление в Китай именно в качестве несвободных (разной степени зависимости) людей. Поначалу главной коммуникационной артерией, по которой такие зависимые люди доставлялись в Китай, являлся Великий Шелковый путь, но с основанием португальской колонии в Макао в середине XVI в. преимущественная транспортировка осуществлялась на кораблях. В Китае – как в Макао, так и в прибрежных континентальных регионах страны – зависимые переселенцы из Африки выполняли самые разные функции – от домашней прислуги до воинов, участвовавших в боевых действиях в составе армий китайских правителей и вооруженных соединений представителей китайской знати. На протяжении последнего века существования империи Цин, с начала XIX до начала XX вв., наблюдалось резкое сокращение и без того незначительной численности африканцев в Китае. Эта же тенденция сохранялась и в течение гражданской и Второй мировой войн – до создания КНР.

Новый этап присутствия африканцев в Китае – это время после создания КНР в 1949 г. и до настоящего времени. Поскольку на протяжении всех этих более чем 70 лет КНР была и остается режимным государством, несмотря на некоторые послабления после провозглашения в 1978 г. «политики реформ и открытости», проблема регулирования въезда в страну и выезда из нее является для руководства Китая исключительно значимой. В первые десятилетия своего существования КНР оставалась фактически закрытой для внешнего мира. В этом смысле кампания по привлечению в Китай на учебу молодежи из освободившихся от колониальной зависимости африканских стран стала первым опытом столь массовой иммиграции, однако этот опыт явился прецедентом, не отразившимся на уровне законодательства, которое оставалось жестким вплоть до середины 1980-х гг. Важнейшей особенностью формирования нового миграционного законодательства КНР стала его обоюдность: практическое

воплощение в жизнь «политики реформ и открытости» в смысле послаблений миграционного законодательства осуществлялось одновременно как для граждан страны, выезжающих за рубеж, так и для иностранцев, намеревающихся попасть в Китай. Такая обоюдность способствовала упрощению визовых правил для граждан других государств. В конце 1990-х – начале 2000-х гг., когда руководство КНР обозначило свою заинтересованность в иностранцах, разрабатывающих определенные сегменты китайского рынка, визовые правила были заметно упрощены, что способствовало массовому притоку в это время в том числе переселенцев из Африки, занявшихся трансконтинентальной торговлей. Однако впоследствии в КНР был принят ряд законоположений, которые усилили избирательность миграционной политики страны и развернули ее в направлении создания приоритетных условий для привлечения высококлассных специалистов, к которым в массе своей не относились африканские мигранты, занимающиеся преимущественно посреднической торговлей. Одновременно с этим стала ужесточаться политика в отношении нарушителей визового законодательства («принципа “трех не”»). Этот новый поворот в миграционном законодательстве стал одной из причин сворачивания африканского посреднического бизнеса в КНР с первой половины 2010-х гг.

Африканская молодежь во второй половине XX в. дважды становилась самой массовой частью переселенцев из Африки. Первый раз это произошло в конце 1950-х – начале 1960-х гг., когда в КНР прибыли несколько десятков представителей ряда африканских стран, только получивших независимость, для учебы в китайских вузах. Однако это первый опыт оказался неудачным и не имел развития. Жесткая режимность для иностранцев, тотальный дисциплинарный и идеологический контроль, а также крайне низкий уровень материального обеспечения и условий жизни привели к массовому оттоку студентов обратно в свои страны. Этот процесс завершила начавшаяся в середине 1960-х гг. культурная революция, в результате которой система высшего образования КНР оказалась в положение глубокого кризиса. Между тем спорадические примеры завоза в Китай африканских молодых людей для получения ими высшего

образования не прекращались, следующий такой опыт имел место в начале 1970-х гг., еще до кончины Мао Цзэдуна. Второй раз молодые люди из Африки, приезжающие в КНР за высшим образованием, стали самой массовой возрастной группой переселенцев из этого континента в 1990-х гг. Причем многие из них по завершении обучения в китайских вузах либо остались в стране и занялись посреднической торговлей, либо, вернувшись в свои страны, начали регулярно приезжать в КНР для совершения торговых операций. Их удачному встраиванию в бизнес способствовало знание китайского языка, местных бытовых и поведенческих обычаев. Одновременно – по мере усиления китайского присутствия в Африке – руководство КНР предпринимало шаги по увеличению численности контингента африканских студентов. Такая установка остается вплоть до настоящего времени, хотя ее осуществлению существенно воспрепятствовала пандемия COVID-19. На пике пандемии в КНР были введены ограничения на въезд и усилен контроль за находившимися в стране иностранцами. Часто такие ограничения принимали черты преследований. Это привело к отъезду на определенное время из страны африканских молодых людей, обучающихся в китайских вузах. Однако после завершения пандемии число приезжающих в КНР за высшим образованием снова стало возрастать.

Местом наиболее крупного сосредоточения африканских мигрантов в КНР стал г. Гуанчжоу. Этому способствовало его местоположение – в дельте Жемчужной реки, ставшей пространством многочисленных торговых площадок, на которых осуществляется внешнеэкономическая деятельность КНР, и вблизи от Гонконга с его рыночными традициями. В городском ландшафте Гуанчжоу в конце 1990-х – начале 2000 гг. наметились определенные ареалы расселения африканских предпринимателей в соответствии с их этнической принадлежностью и торговой специализацией. Мигранты стали создавать свои неформальные организационные структуры, которые помогали им удерживать определенные ниши рынка. Эти структуры строились по иерархическому принципу. Их возглавили наиболее опытные переселенцы, прожившие в стране длительное время, знающие китайский язык и имеющие образование – как

правило высшее, в том числе полученное в КНР. Такие руководители управляют гораздо менее квалифицированными мигрантами, обычно не знающими китайского языка, имеющими непродолжительные визы и в силу этого занимающимися обычно мелкооптовой торговлей и курсирующими между своей страной и Гуанчжоу. Африканские предприниматели прибегали к услугам граждан КНР, но при этом не шло речи о создании совместного бизнеса. Появление существенного африканского анклава в Гуанчжоу создало серьезные проблемы местным правоохрнительным органам. Частые нарушения африканцами «принципа “трех не”» (особенно теми из них, кто занимался челночной торговлей и имел краткосрочные визы) приводило к тому, что местные правоохрнительные органы начали регулярно прибегать к массовым проверкам, которые усилили напряженность в городе. Дважды такая напряженность выливалась в более сложный конфликт между правоохрнителями и африканскими мигрантами. В силу того, что КНР после вступления в ВТО перестал производить контрафактную продукцию и подделки мировых брендов, а также вследствие появления крупных торговых китайских интернет-площадок наподобие Alibaba и по причине ужесточения преследования нарушителей «принципа “трех не”» африканская торговая сеть в Гуанчжоу начала сокращаться, а африканские мигранты стали переносить свой бизнес в близлежащие страны.

С самого начала массового появления в КНР африканских мигрантов между ними и местными жителями возникли определенные проблемы во взаимоотношениях. Китайцы продолжали следовать поведенческим установкам, сложившимся еще в глубокой древности и заключающимся в жестко нормированном самоконтроле. Африканцы, напротив, в массе своей вели себя предельно раскованно. Из-за этого у местных жителей возникало ощущение, что приезжие демонстрируют нарочито пренебрежительное отношение к правилам, принятым в Китае. По мере увеличения численности африканских мигрантов подобные настроения граждан КНР усиливались. Однако в силу того, что Африка является стратегическим направлением для внешнеэкономической

деятельности Китая, руководство этой страны всячески старалось не поднимать проблему таких культурных нестыковок и пресекать высказывания и действия, которые можно расценивать как расистские. Поэтому у граждан КНР, недовольных возрастанием численности африканских мигрантов, оставалась единственная возможность выражать свое недовольство – это посты в личных блогах и социальных сетях. Анализ имеющихся в Синете высказываний на тему присутствия в китайском обществе африканских мигрантов показывает, что среди граждан КНР усиливались антиафриканские настроения. Однако такие настроения все же нельзя считать расистскими. Встречающиеся в них радикальные суждения являются, скорее, следствием запрета на открытое обсуждение данной темы в публичном пространстве. Можно сказать, что подобные негативные в отношении африканских переселенцев настроения в китайском обществе воспроизводят относительно объективную картину имеющихся среди китайцев мнений, хотя эта картина и является отчасти гиперболизированной вследствие запретности самой темы. Однако в последние годы в китайском обществе набирает силу и противоположная позиция, предполагающая оказание помощи африканским мигрантам и их встраивание в действительность КНР. Правда, эта позиция выражает точку зрения того сегмента китайского общества, который не является преобладающим.

Список использованных источников и литературы

Источники

Законодательные акты и нормативные документы КНР

1. «Временные правила въезда, выезда и проживания иностранных граждан» 1951 г.
2. «Положение об управлении въездом, выездом, транзитом, проживанием и поездками иностранцев» в редакциях 1964 г. и 2013 г.
3. Закон о гражданстве 1980 г.
4. «Положение о паспортах и визах Китайской Народной Республики» 1980 г.
5. «Временное положение о привлечении иностранных талантов» 1983 г.
6. Закон о контроле за въездом в страну и выездом из страны иностранцев в редакциях 1985 г. и 2012 г.
7. «Правила исполнения Закона о контроле за въездом в страну и выездом из страны иностранцев» 1986 г.
8. «Положения об управлении трудоустройством иностранцев в Китае» 1996 г.
9. «Программа разработки и создания системы подготовки национальных кадров на 2002–2005 годы» 2002 г.
10. «Положение о получении вида на постоянное жительство иностранцев» 2004 г.
11. «Отчет о работе правительства за 2007 год», «План тысячи талантов» 2008 г.
12. «Меры по обращению с иностранцами, постоянно проживающими в Китае» 2012 г.
13. «Заключение об усилении администрирования услуг для постоянно проживающих иностранцев и их обслуживании» 2016 г.

14. «Уведомление по вопросам, касающимся разрешения на работу в Китае выдающимся выпускникам иностранных вузов» 2017 г.

Материалы китайской блогосферы и социальных сетей

1. <https://mbd.baidu.com>
2. <https://m.weibo.cn>
3. <https://mp.weixin.qq.com>
4. <https://zhuanlan.zhihu.com>

Воспоминания

1. *Hevi Emmanuel John*. An African Student in China. London: Pall Mall Press, 1966. 220 p.

Публицистика на европейских языках

1. *Beach S*. Foreigners in Guangzhou Protest Death of Expat // China Digital Times. 2012. June 19 // [Электронный ресурс]: <https://chinadigitaltimes.net/2012/06/foreign-residents-guangzhou-protest-death-expat/> (дата обращения: 10.03.2024).

2. *Beech H*. A Nigerian Dies in China – And Racial Tensions Heat Up // Time. 2012. June 20 // [Электронный ресурс]: <https://world.time.com/2012/06/20/a-nigerian-dies-in-china-and-racial-tensions-heat-up/> (дата обращения: 11.03.2024).

3. COVID-19. Racisme: le calvaire des migrants Sénégalais en Chine. 2020. Avril 16 // [Электронный ресурс]: <https://jeminformetv.com/2020/04/16/covid-19-racisme-le-calvaire-des-migrants-senegalais-en-chine/> (дата обращения: 12.01.2024).

4. *Li H*. Mistreatment of Africans in Guangzhou Threatens China's Coronavirus Diplomacy. 2020. April 17 // [Электронный ресурс]: <https://theconversation.com/mistreatment-of-africans-in-guangzhou-threatens-chinas-coronavirus-diplomacy-136348> (дата обращения: 23.01.2024).

5. *Osnos E*. The Promised Land // The New Yorker. 2009. February 1.

6. Santé. Coronavirus: le plan d'actions initié par le Gouvernement pour les Sénégalais en Chine. 2020. Janvier 29 // [Электронный ресурс]: <https://diasporaenligne.net/sante-coronavirus-le-plan-dactions-initie-par-le-gouvernement-pour-les-senegalais-en-chine/> (дата обращения: 12.01.2024).

Публицистика на китайском языке

1. 非洲人谈在中国经历:会被人盯着看但他们只是好奇 [Африканцы рассказывают о своем опыте в Китае: на них смотрят из любопытства] // 参考消息网 [Новостная сеть]. 2017. December 10 // [Электронный ресурс]: http://m.news.cn/world/2017-12/10/c_129761465.htm (дата обращения: 31.01.2024).

2. 外國非白人」在臺灣,我所經歷的種族歧視:因膚色當不成老師,還有人驚訝我竟有「受教育」 [Иностранные «небелые» на Тайване, расовая дискриминация, которую я испытал: я не могу быть учителем из-за моего цвета кожи, и некоторые люди удивляются, что я «образованный». Анонимное письмо в редакцию]. 2021. April 17 // [Электронный ресурс]: <https://crossing.cw.com.tw/article/13857> (дата обращения: 18.01.2024).

3. *Iris Zhao*. 疫情防控框架下广州“小非洲”华人移民现状—览 [Взгляд на текущую ситуацию с китайскими иммигрантами из «Маленькой Африки» Гуанчжоу в рамках профилактики и борьбы с эпидемиями]. 2020. April 20 // [Электронный ресурс]: <https://www.abc.net.au/chinese/2020-04-24/guangzhou-african-racial-discrimination-in-covid-19-outbreak/12178320> (дата обращения: 04.05.2023).

4. 非洲人的中国工厂 [Китайская фабрика африканцев] // 工人日报 [Гунжэн жибао]. 2022. August 20 // [Электронный ресурс]: http://www.tibet.cn/cn/instant/domestic/202208/t20220820_7261646.html (дата обращения: 25.01.2024).

5. 老木 [Лао Му]. 正如你所看到的,越来越多的非洲人来到中国(怎么看越来越多非洲人来中国(之一) [Как вы думаете, почему все больше и больше африканцев приезжают в Китай (часть 1)?] // 环球网 [Хуаньцю ван]. 2019. January 23 // [Электронный ресурс]: <https://m.huanqiu.com/article/9CaKrnKhl94> (дата обращения: 18.01.2024).

6. 李霓 [Ли Ни]. 那些在广州的非洲人,他们如何做生意,如何生活.“低端全球化” [Африканцы в Гуанчжоу: как они ведут свой бизнес и живут. «Глобализация низкого уровня»] // 数英 DIGITALING [Шуин дигиталинг]. 2018. May 22 // [Электронный ресурс]: <https://www.digitaling.com/articles/46311.html> (дата обращения: 13.01.2024).

7. 林丹 [Линь Дан]. 生滚粥 5:低端全球化和交往中的人 [Как я исследовал африканцев в Гуанчжоу]. 2021. September 15 // [Электронный ресурс]: <https://www.ximalaya.com/renwen/36583171/309284520> (дата обращения: 11.01.2024).

8. 牛冬 [Ню Дун]. 移民还是过客?—广漂非洲人的现状观察 [Иммигрант или гость? Наблюдение за текущим положением африканцев, находящихся в Гуанчжоу] // 文化纵横 [Культурный аспект]. 2018. July 20 // [Электронный ресурс]: <http://www.21bcr.com/yiminhuanshiguokeguangpiaofeizhourendexianzhuanguancha/> (дата обращения: 20.02.2024).

9. 从曼谷到广州,一个塞内加尔人的搬家史.“低端全球化”2 [От Бангкока до Гуанчжоу: история переезда сенегальца. «Глобализация низкого уровня» 2] // 搜狐 [Соху]. 2018. May 30 // [Электронный ресурс]: https://www.sohu.com/a/233483586_139533 (дата обращения: 09.06.2024).

10. 欧昌梅,刘吉武 [Оу Чанмэй, Лю Цзю]. 非洲人正在离开广州,中国不再具有低成本优势?澎湃新闻记者欧昌梅实习生刘吉武 [Африканцы уезжают из Гуанчжоу, и у Китая больше нет преимущества низких цен?] // 澎湃新闻 [Пэнпай синьвэнь]. 2016. July 4 // [Электронный ресурс]: https://m.thepaper.cn/newsDetail_forward_1493466 (дата обращения: 17.01.2024).
11. 广州越秀有 30 万非洲人真相是? [Правда ли, что в районе Гуанчжоу Юэсю проживают 300 тысяч африканцев?] // 新浪财经 [Синьлан цайцзин]. 2020. April 7.
12. 编织中非故事的影像语言:专访“波比的工厂”导演张勇采访/施东来(上海交通大学比较文学学者,目前主要从事中非文化研究) [Сплетая язык китайско-африканских видеоисторий: интервью с Чжан Юном, режиссером «Фабрики Бобби»] // 澎湃新闻 [Пэнпай синьвэнь]. 2022. June 9 // [Электронный ресурс]: https://m.thepaper.cn/newsDetail_forward_18478125 (дата обращения: 11.01.2024).
13. 陶短房 [ТАО Дуаньфан]. 非洲观察.广州三元里登记非洲人数量下降是喜还是忧 陶短房 [Африканское обозрение. Снижение числа африканцев, зарегистрированных в Саньюанли, Гуанчжоу: повод для радости или беспокойства?] // 澎湃新闻 [Пэнпай синьвэнь]. 2017. March 23.
14. 张欣 [Чжан Синь]. 牵手中国共走发展路—听非洲人讲述他们的中国缘 [Идти рука об руку с Китаем по пути развития. Слушая африканцев об их отношениях с Китаем] // 新华社 [Синьхуа]. 2015. December 3 // [Электронный ресурс]: http://www.xinhuanet.com/world/2015-12/03/c_1117343656.htm (дата обращения: 11.01.2024).

15. 张晓文,毛国明 [Чжан Сяовэн, Мао Гуомин]. 社会组织在非洲移民社会融入过程中的作用 – 基于广州市越秀区登峰街道的案例研究 [Роль общественных организаций в процессе социальной интеграции африканских мигрантов: на основе анализа примеров улицы Дэнфэн в районе Юэсю города Гуанчжоу] // 行政管理研究 [Исследования в области административного управления]. 2017. No. 7. P. 49–51.

16. 周波 [Чжоу Бо]. 非洲人在华管理新模式:广州外国人协调服务办公室 [Новая модель управления африканцами, живущими в Китае: рабочий пункт по координации и обслуживанию иностранцев в Гуанчжоу] // 广西民族大学学报(哲学社会科学版) [Вестник Университета национальностей Гуанси. Философия и общественные науки] / Journal of Guangxi University for Nationalities (Philosophy and Social Science Edition). 2016. No. 4. P. 129–134.

17. 于潇清 [Юй Сяоцин]. 非洲留学生载歌载舞来中企求职:希望找到一份在家乡的好工作 澎湃新闻记者于潇清 [В надежде найти хорошую работу в своем родном городе: африканские студенты поют и танцуют, чтобы трудоустроиться в китайских компаниях] // 澎湃新闻 [Пэнпай синьвэнь]. 2017. November 17 // [Электронный ресурс]: https://m.thepaper.cn/newsDetail_forward_1868151 (дата обращения: 27.01.2024).

Литература на русском языке

1. *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: Кучково поле, 2016. 416 с.

2. *Андреев Н.Д.* Африканская диаспора в Гуанчжоу: проблемы постковидной реальности // Научные исследования современных проблем развития России: тенденции развития в условиях неопределенности: сборник научных трудов по итогам Международной научно-практической конференции молодых ученых Санкт-Петербургского государственного экономического

университета. Санкт-Петербург, 16 мая 2023 года. СПб.: Издательство СПбГЭУ, 2024. С. 142–145.

3. *Андреев Н.Д.* Африканская диаспора в Китае: меняющаяся идентичность в меняющемся мире // Азия и Африка сегодня. 2020. № 10. С. 78–80.

4. *Андреев Н.Д.* Восприятие африканских мигрантов в китайских блогах на фоне пандемии коронавируса // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2021. № 2. С. 140–156.

5. *Андреев Н.Д.* Иммиграционная политика КНР в прошлом и настоящем (обзор современной китайской историографии) // Вестник ПСТГУ. Серия II. История. История Русской Православной Церкви. 2023. Вып. 115. С. 142–157.

6. *Андреев Н.Д.* Мигрантский дискурс в современной гуманитарной мысли как методологический подход исторического исследования // Вопросы истории. 2020. № 12 (1). С. 71–83.

7. *Андреев Н.Д.* Образы африканских мигрантов в современных китайских социальных сетях // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2022. № 4. С. 107–123.

8. *Балданова Р.А.* Африканофобия в КНР и синофобия в Африке во время пандемии COVID-19 как следствие проблемы адаптации в принимающих сообществах // Сегодня и завтра российской экономики. 2020. № 101–102. С. 28–35.

9. *Балданова Р.А.* Китайская африканофобия // Политика и общество. 2017. № 4. С. 31–38.

10. *Балданова Р.А.* Либерализация иммиграционного законодательства КНР сквозь призму африканофобии // Научное обозрение. Серия 1. Экономика и право. 2021. № 3. С. 145–152.

11. *Балданова Р.А.* Миграция из Африки в Китай (на примере провинции Гуандун, г. Гуанчжоу) // Азиатско-Тихоокеанский регион: история и современность – VII: материалы международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Серия 8. Улан-Удэ: Издательство Бурятского государственного университета, 2014. С. 70–74.

12. *Балданова Р.А.* Основные принципы закона КНР «О гражданстве» 1980 г. // Миграционное право. 2018. № 2. С. 27–30.
13. *Балданова Р.А.* Основные тенденции современной иммиграционной политики Китая // Вестник Московского государственного областного университета. 2018. № 2. С. 20–28.
14. *Балданова Р.А.* Политически и правовые особенности въезда и выезда в КНР // Социально-гуманитарные знания. 2018. № 4. С. 245–251.
15. *Балданова Р.А.* Проблема законодательного регулирования нелегальной миграции в КНР // Общество и государство в Китае. 2018. Т. 48. № 1. С. 398–402.
16. *Балданова Р.А.* Система социального кредита в КНР как метод борьбы с нелегальной миграцией // Социально-гуманитарные знания. 2020. № 2. С. 287–294.
17. *Вишневский А.Г., Дмитриев Р.В.* Глобальные демографические процессы в XX – начале XXI веков // География мирового развития. Вып. 3. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2016. С. 197–229.
18. *Гавристова Т.М.* Африканская автобиография: аккумуляция памяти или история от первого лица // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2017. № 2. С. 117–129.
19. *Гавристова Т.М.* Литература африканской диаспоры как объект изучения истории: актуализация сторрителлинга // Россия – Африка: от устной истории к постколониальному нарративу. Сборник материалов Всероссийской конференции с международным участием / Отв. ред. Т.М. Гавристова. Ярославль: Филигрань, 2022. С. 26–32.
20. *Гавристова Т.М.* Мигритюд как презентация идентичности // Гендерный аспект африканской культуры. Между архаикой и современностью / Серия «Гендерные исследования Института Африки РАН». М.: Институт Африки РАН, 2022. С. 194–204.

21. *Гавристова Т.М.* Постколониальные нарративы: литература мигритюда // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2022. Т. 13. № 3 (113).
22. *Гавристова Т.М.* «Черные дьяволы» на студенческой скамье // Азия и Африка сегодня. 1997. № 10. С. 13–19.
23. *Дейч Т.Л.* Африканские мигранты в Китае в условиях коронавируса // Африка в глобальном миграционном потоке: история и современность: сборник тезисов и докладов. Москва, 23 сентября 2020 г. М.: Институт Африки РАН, 2020. С. 9–10.
24. *Дейч Т.Л.* Африканцы в Китае: проблемы миграции // Африканская миграция в контексте современных международных отношений: сборник статей / Отв. ред. Т.Л. Дейч, Е.Н. Корендясов. М.: Институт Африки РАН, 2015. С. 108–121.
25. *Дейч Т.Л.* Китай и африканская молодежь // Молодежь в политической и социокультурной жизни Африки. М.: Институт Африки РАН, 2019. С. 253–259.
26. *Дейч Т.Л.* Африканская диаспора в Китае // Африка в глобальных миграционных потоках: история и современность: коллективная монография / Отв. ред. С.В. Костелянец. М.: Институт Африки РАН, 2022. С. 262–270.
27. *Дейч Т.Л., Усов В.А.* Азиатские африканцы: как им живется в Китае и Индии? // Азия и Африка сегодня. 2016. № 3 (704). С. 33–40.
28. *Забелла А.А.* Африканцы в Китае и их влияние на развитие китайско-африканских отношений // Вестник РУДН. Серия «Всеобщая история». 2019. Т. 11. № 1. С. 65–75.
29. *Кулешова Н.С., Балданова Р.А.* Особенности регулирования нелегальной миграции в КНР // Русская политология – Russian Political Science. 2017. № 4. С. 80–83.
30. *Лун Чанхай, Коробеев А.И.* Особенности миграционной политики современного Китая // Журнал российского права. 2010. № 9. С. 77–82.

31. *Лян Минь Янь*. Правовой статус иностранцев в Китае и России: сравнительный анализ // Сибирский юридический вестник. 2011. № 4 (55). С. 124–129.
32. *Рязанцев С.В., Балданова Р.А.* Основные тенденции африканской миграции на юг Китая // ЦИТИСЭ. 2021. № 3 (29). С. 372–379.
33. *Ставров И.В.* Законодательная реализация этнополитики и районной национальной автономии в КНР // Труды Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. 2022. Т. 38. С. 108–124.
34. *Ставров И.В.* «Мы – единый народ»: «белые книги» как инструмент пропаганды национального единства в КНР // Российско-китайские исследования. 2022. Т. 6. № 4. С. 231–240.
35. *Ставров И.В.* Роль институтов по «делам национальностей» в формировании и реализации этнополитики КНР // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. Религиоведение». 2020. Т. 33. С. 101–107.
36. *Ставров И.В.* Эволюция позиции КПК по национальному вопросу (1921–2021 гг.) // Россия и АТР. 2021. № 2 (112). С. 83–101.
37. *Ставров И.В.* Этнополитика КНР в зеркале источников // Труды Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. 2020. Т. 29. С. 91–102.
38. *Юань Сюнь*. Китайский опыт совершенствования миграционной политики: основные этапы и нерешенные проблемы // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «История и политические науки». 2018. № 5. С. 131–142.

Литература на европейских языках

1. *Adams C.J.* *Africana Peoples in China: Psychoanalytic Perspectives on Migration Experiences, Identity, and Precarious Employment.* New York: Routledge, 2019. 208 p.
2. *Ariga K., Ohtake F., Sasaki M., Wu Z.* *Wage Growth through Job Hopping in China* // Discussion Paper Series. Forschungsinstitut zur Zukunft der Arbeit. 2012. No.

7104 // [Электронный ресурс]: <https://docs.iza.org/dp7104.pdf> (дата обращения: 18.01.2024).

3. *Bertoncello B., Bredeloup S.* China-Africa, or the Waltz of Entrepreneur Migrants // *Revue européenne des migrations internationales*. 2009. January. Vol. 25. Issue 1. P. 45–70.

4. *Bertoncello B., Bredeloup S.* De Hong Kong à Guangzhou, de nouveaux “comptoirs” africains s’organisent // *Perspectives chinoises*. 2007. No. 1. P. 98–110.

5. *Bertoncello B., Bredeloup S., Oates N.* The Emergence of New African “Trading Posts” in Hong Kong and Guangzhou // *China Perspectives*. 2007. No. 1 (69). P. 94–105.

6. *Bertoncello B., Bredeloup S., Pliez O.* Hong Kong, Guangzhou, Yiwu: de nouveaux comptoirs africains en Chine // *Critique international*. 2009/3. No. 44. P. 105–121.

7. *Bodomo A.* Africa-China Relations in an Era of Globalization: The Role of African Trading Communities in China // *West Asia and Africa*. 2009. Vol. 8. P. 62–67.

8. *Bodomo A.* The African Presence in Contemporary China // *The China Monitor*. 2009. No. 36. P. 4–6.

9. *Bodomo A.* The African Trading Community in Guangzhou: An Emerging Bridge for Africa-China Relations // *The China Quarterly*. 2010. September. Vol. 203. P. 693–707.

10. *Bodomo A.* The African Traveller and the Chinese Customs Official: Ethnic Minority Profiling at Border Check Points in Hong Kong and China? // *Journal of African American Studies*. 2015. Vol. 19. P. 52–64.

11. *Bodomo A.* Africans in China: A Sociocultural Study and Its Implications for Africa-China Relations. Amherst, New York: Cambria Press, 2012. 300 p.

12. *Bodomo A.* An Emerging African-Chinese Community in Hong Kong: The Case of Tsim Sha Tsui’s Chungking Mansions // *Afro-Chinese Relations: Past, Present and Future* / Ed. by Kwesi Kwaa Prah. Cape Town: The Centre for Advanced Studies in African Society, 2007. P. 367–389.

13. *Bodomo A.* Historical and Contemporary Perspectives on Inequalities and Well-Being of Africans in China // *Asian Ethnicity*. 2020. Vol. 21. Issue 4. P. 526–541.
14. *Bodomo A.* Linguistic Pan-Africanism as a Global Future: Reflections on the Language Question in Africa. Glienicke: Galda Verlag, 2022. 112 p.
15. *Bodomo A., Dewei Che, Hongjie Dong.* Calculator Communication in the Markets of Guangzhou and beyond // *Journal of Multilingual and Multicultural Development*. 2022. Vol. 43. No. 10. P. 981–992.
16. *Bodomo A., Ma E.* We Are What We Eat: Food in the Process of Community Formation and Identity Shaping among African Traders in Guangzhou and Yiwu // *African Diaspora*. 2012. No. 5. P. 3–26.
17. *Bodomo A., Ma G.* From Guangzhou to Yiwu: Emerging Facets of the African Diaspora in China // *International Journal of African Renaissance Studies*. 2010. Vol. 5. No. 2. P. 283–289.
18. *Bodomo A., Teixeira-E-Silva R.* Language Matters: The Role of Linguistic Identity in the Establishment of the Lusophone African Community in Macau // *African Studies*. 2012. Vol. 71. No. 1. P. 71–90.
19. *Bork-Hüffer T., Rafflenbeul B., Kraas F., Li Zhigang.* Global Change, National Development Goals, Urbanisation and International Migration in China: African Migrants in Guangzhou and Foshan // *Megacities: Our Global Urban Future* / Ed. by F. Kraas, S. Aggarwal, M. Coy, G. Mertins. New York; London: Springer, 2014. P. 135–150.
20. *Bredeloup S.* African Trading Post in Guangzhou: Emergent or Recurrent Commercial Form? // *African Diaspora*. 2012. No. 5. P. 27–50.
21. *Bredeloup S., Bertoncetto B.* La migration chinoise en Afrique: accélérateur du développement ou “sanglot de l’homme noir” // *Afrique contemporaine*. 2006/2. No. 218. P. 199–224.
22. *Brubaker R.* Ethnicity without Groups // *European Journal of Sociology*. 2002. Vol. XLIII. No. 2. P. 163–189.
23. *Brunson J.* African Presence in Early China // *Journal of African Civilizations*. 1985. No. 1. P. 121–137.

24. *Castillo R.* Feeling at Home in the “Chocolate City”: An Exploration of Place-Making Practices and Structures of Belonging amongst Africans in Guangzhou // *Inter-Asia Cultural Studies*. 2014. Vol. 15. No. 2. P. 235–257.
25. *Castillo R., Amoah P.A.* Africans in Post-COVID-19 Pandemic China: Is There a Future for China’s “New Minority”? // *Asian Ethnicity*. 2020. Vol. 21. No. 4. P. 560–565.
26. *Chang Kwang-Chih.* *The Archaeology of Ancient China*. New Haven; London: Yale University Press, 1963. XVIII, 346 p.
27. *Cissé D.* African Traders in Yiwu: Their Trade Networks and Their Role in the Distribution of “Made in China” Products in Africa // *Journal of Pan African Studies*. 2015. May. Vol. 7. No. 10. P. 44–64.
28. *Cissé D.* South–South Migration and Trade: African Traders in China // *The Centre for Chinese Studies. Policy Briefing*. 2013. June. P. 1–4.
29. *Cooke F., Saini D., Wang J.* Talent Management in China and India: A Comparison of Management Perceptions and Human Resource Practices // *Journal of World Business*. 2014. No. 49 (2). P. 225–235.
30. *Dang Fangli.* British Media’s Coverage of Immigrants and Its Enlightenment to Chinese Media: Basing on the Event of Africans’ Protest in Guangzhou // *Tangdu Journal*. 2013. Vol. 29. No. 5. P. 82–86.
31. *Dikotter F.* *The Discourse of Race in Modern China*. London: Hurst & Company, 1992. 251 p.
32. *Fennell V.* Race: China’s Question and Problem // *Review of Black Political Economy*. 2013. No. 40. P. 245–275.
33. *Goodrich L.C.* Negroes in China // *Bulletin of the Catholic University of Peking*. 1931. No. 8. P. 137–139.
34. *Han Huamei.* Individual Grassroots Multilingualism in Africa Town in Guangzhou: The Role of States in Globalization // *International Multilingual Research Journal*. 2013. Vol. 7. No. 1. P. 83–97.

35. *Haugen H.Ø.* African Pentecostal Migrants in China: Marginalization and the Alternative Geography of a Mission Theology // *African Studies Review*. 2013. No. 56. P. 81–102.
36. *Haugen H.Ø.* China's Recruitment of African University Students: Policy Efficacy and Unintended Outcomes // *Globalisation, Societies and Education*. 2013. Vol. 11. Issue 3. P. 315–334.
37. *Haugen H.Ø.* Chinese Exports to Africa: Competition, Complementarity and Cooperation between Micro-Level Actors // *Forum for Development Studies*. 2011. Vol. 38. No. 2. P. 157–176.
38. *Haugen H.Ø.* Nigerians in China: A Second State of Immobility // *International Migration*. 2012. Vol. 50. No. 2. P. 65–80.
39. *He Wenping.* A Summary Analysis of China-Africa Educational Exchanges and Cooperation: Development Phases and Challenges // *West Asia and Africa*. 2007. No. 3. P. 13–18.
40. *Hui W.* *The End of the Revolution: China and the Limits of Modernity*. London: Verso Books, 2009. 272 p.
41. *Ketema Meskela Daddi, Hong Zhu.* The Research on Educational Cooperation between China and Africa: An African Perspective // *Studies in Foreign Education*. 2009. Vol. 36. No. 1. P. 50–53.
42. *Le Bail H.* Foreign Migration to China's City-Markets: The Case of African Merchants / *Asie Visions*, 19. Paris: Centre Asie Ifri, 2009. P. 19. 22 p.
43. *Li Anshan.* African Diaspora in China: Reality, Research and Reflection // *The Journal of Pan African Studies*. 2015. May. Vol. 7. No. 10. P. 10–43.
44. *Li Anshan.* African Students in China: Research, Reality, and Reflection // *African Studies Quarterly*. 2018. February. Issue 4. P. 5–44.
45. *Li Baoping, Luo Jianbo.* Dissecting Soft Power and Sino-Africa Relations in Education and Exchanges Cooperation // *Forum on China-Africa Cooperation: The Politics of Human Resource Development* / Ed. by Li Anshan, Funeka Yazini April. Pretoria: Africa Institute of South Africa, 2013. P. 28–42.

46. *Li Zhigang, Ma L., Desheng Xue*. An African Enclave in China: The Making of a New Transnational Urban Space // *Eurasian Geography and Economics*. 2009. November. Vol. 50. No. 6. P. 699–719.
47. *Li Zhigang, Desheng Xue, Feng Du, Ying Zhu*. The Local Response of Transnational Social Space under Globalization in Urban China: A Case Study of African Enclave in Guangzhou // *Geographical Research*. 2009. Vol. 28. No. 4. P. 920–932.
48. *Li Zhigang, Desheng Xue, Lyons M., Brown A*. The African Enclave of Guangzhou: A Case Study of Xiaobeilu // *Acta Geographica Sinica*. 2008. February. Vol. 63. No. 2. P. 207–218.
49. *Li Zhigang, Du Feng*. Production of China’s New Social Space in the City under “Transnational Entrepreneurialism”: A Case Study on African Economic Zone in Guangzhou // *Urban Space Studies*. 2012. Vol. 36. No. 8. P. 25–31.
50. *Li Zhigang, Du Feng*. The Transnational Making of “Chocolate City” in Guangzhou // *Renwen Dili*. 2012. Vol. 27. No. 6. P. 1–6.
51. *Li Zhigang, Lyons M., Brown A*. China’s “Chocolate City”: An Ethnic Enclave in a Changing Landscape // *African Diaspora*. 2012. Vol. 5. P. 51–72.
52. *Liu Haifang*. A Study on the Evolution and Effect of China’s Scholarship Policy towards African Students // *Annual Review of African Studies in China 2015* / Ed. by Li Anshan and Liu Haifang. Beijing: Social Sciences Academic Press, 2017. P. 141–192.
53. *Liu Ph.Hs*. Petty Annoyances? Revisiting John Emmanuel Hevi’s *An African Student in China* after 50 Years // *China: An International Journal*. 2013. April. Vol. 11. No. 1. P. 131–145.
54. *Liu Tingting, Deng Zhuoyun*. “They’ve Made Our Blood Ties Black”: On the Burst of Online Racism Towards the African in China’s Social Media // *Critical Arts*. 2020. February. Vol. 34. Issue 2. P. 1–4.
55. *Liu Tingting, Xu Mingliang, Chen Xu*. Social Media, Gendered Anxiety and Disease-Related Misinformation: Discourses in Contemporary China’s Online Anti-

African Sentiments // *Asian Journal of Communication*. 2021. November. Vol. 31. Issue 6. P. 485–501.

56. *Long Xia, Xiong Lijun*. The Influence of Sino-African Cultural Difference on the Education of African Students in China: Taking Angola Students as the Example // *Journal of Chongqing University of Education*. 2014. Vol. 27. No. 1. P. 133–136.

57. *Lou Shizhou, Xu Hui*. The Development and Transition of China-Africa Educational Cooperation in the New Period // *Educational Research*. 2012. No. 10. P. 28–33.

58. *Lyons M., Brown A., Li Zhigang*. In the Dragon's Den: African Traders in Guangzhou // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2012. May. Vol. 38. No. 5. P. 869–888.

59. *Lyons M., Brown A., Li Zhigang*. The China-Africa Value Chain: Can Africa's Small-Scale Entrepreneurs Engage Successfully in Global Trade? // *African Studies Review*. 2013. December. Vol. 56. No. 3. P. 77–100.

60. *Lyons M., Brown A., Li Zhigang*. The "Third Tier" of Globalization: African Traders in Guangzhou // *City*. 2008. July. Vol. 12. No. 2. P. 196–206.

61. *Ma E*. Yiwu Mode and Sino-African Relations // *Journal of Cambridge Studies*. 2012. Vol. 7. No. 3. P. 93–108.

62. *Ma Enyu*. Walking into the Yiwu Muslim Community // *China Religion*. 2010. No. 6. P. 56–57.

63. *Mathews G*. Les Traders Africains à Hong Kong et en Chine: L'abondance (du faux) à domicile // *Les Temps Modernes*. 2010. Janvier–Mars. No. 657. P. 110–124.

64. *Mathews G., Dan Lin L., Yang Y*. The World in Guangzhou. Africans and Other Foreigners in South China's Global Marketplace. Chicago: University of Chicago Press, 2017. 256 p.

65. *Mathews G., Yang Y*. How Africans Pursue Low-End Globalization in Hong Kong and Mainland China // *Journal of Current Chinese Affairs*. 2012. Vol. 41. No. 2. P. 95–120.

66. *Meer van der T., Tolsma J.* Ethnic Diversity and Its Effects on Social Cohesion // *Annual Review of Sociology*. 2014. Vol. 40. P. 459–478.

67. *Min Zhou, Shabnam Shenasi, Tao Xu.* Chinese Attitudes toward African Migrants in Guangzhou, China // *International Journal of Sociology*. 2016. Vol. 46. No. 2. P. 141–161.

68. *Min Zhou, Tao Xu, Shabnam Shenasi.* Entrepreneurship and Interracial Dynamics: A Case Study of Self-Employed Africans and Chinese in Guangzhou, China // *Ethnic and Racial Studies*. 2016. Vol. 39. No. 9. P. 1566–1586.

69. *Morais I.* “China Wahala”: The Tribulations of Nigerian “Bushfallers” in a Chinese Territory // *Transtext(e)s. Transcultures. Journal of Global Cultural Studies*. 2009. No. 5. P. 1–22.

70. *Müller A., Wehrhahn R.* New Migration Processes in Contemporary China – The Constitution of African Trader Networks in Guangzhou // *Geographische Zeitschrift*. 2011. Bd. 99. H. 2/3. P. 104–122.

71. *Pliez O.* Toutes les routes (de la soie) mènent in Yiwu (Chine). Entrepreneurs et migrants musulmans dans un comptoir économique chinois // *L’Espace Géographique*. 2010. No. 39. P. 132–145.

72. *Putnam R.* *E Pluribus Unum: Diversity and Community in the Twenty-First Century* // *Scandinavian Political Studies*. 2007. Vol. 30. No. 2. P. 137–174.

73. *Sautman B.* Anti-Black Racism in Post-Mao China // *The China Quarterly*. 1994. No. 138. P. 413–437.

74. *Shanshan Lan.* “China Gives and China Takes”: African Traders and the Nondocumenting States // *Focaal – Journal of Global and Historical Anthropology*. 2017. March. No. 77. P. 50–62.

75. *Shanshan Lan.* Reconstructing Blackness in Grassroots Interactions Between Chinese and Africans in Guangzhou // *Anthropological Quarterly*. 2019. Spring. Vol. 92. No. 2. P. 489–490.

76. *Shanshan Lan.* The Shifting Meanings of Race in China: A Case Study of the African Diaspora Communities in Guangzhou // *City & Society*. 2016. Vol. 28. Issue 3. P. 298–318.

77. *Shanshan Lan*. State Regulation of Undocumented African Migrants in China: A Multi-Scalar Analysis // *Journal of Asian and African Studies*. 2015. Vol. 50. No. 3. P. 289–304.
78. *Simon D.F., Cao Cong*. China's Future: Have Talent, Will Thrive // *Issues in Science and Technology*. 2009. Fall. Vol. 26. No. 1 // [Электронный ресурс]: <https://issues.org/simon/> (дата обращения: 09.02.2024).
79. *Vertovec S*. Migrant Transnationalism and Modes of Transformation // *International Migration Review*. 2006. February. Vol. 38. No. 3. P. 970–1001.
80. *Vertovec S*. Mooring, Migration Milieus and Complex Explanations // *Ethnic and Racial Studies*. 2017. July. Vol. 40. No. 9. P. 1574–1581.
81. *Wang Feng*. China's Population Destiny: The Looming Crisis // *Current History*. 2010. September. Vol. 109. Issue 728. P. 244–251.
82. *Wang H*. China's New Talent Strategy: Impact on China's Development and Its Global Exchanges // *SAIS Review*. 2011. No. 31. P. 49–64.
83. *Xu Hui*. Sino-Africa Educational Cooperation under the FOCAC Framework // *Educational Development Research*. 2007. No. 9. P. 1–7.
84. *Xu Tao*. African's Social Support in Guangzhou: Weakening, Fracture and Reconstruction // *South China Population*. 2009. Vol. 24. No. 4. P. 34–44.
85. *Xu Tao*. An Analysis on Africans' Social Relations and Interaction Logics in Guangzhou // *Youth Research*. 2009. No. 5. P. 71–86.
86. *Xu Tao*. Analysis of Characteristics of the Behavior of African Merchants in Guangzhou // *Journal of Zhejiang Normal University*. 2012. No. 4. P. 55–63.
87. *Xu Tao*. Re-Analysis of the Relations of Social Contact of African Merchants in Guangzhou // *Journal of Zhejiang Normal University*. 2011. No. 4. P. 10–15.
88. *Yang Yang*. African Traders in Guangzhou: Routes, Reasons, Profits, Dreams // *Globalization from Below: The World's Other Economy* / Ed. by G. Mathews, G.L. Ribeiro, C.A. Vega. London: Routledge, Taylor and Francis Group, 2012. P. 154–170.
89. *Yang Yang*. New Silk Roads: African and Chinese Traders in South China and South Africa // *The China Monitor*. 2011. No. 61. P. 4–8.

90. *Ye Shuai*. A Comparative Analysis of the Cross-Cultural Communication Based on the Somali Students and the Chinese Students on Time and Family Concepts // *Kexue Wenhui*. 2011. No. 11. P. 30–31.

91. *Yi Pei, Xiong Lijun*. An Empirical Study of Intercultural Adaptation of African Students in China // *Journal of Shenyang University (Social Science)*. 2013. Vol. 15. No. 3. P. 364–368.

92. *Zang X*. *Ethnicity in China: A Critical Introduction*. Malden: Polity, 2015. 200 p.

93. *Zheng Jianghua*. Construction of Community Management System for Foreign Students in Universities // *Vocational and Technical Education*. 2013. No. 34 (23). P. 66–68.

94. *Zheng Jianghua*. Exploration of Compound Applied Talents Training Mode on African Students // *Journal of Tianjin University of Technology and Education*. 2013. Vol. 23. No. 4. P. 64–70.

95. *Zheng Jianghua*. Research on Safety Management of African Students on University Campus // *Journal of Tianjin University of Technology and Education*. 2012. Vol. 22. No. 4. P. 72–74.

Литература на китайском языке

1. 汪建昌 [Ван Цзяньчан]. 中国国际移民政策变迁研究:内在逻辑与未来走向 [Исследование изменений в международной миграционной политике Китая: внутренняя логика и будущие тенденции] // 江海学刊 [Цзянхайский академический журнал]. 2021. No. 3. P. 131–136.

2. 党芳莉 [Дан Фанли]. 全球化时代中国地方媒体对在华非洲人的媒体报道研究以广州报刊为例 [Исследование освещения вопроса жизни африканцев в Китае в местных китайских СМИ в эпоху глобализации – на примере газет

Гуанчжоу] // **西安文理学院学报(社会科学版)** [Журнал Сианьского университета. Общественные науки]. 2016. February. Vol. 19. No. 1. P. 78–83.

3. 杜松 [Ду Сун]. **基于大数据的中国移民及出入境管理信息应用制度建设** [Создание прикладной информационной системы управления миграционными процессами и вопросами въезда в Китай и выезда из него на основе Big Data] // **武警学院学报** [Журнал Академии народной вооруженной полиции]. 2019. May. Vol. 35. No. 5. P. 11–14.

4. 叶氢,宋红 [Е Цин, Сун Хун]. **中国国家移民管理机构设置与运行问题探讨** [Создание и функционирование Государственного управления по вопросам иммиграции Китая] // **北京警察学院学报** [Журнал Народного университета общественной безопасности Китая]. 2019. July. No. 4. P. 21–25.

5. 李安山 [Ли Аньшань]. **非洲留学生在 中国: 历史、现实与思考** [Африканские студенты в Китае: история, реальность и размышления] // **西亚非洲** [Западная Азия и Африка]. 2018. No. 5. P. 61–89.

6. 李安山 [Ли Аньшань]. **对于非洲的偏见何时休** 澎湃新闻记者王芊霓实习生严月茹? [Когда прекратятся предрассудки против Африки?] // **澎湃新闻** [Пэнпай синьвэнь]. 2020. June 9 // [Электронный ресурс]: https://m.thepaper.cn/newsDetail_forward_7765421 (дата обращения: 18.01.2024).

7. 李明欢 [Ли Минхуань]. **中国大陆的外侨社群** [Сообщества экспатриантов в материковом Китае] // **侨务工作研究** [Обзор исследований по проблемам иммиграции в Китай]. 2012. No. 1 // [Электронный ресурс]: <http://qwgzyj.gqb.gov.cn/yjytt/164/1964.shtml> (дата обращения: 15.01.2024).

8. 林月坚 [Линь Юэцзянь]. 在穗本地居民对中非移民二代的态度调查研究 [Изучение отношения местных жителей Гуанчжоу ко второму поколению иммигрантов китайско-африканского происхождения] // 评价分析 [Оценка и анализ] / Evaluation and Analysis. 2017. Vol. 34. No. 3. P. 47–54.
9. 吕红艳,郭定平 [Лю Хуньянь, Го Динпин]. 排斥性互动:广州非洲人聚集区治理过程考察 [Отталкивающее взаимодействие: исследование процесса управления африканскими районами Гуанчжоу] // 岭南学刊 [Линнаньский академический журнал]. 2020. No. 1. P. 64–85.
10. 刘云刚,陈跃 [Лю Юнган, Чен Юэ]. 全球化背景下的中国移民政策:评述与展望 [Иммиграционная политика Китая в условиях глобализации: обзор и перспективы] // 世界地理研究 [Мировые географические исследования] / World Regional Studies. 2015. March. Vol. 24. No. 1. P. 1–8.
11. 梁玉成,刘和庆 [Лян Ючэн, Лю Хэцин]. 当地居民对外来移民的观念结构及其形成机制—以广州居民与非洲移民关系为例 [Структура представлений местных жителей об иностранных мигрантах и механизмы их формирования: исследование на примере взаимоотношений жителей Гуанчжоу и африканских мигрантов] // 社会科学 江苏 [Общественные науки Цзянсу]. 2016. No. 2. P. 116–126.
12. 牛冬,张振江 [Ню Дун, Чжан Чжэньцзян]. 牛冬,张振江:非洲人在广州的现状研究 [Исследование положения африканцев в Гуанчжоу] // 全球化智库 [Аналитический центр по изучению проблем глобализации]. 2018. September 6 // [Электронный ресурс]: <https://www.ccg.org.cn/archives/35792> (дата обращения: 22.01.2024).
13. 彭坤元 [Пэн Кунъюань]. 清代人眼中的非洲 [Африка глазами подданных династии Цин] // 西亚非洲 [Западная Азия и Африка]. 2000. No. 1. P. 60–62.

14. 彭蕙 [Пэн Хуэй]. 16–19 世纪澳门黑人社群研究 [Исследование сообщества чернокожих в Макао в XVI–XIX веках] // 徐州师范大学学报(哲学社会科学版) [Вестник Сюйчжоуского педагогического университета. Философия и общественные науки]. 2007. Vol. 33. No. 2. P. 76–80.

15. 彭蕙 [Пэн Хуэй]. 16–19 世纪澳门黑人的社会职能 [Социальные функции чернокожих в Макао в XVI–XIX вв.] // 广西民族学院学报(哲学社会科学版) [Журнал Университета народов Гуанси. Философия и общественные науки]. 2005. Vol. 27. No. 2. P. 143–147.

16. 苏浩浩 [Су Хаохао]. 中国会成为“黑色世界”的一部分吗?从欧洲移民问题看中国 [Станет ли Китай частью «черного мира»? Взгляд на Китай с точки зрения европейских иммиграционных проблем] // 百科新说 [Новая энциклопедия]. 2009. No. 12. P. 4–7.

17. 宋全成 [Сун Цюаньчэнь]. 欧洲与中国:非法移民及其社会控制政策之比较 [Европа и Китай: сравнение ситуаций с нелегальной иммиграцией и политики социального контроля за ней] // 山东社会科学 [Шаньдунский журнал общественных наук] / Shandong Social Sciences. 2011. No. 8 (192). P. 23–27.

18. 汤开建,彭蕙 [Тан Кайцзянь, Пэн Хуэй]. 16–19 世纪澳门“黑人”来源考述 [О происхождении «чернокожих» в Макао в XVI–XIX веках] // 世界历史 [Всемирная история]. 2005. No. 5. P. 77–82.

19. 汤开建 [Тан Кайцзянь]. 明清时期中国东南沿海与澳门的“黑人” [«Чернокожие» на юго-восточном побережье Китая и в Макао во времена династий Мин и Цин] // 海洋史研究(第五辑) [Исследования морской истории. Часть пятая]. 2013. No. 10. P. 166–195.

20. 付小康,张燕 [Фу Сяокан, Чжан Янь]. 移民管理模式下中国签证法律制度完善研究 [Исследование совершенствования китайской визовой правовой системы в контексте управления иммиграцией] // 广西警察学院学报 [Журнал Полицейского колледжа Гуанси] / Journal of Guangxi Police College. 2020. Vol. 33. No. 4. P. 24–29.

21. 黄琨 [Хуан Кунь]. 中国舆论场的“反黑”民族主义:性/别,生育与疾病隐喻 [«Античерный» национализм в общественном мнении Китая: метафоры пола/гендера, рождаемости и болезней] // 搜狐 [Соху]. 2020. June 20 // [Электронный ресурс]: https://www.sohu.com/a/403177228_617382 (дата обращения: 23.01.2024).

22. 景兆玺 [Цзин Чжаоси]. 唐代非洲黑人来华述论 [Исследование африканских чернокожих, прибывших в Китай во времена династии Тан] // 西北第二民族学院学报(哲学社会科学版) [Журнал Северо-Западного университета. Второй этнографический институт. Философия и общественные науки]. 1998. No. 4 (37). P. 51–54.

23. 金点强 [Цзинь Дяньцян]. 黑人士兵助郑成功收复台湾 [Как чернокожие солдаты помогли Чжэн Чэнгуну вернуть Тайвань] // Guoxue. 2012. No. 12. P. 36–38.

24. 赵聚军,安园园 [Чжао Цзюцзюнь, Ань Юаньюань]. 广州黑人聚居区的形成与族裔居住隔离现象的萌发 [Формирование районов компактного проживания выходцев из Африки в Гуанчжоу и появление феномена их изоляции на расовой почве] // 行政论坛 [Административный форум]. 2017. No. 4 (142). P. 53–59.

25. 卓文静 [Чжоу Венцзин]. 新疆阿斯塔那 336 号唐墓“黑人”俑及相关问题的再考察 [Повторная экспертиза «чернокожих» фигурок гробницы эпохи Тан № 336 в Астане, Синьцзян, и смежные вопросы] // 中国国家博物馆馆刊. 古代史与文物研究 [Журнал Национального музея Китая. Исследования древней истории и античности]. 2017. No. 4 (165). P. 100–110.

26. 周洋, 李志刚 [Чжоу Ян, Ли Чжиган]. 孤立环境中的影响: 中非婚姻的社会文化适应: 以广州为例 [Влияние в среде изоляции: социально-культурная адаптация китайско-африканских браков на примере Гуанчжоу] // 中央民族大学学报(哲学社会科学刊) [Вестник Центрального университета национальностей. Философия и общественные науки] / Journal of Minzu University of China (Philosophy and Social Sciences Edition). 2016. No. 1. P. 70–79.

27. 钟实 [Чжун Ши]. 中国移民管理语境下“国际移民”的明晰与解读 [Уточнение и толкование понятия «международная миграция» в контексте управления миграцией в Китае] // 北京警察学院学报 [Журнал Пекинского колледжа народной полиции] / Journal of Beijing Police College. 2019. July. No. 4. P. 26–31.